

Н. П. ЕРОШКИН

Самодержавие

**накануне
краха**

Н. П. ЕРОШКИН

Самодержавие накануне краха

Книга для учителей

МОСКВА «ПРОСВЕЩЕНИЕ» 1975

9(C)I
E 78

Ерошкин Н. П.

Е 78 Самодержавие накануне краха. Книга для учителей. М., «Просвещение», 1975.

160 с. с ил.

В книге на большом фактическом материале раскрывается сущность государственного строя помещичье-буржуазной России, историческая обреченность прогнившего политического режима, возглавляемого Николаем II.

$\frac{60501-388}{E 103 (03)-75}$ 197-73

9(C)I

© Издательство «Просвещение», 1975 г.

ВВЕДЕНИЕ

В 1968—1972 гг. на страницах советских исторических журналов проходила дискуссия по проблемам абсолютизма (самодержавия) в России. Эволюция российского абсолютизма на последнем этапе его существования, отмечалось в материалах дискуссии, является составным элементом большой комплексной исторической проблемы социально-экономических и политических предпосылок Великой Октябрьской социалистической революции.

В книге «Самодержавие накануне краха», предназначенной для учителей, автор ставил перед собой задачу показать историческую обреченность самодержавия как политического режима помещичье-буржуазной России в последнее двадцатилетие перед его свержением. Главное внимание в работе сосредоточено на тех вопросах, которые слабо и недостаточно конкретно освещены в исторической науке, но составляют значительный интерес для преподавателей средней школы. Материал книги поможет им лучше показать учащимся государственную машину царского самодержавия, окончательно сломленную в дни Великого Октября.

Книга рассказывает о навсегда ушедшей старой, дореволюционной России с ничтожным и жестоким «хозяином земли русской» и «самодержцем всея Руси» Николаем II, чуждой и враж-

дебной народу «паутиной» — дворянской бюрократией, вселили-ем полицейского произвола и бесправным «парламентом», где смелым голосам немногих избранников народа противостоял злобный хор помещичьих и буржуазных представителей. В последней главе говорится о нарастании революционного кризиса, приведшего к свержению самодержавия народными массами, возглавляемыми большевиками. Февральская буржуазно-демократическая революция не была последней. В исторических Апрельских тезисах В. И. Ленин наметил курс партии на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Победа Великой Октябрьской социалистической революции открыла эпоху всеобщего революционного обновления мира, эпоху перехода от капитализма к социализму.

Автор книги не ставил цели дать всеохватывающую картину исторического развития дореволюционной России начала XX в. с ее экономическим и политическим развитием, революционной борьбой рабочего класса и крестьянства, руководимых ленинской партией коммунистов. По этим и другим вопросам учитель найдет материал в книгах, указанных в кратком рекомендательном списке литературы в конце данного пособия.

„ХОЗЯИН ЗЕМЛИ РУССКОЙ“

В середине января 1897 г. во всех населенных пунктах обширной Российской империи царило непривычное оживление: чиновники повсеместно готовились к проведению впервые в истории страны всеобщей переписи населения. В столице государства Петербурге заседала Главная переписная комиссия, а на местах — губернские и уездные переписные комиссии. По участкам, на которые были разделены города и уезды, суетились назначенные правительством счетчики. И хотя до официально объявленного царским указом дня переписи (27 января) оставалось еще две недели, счетчики уже обходили городские квартиры и деревенские избы, юрты кочевников и сакли горцев с особыми переписными листами. В них было нужно внести фамилию, имя, отчество, сведения о поле, семейном положении, годе рождения, сословии, месте рождения, прописке и проживании, вероисповедании, родном языке, грамотности. Вносили данные о главных и побочных занятиях, должностях и службе, отношении к воинской повинности каждого жителя Российской империи.

Грамотные заполняли листы сами, за неграмотных (их было 76%) сведения в листы вносили счетчики.

Невысокий, узкоплечий мужчина лет тридцати, с рыжими, аккуратно подстриженными усиками, мелкими чертами лица и

тусклыми серыми глазами решил сам заполнить этот лист, лежавший на большом письменном столе его кабинета, увешанного картинами и фотографиями. Он взял ручку и стал уверенно вносить в лист сведения о себе и членах семьи. Перед графой о главном занятии, ремесле, промысле, должности и службе он остановился, несколько помедлил, что-то обдумывая, а затем самонадеянно написал: «Хозяин земли русской»; побочным занятием для себя он отметил: «Землевладелец». Для жены главным и побочным занятиями были обозначены: «Хозяйка земли русской» и «Попечительница домов трудолюбия». Удовлетворенный таким остроумным объяснением своего занятия и должности, он поднялся с кресла и подошел к окну.

Там, за окном, лежала обширная, многоверстная великая страна, а он, Николай Романов, был действительно ее неограниченным «хозяином», «благополучно», как отмечалось в официальных документах, царствовавшим вот уже третий год после смерти «незабвенного» родителя — императора Александра III.

Судьбы 126 миллионов людей разных национальностей, вероисповеданий и социального положения, их горе и радости, несчастья и благоденствие зависели вот от этого ничем не приметельного человека с громким титулом «император и самодержец всероссийский», а в просторечии — царь.

К концу XIX в. Россия, как и другие развитые государства мира, вступила в период империализма, но ее государственный строй оставался старым, феодальным.

В то время, когда в России бурно росли города, строились фабрики и заводы, возникали акционерные общества и компании, биржи и банки, появились первые промышленные объединения и тресты, когда на восток, через сибирские степи и тайгу, к Великому океану уверенно потянулся железнодорожный путь, а из больших балтийских, азовских и черноморских портов отплывали отяжелевшие от хлеба и леса пароходы, — в это время большинство чиновников оставались дворянами-помещиками, а во главе государства стоял неограниченный, самодержавный монарх.

Законы России, утверждаемые царем, устанавливали его исключительные права в верховном управлении и суде (включая право помилования), в назначении и увольнении высших чиновников, командующих армией и флотом, расходовании денежных средств, пожаловании титулов и орденов¹.

Царь являлся «главой всей императорской фамилии» — пяти-шести десятков царских родственников, носящих титулы великих князей и княгинь или просто князей и княгинь.

¹ См.: «Основные законы Российской империи» — законодательный акт об основах государственного строя России, составленный в 20-х годах XIX в. М. Сперанским и включенный впервые в сборник «Свод законов Российской империи» (1832 г.). Новое издание «Основных законов» (1906 г.) не изменило сущности самодержавной власти и формы правления.

Царь был первым помещиком и самым богатым человеком в империи. Принадлежавшие царской фамилии так называемые удельные земли находились в 38 (из 52) губерниях Европейской России, на Кавказе, в Польше и составляли в конце XIX—начале XX в. около 8 млн. десятин¹. Особенно много таких земель было в богатых черноземных губерниях Поволжья: Симбирской (более 1 млн. десятин), Самарской (около 850 тыс.), Саратовской (213 тыс.)².

В то время как 10,5 млн. крестьянских дворов (около 50 млн. населения) имели 75 млн. десятин земли³, т. е. в среднем по 7 десятин на хозяйство, на каждого члена императорской фамилии (в конце XIX в. до 50 представителей) приходилось в среднем по 160 тыс. десятин удельной земли, не считая собственных (т. е. лично принадлежащих данному члену царской фамилии) имений.

Впрочем, хозяйство на этих удельных землях велось редко. Чаще всего удельные чиновники предпочитали сдавать их в аренду малоземельным крестьянам, что давало более $\frac{1}{3}$ дохода для царской фамилии. Одну пятую часть доходов получали от торговли удельными лесами, другую — приносили в конце XIX в. «выкупные платежи», выплачиваемые бывшими удельными крестьянами после их «освобождения» в 1863 г.

Во владении царской фамилии находились также предприятия и промыслы: обширные винодельческие хозяйства на Кавказе в Кахетии (имения Напареули, Мукузани), в Черноморской губернии (Абрау-Дюрсо), в Крыму (Массандра), продукция которых (около 100 тыс. ведер вина ежегодно) сбывалась через специальные магазины оптовым покупателям; чаквинские чайные плантации в Батумском округе, Мургабское хлопководческое и овцеводческое хозяйство (104 тыс. десятин) в Средней Азии, большой сахарный завод в Самарской губернии (до 1—2 млн. пудов сахара в год), Петергофская гранильная фабрика и ряд лесопильных заводов.

В целом эта хозяйственно-промышленная деятельность давала до 15% доходов от их общей суммы, к тому же операции в иностранных банках приносили ежегодно еще до 10%.

Все доходы царской фамилии от эксплуатации удельных имуществ, земель и предприятий в конце XIX в. составляли более 52 млн. руб. в год, что вдвое превышало расходы государства на народное просвещение.

Кроме того, как уже сказано, каждый член царской фамилии имел и свои земли, драгоценности, дворцы, занимал выгодные должности.

¹ См.: «История уделов за столетие их существования (1797—1897)», т. 1. СПб., 1902, стр. 186—193; «Статистический ежегодник России. 1914». Пг., 1915, стр. 8—9.

² Там же.

³ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 68.

Зимний дворец.

Николаю II лично принадлежали обширнейшие «кабинетские округа» — земельные и лесные территории (713,5 тыс. кв. км — больше любого западноевропейского государства!), а также горные предприятия на Алтае, в Забайкалье, фарфоровые и стеклянные заводы в окрестностях Петербурга, гранитная фабрика на Урале и другие предприятия.

Царской фамилии принадлежали также многочисленные роскошные дворцы и находившиеся в них высокохудожественные ценности: произведения живописи и скульптуры великих западноевропейских и русских мастеров.

Большинство этих дворцов находилось в столице и ее окрестностях.

Самым богатым был Зимний дворец, построенный в 1754—1762 гг. итальянским архитектором Варфоломеем Растрелли в стиле барокко и восстановленный после пожара 1837 г. русскими архитекторами В. П. Стасовым и А. П. Брюлловым.

Этот дворец насчитывал 1050 парадных и жилых помещений общей площадью 46 тыс. кв. м, он имел 1945 окон, 1786 дверей, 117 лестниц и 329 дымоходных труб¹.

На протяжении ста пятидесяти лет дворец, оправдывая свое название, был зимней резиденцией почти всех царей (за исключением Павла I и Александра III). В первые десять лет своего

¹ См.: «Путеводитель по Ленинграду». Л., 1963, стр. 234.

правления Николай II с сентября — октября и до мая также жил в Зимнем. С 1904 до 1917 г. зимней резиденцией царя стал Александровский дворец в Царском Селе¹. Огромный Зимний дворец с этого времени чаще всего пустовал и оживал лишь во время парадных царских приемов и случайных наездов царя.

Из петербургских царских дворцов наиболее известны Аничков на Невском проспекте, построенный в 40-х годах XVIII в. для фаворита Елизаветы Петровны графа А. Г. Разумовского и купленный вновь царской семьей в XIX в., а также небольшой Летний дворец Петра I в Летнем саду.

В Царском Селе наиболее значительными были величественный Екатерининский (построенный А. В. Квасовым, С. И. Чеваковским и В. В. Растрелли) и классически строгий Александровский (построенный Дж. Кваренги) дворцы.

Большинство дворцов в Петергофе также принадлежало царю и его семье. Однако для своей летней резиденции (с апреля — мая до сентября — октября) Николай II выбрал не эффектный, построенный еще при Петре I и переделанный В. Растрелли Большой дворец, а трехэтажный дворец в парке Александрия, так называемую Нижнюю дачу, сооруженную в 1885 г. архитектором А. О. Томишко. Здесь, а иногда в крымском дворце Ливадия царская семья проводила летние месяцы вплоть до начала первой мировой войны.

Царской семье принадлежали также дворцы в Гатчине, Ораниенбауме (г. Ломоносов с 1948 г.), Москве (Большой Кремлевский), Грузии (Аббас-Туман), Варшаве.

Члены императорской фамилии — ближайшие родственники царя — также имели свои дворцы; многие из них и доныне являются замечательными произведениями архитектуры. Неподалеку от Зимнего дворца, на Миллионной улице², еще в 1832 г. для сына Николая I Константина архитектором Ринальди был построен небольшой, но изящный Мраморный дворец — одно из красивейших зданий столицы.

Сложным хозяйством царя и всей императорской фамилии управляло специальное учреждение, именуемое Министерством императорского двора, в котором служило до 1300 чиновников. На содержание этого министерства из общего бюджета государства в начале XX в. выделялось от 12,7 до 17 млн. руб. в год³. Министерство занимало особое положение в государственном аппарате: министр двора был членом и Государственного совета, и Комитета министров, и Совета министров и отчитывался только перед царем. По совместительству он являлся и канцлером всех орденов России, заведовал высшим органом по выдаче их — «Капитулом орденов».

¹ С лета 1914 г. и летняя резиденция была переведена в этот дворец.

² Ныне ул. Халтурина. В Мраморном дворце в наши дни помещается филиал Центрального музея В. И. Ленина.

³ См.: «Министерство финансов. 1802—1902 гг.», ч. II. СПб., 1902, стр. 648.

Министерство двора было приспособлено к изысканию средств для царя, его семьи и родственников, обслуживанию всей многочисленной и праздно императорской фамилии.

Одна из структурных частей министерства, именуемая Кабинетом, заведовала личным имуществом царя — кабинетскими землями, лесами, заводами. Особенно кичилась царская семья своими драгоценностями, собрание которых было действительно одним из самых богатейших в мире. Среди алмазов находились всемирно известные «Орлов» (194,75 карата) и «Шах» (87 каратов¹).

Очень важное учреждение министерства — «Касса» — собирало все доходы царской фамилии; отсюда они распределялись между ее членами. Каждый сын императора (царствующего или умершего) получал до совершеннолетия 150 тыс. руб. ежегодно. При достижении совершеннолетия ему делали подарок в 1 млн. руб., а после вступления в брак он получал ежегодно 235 тыс. руб. Помимо этого, его супруга также получала ежегодно 40 тыс. руб., а их дети от 50 до 150 тыс. руб. в год до совершеннолетия².

Получали «свой деньги» и другие ближайшие родственники царя: великие князья и княгини, князья и княгини «императорской крови» с титулом высочеств. Более дальние родственники (князья и княгини «императорской крови», но уже с титулом светлости) из удельных доходов с 1886 г. получать пособия перестали; они довольствовались доходами с собственных имений и выгодных должностей.

Много внимания Министерство двора уделяло внутреннему хозяйству и быту царской семьи. Кроме Управления императорскими дворцами, существовали управления дворами наиболее близких членов царской фамилии. «Гофмейстерская часть» обеспечивала царский двор всем необходимым; ею заведовал придворный генерал (генерал-адъютант) — обер-гофмейстер «высочайшего двора»; а все даже второстепенные должности «Гофмейстерской части» занимали довольно высокие чины; так, «заведующий кухонной посудой» был чиновник VIII класса «Табели о рангах» — коллежский ассессор, а «заведующий винной кладовой» — VII класса — надворный советник. «Придворная конюшенная часть» возглавлялась обер-штальмейстером, а охота — обер-егермейстером. Придворными церемониями ведала «Церемониальная часть» во главе с двумя обер-церемониймейстерами и т. д. Подобных высокооплачиваемых должностей при дворе было немало.

¹ Карат — ювелирная единица веса, равная 0,2 г.

² Для сравнения нужно отметить, что квалифицированный рабочий в некоторых тяжелых отраслях промышленности (например, нефтяной) за 15—18-часовой рабочий день в конце XIX в. получал 7—12 руб. в месяц, т. е. 84—144 руб. в год. По официальному обследованию в 1910 г., русский рабочий в среднем получал в год 246 руб. («Краткая история рабочего движения в России», М., 1962, стр. 273, 434). Доходы крестьян — бедняков и середняков — были еще ниже.

На их содержание расходовались огромные народные средства. Многие высшие царские чиновники, занимавшие важнейшие посты в государстве, не входя в штат Министерства двора, получали как бы по совместительству то или иное почетное придворное звание. Так, к 1914 г. при царском дворе числилось 5 обер-гофмейстеров, 6 обер-егермейстеров, 103 гофмейстера, 45 шталмейстеров, 20 егермейстеров, до 400 камергеров, 40 камер-юнкеров и других почетных придворных чинов. Жены и дочери этих лиц тоже нередко числились при императрице в придворных званиях (до полутора десятка статс-дам, несколько камер-фрейлин, более 250 фрейлин) ¹.

Вся эта жадная до выгодных должностей, чинов, званий и жалований кучка лиц вместе с царем и правила государством, расхищая его достояние.

В ведении Министерства двора находилась обширная «Придворная медицинская часть», которую обслуживали 175 медиков, начиная с высокочиновных (лейб-медик, лейб-хирург, лейб-акушер, лейб-педиатр, лейб-дантист и т. п.) и кончая работниками придворной аптеки.

Духовно-религиозные «потребности» двора удовлетворяло придворное духовенство, насчитывавшее более 110 разных духовных лиц при министерстве, а также в различных придворных соборах и церквях.

В состав придворного ведомства входили также Дирекция императорских театров, которая заведовала рядом крупнейших театров Петербурга (Александринский, Мариинский, Михайловский), Москвы (Большой и Малый) с соответствующими театральными училищами, а также «императорская» Академия художеств с Высшим художественным училищем, «императорские» Эрмитаж, Русский музей ².

До первой революции охрану царя и его семьи осуществляли государственные органы полиции, жандармерии и некоторые специальные воинские части (рота дворцовых гренадеров).

В начале революции 1905 г. эти охранные функции передали созданному еще в 1894 г. Управлению дворцового коменданта со специальной дворцовой полицией — особой агентурой дворцового сыска, насчитывавшей более 250 человек. Эти агенты охраняли царя не только при его разъездах по стране, но и во время прогулок по аллеям петергофских и царскосельских парков.

Привольно и беззаботно жилось царю и всей императорской фамилии в конце XIX и начале XX в., и, казалось, ничто не

¹ См.: «Весь Петроград на 1915 г. Адресная и справочная книга». Пг., 1915, стр. 42—56.

² «Императорское» звание носили более полусотни учебных и других заведений и обществ, которые, как считалось, находились под покровительством царя. Среди них университеты, Александровский лицей, Русское историческое общество, Всероссийский аэроклуб, а также Общество спасения на водах, Общество поощрения рысистого коннозаводства, Пожарное общество и др. («Весь Петроград на 1915 г.», стр. XX).

могло нарушить власти «хозяина земли русской» и его окружения над миллионами подданных.

Через «высочайшие» манифесты, указы, официальную печать, школу и церковь царь стремился внушить народным массам мысль, что он и его правительство стоят выше классов, что он «справедлив, дескать, ко всем, и бедным и богатым одинаково»¹. Эта политика была рассчитана на сохранение и укрепление в народных массах веры в доброго и справедливого царя.

20 октября 1894 г. телеграф разнес весть о том, что в Крыму, в Ливадийском дворце, умер от острого воспаления почек (нефрита) Александр III. Этот огромный неуклюжий мужчина, Топтыгин Третий, как называл его М. Е. Салтыков-Щедрин², правивший Россией тринадцать с половиной лет, обладал богатырской силой, и для многих, даже близких лиц, его смерть оказалась неожиданной.

Опасаясь участи отца, убитого революционерами-народниками 1 марта 1881 г., Александр III принял крайние меры предосторожности: открытая дворцовая жизнь с пышными балами, ежедневные прогулки по Петербургу, общение с многими лицами прекратились. Царь обрек себя на заточение в низеньких антресолях мрачного Гатчинского дворца, построенного в стиле средневековой крепости, с узкими проходами, низкими сводами небольших комнат, со скромной мешанской обстановкой. Во время редких наездов в Петербург Александр III останавливался не в роскошном Зимнем, а в более скромном Анничковом дворце.

Подорвав свое здоровье неумеренным употреблением спиртных напитков, Александр III умер в возрасте 49 лет. Из приветливого солнечного Крыма через всю Россию в хмурый осенний Петербург проследовал траурный поезд. Вдоль железнодорожного пути с винтовками наперевес, спиной к рельсам и лицом к незримому врагу стояли солдаты, и казалось, что мертвый император, не менее чем при жизни, опасался революционеров.

Мокрый от непрерывного петербургского дождя катафалк проследовал от Николаевского вокзала столицы через Невский проспект в Петропавловскую крепость — место захоронения царей и темницу для их врагов — революционеров. Солдаты гвардейских полков теснили на тротуарах молчаливые толпы жителей. Крепостные часы заунывно играли гимн «Коль славен».

Годы правления Александра III были временем самой глухой политической реакции. Руководствуясь советами своего бывшего воспитателя, обер-прокурора Святейшего синода Константина Победоносцева, министра внутренних дел Дмитрия Толстого и журналиста-монархиста Михаила Каткова, правительство Алек-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 136.

² См.: Н. Щедрин (М. Е. Салтыков). Избранные произведения в 7-ми тт., т. VI. М., 1949, стр. 54—57.

сандра III проводило реакционнойшую политику: расправлялось с остатками народнических организаций; установило военно-полицейские методы управления с разветвленной системой органов политического сыска, военно-окружными судами, внесудебными формами расправы с революционными и прогрессивными общественными деятелями, с контрреформами, которые свели на нет приведенные в 60—70-е годы XIX в. буржуазные преобразования суда, просвещения и пр.¹

На престол вступил Николай II.

Либерально настроенные деятели земских учреждений и интеллигенции возлагали на нового царя некоторые надежды. Правда, то, что они знали о нем, не было особенно лестным.

Став наследником престола, он без огорчения бросил учебные занятия. «Сегодня,— с радостью отмечал Николай в дневнике 28 апреля 1890 г.,— окончательно и навсегда прекратил свои занятия»². Образ его жизни до вступления на престол мало чем отличался от образа жизни петербургской светской молодежи. Это было праздное, полное кутежей времяпрепровождение. Александр III ренил как-то отвлечь от этого наследника престола и отправил его в заграничное путешествие. В сопровождении нескольких родственников и придворных молодых людей Николай отбыл за границу: Египет, Индия, Япония... но везде ему сопутствовали сомнительные увеселения, а иногда и дипломатические скандалы. В японском городке Отсу при посещении храма эта веселая компания вела себя так разнузданно, что полицейский ударил резиновой палкой наследника по голове,— возник серьезный международный скандал, и Николаю пришлось возвратиться в Россию³.

После этого решили женить наследника, и вскоре началось сватовство. Одна из теток посоветовала избрать в невесты ее сестру Алису, принцессу Гессенскую, но этот брак состоялся уже

¹ См.: П. А. Зайончковский. Кризис самодержавия на рубеже 70—80-х годов XIX в. М., 1964; его же. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.

² Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и государственного управления СССР (сокр. ЦГАОР). ф. 6, д. 224, л. 122.

³ При получении известия об этом событии талантливый московский репортер В. А. Гиляровский набросал экспромт, который вскоре обошел Россию:

Приключением в Отсу
Опечален царь с царицею.
Тяжело читать отцу,
Что сынок побит полицею.
Цесаревич Николай,
Если царствовать придется,
Никогда не забывай,
Что полиция дерется.

(В. Бояновский и Э. Голлербах. Русская сатира первой революции 1905—1906 гг. Л., 1925, стр. 72.)

после смерти Александра III, в ноябре 1894 г. Дочь захудалого немецкого герцога Алиса Гессенская приняла православие и стала именоваться Александрой Федоровной. Она зарекомендовала себя сразу как крутая и психически неуравновешенная женщина. Новые родственники дали ей нелестное прозвище: Гессенская муха.

Первая встреча представителей господствующих классов с новым царем состоялась 17 января 1895 г. В торжественной тишине ярко освещенного Николаевского зала Аничкова дворца перед заставшими депутатами от дворян, верхушки земств, городов и казачьих войск Николай II произнес свою первую публичную речь. Воспитатель и ближайший советник Александра III, К. Победоносцев, сохранявший свое влияние в первые годы правления Николая II, составил эту небольшую речь и посоветовал царю положить ее в барашковую шапку, а затем зачитать. И вот, сделав три шага по направлению к депутатам и держа шапку перед собой, Николай II тихим голосом прочитал первую фразу с выражением благодарности за «верноподданнические чувства». Далее, уже повышая голос, он злобно заявил, что ему стало известно о выступлениях в земских собраниях некоторых людей, «увлекавшихся бессмысленными мечтаниями об участии представителей земства в делах внутреннего управления». В тексте, написанном Победоносцевым, значились «беспочвенные мечтания», но буквально в последние минуты дядя царя, вел. кн. Сергей, посоветовал Николаю II заменить эту фразу на «бессмысленные мечтания», как выражение более энергичное и решительное. «Пусть все знают, — закричал царь в лицо оторопевшим сословным депутатам, — что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой незабвенный покойный родитель»¹.

Эта речь, подтвердившая неизбежность самодержавной неограниченной монархии, сильно расстроила либеральных земских деятелей.

По обычаю, новому царю предстояло коронование; оно проходило обыкновенно в «первопрестольной» столице России — Москве, в Успенском соборе, где на царя возлагался особый головной парадный убор — золотая, отделанная бриллиантами корона.

Чтобы заслужить царскую благодарность, московский генерал-губернатор вел. кн. Сергей и Министерство двора не пожалели средств, израсходовав на коронацию около 25 млн. руб. Внешнее великолепие обряда по замыслу его организаторов должно было упрочить престиж самодержавия в народе и утвердить у западноевропейской буржуазии мнение о его прочности и незыблемости.

Перед коронацией московские власти предприняли «очистку» Москвы от политически неблагонадежных элементов: выслали

¹ «Правительственный вестник», 18 января 1895 г.

многих студентов, рабочих, отдельных представителей интеллигенции. Для охраны царя была мобилизована не только вся московская полиция и жандармерия, но прибыли жандармы и полицейские команды из Петербурга, Киева и Харькова.

В день коронации, 14 мая 1896 г., Успенский собор уже с утра заполнили высокопоставленные гости: члены царской фамилии, иноземные, нередко пестро и экзотически одетые принцы и принцессы, иностранные послы и придворные в шитых золотом мундирах, царские чиновники в строгих фраках. На тронах, помещенных на большом помосте посреди собора, восседали Николай II, его мать, вдовствующая императрица, и слева — молодая царица. Под гулкие своды старинного собора неслись слова молитв и пение торжественной церковной службы (обедни).

После обедни царь сам возложил одну корону на свою голову и другую — на голову царицы¹.

Церемония коронования на этом и окончилась. Над Москвой разливался гул колоколов бесчисленных церквей и соборов, с этим гулом перекликались звуки оркестров, исполняющих государственный гимн царской России.

Проводя всю эту заранее тщательно подготовленную пышную церемонию, самодержавие стремилось продемонстрировать иностранным гостям и собственным подданным свою мощь и незыблемость.

Программа празднеств предусматривала и «народное гулянье» на Ходынском поле с раздачей дешевых царских подарков — узелков с кружками, колбасой, пирожками, пряниками и конфетами. Для раздачи этих подарков на Ходынском поле было построено 1500 будок. Еще с вечера 17 мая на неровное, пересеченное оврагами поле с ямами, оставшимися после выставки 1882 г., устремились толпы людей. Московские власти, возглавляемые дядей царя вел. кн. Сергеем Александровичем, и министр двора граф И. И. Воронцов-Дашков, ответственные за организацию торжеств, проявили беспечность и равнодушие к этому скоплению народа. Уже к ночи на Ходынке, на площади в 9 кв. километров, собралось до 600 тыс. человек. Занятые охраной царя и его высоких гостей, московские власти выделили на Ходынку караул из 46 солдат для охраны будок. Давка превратилась в настоящее побоище, когда организаторы в половине шестого утра 18 мая приступили к раздаче подарков. Толпа хлынула к будкам. Овраги и ямы стали ловушками и быстро заполнялись раздавленными насмерть и полузадушенными людьми. «Ужас давки все больше и больше обнажался, — писал впоследствии один из оче-

¹ Корона, так же как держава и скипетр, составляла знаки внешнего выражения власти российских императоров. *Корона* — головной убор для коронования, украшенный 5000 бриллиантов, 75 жемчужинами и одним из самых крупных в мире рубинов; *держава* — полированный золотой шар, охваченный поясом из бриллиантов; *скипетр* — гладкий золотой жезл с семью кольцами из бриллиантов (в верхнем кольце скипетра находился знаменитый алмаз «Орлов»).

видцев этой катастрофы.— Посиневшие и пожелтевшие соседи,— мертвецы, ходящие по полю,— зажатые среди живых,— никого не пугали, не удивляли уж больше. И все мы привыкли и научились ходить через мертвых не спотыкаясь...»¹.

С 9 часов утра до 6 часов вечера пожарные повозки вывозили трупы с поля.

Только к вечеру 18 мая на Ходынское поле прибыла полиция, и то больше для того, чтобы разгонять фотографов и репортеров.

Еще не убрали трупы на Ходынском поле, а туда под бравую музыку из оперы «Жизнь за царя» прибыла коляска с царем и царицей, окруженная густым эскортом «собственного конвоя». Навстречу ему двинулись пожарные обозы, нагруженные трупами, сложенными штабелями и небрежно прикрытыми брезентом. Царя встретили крики возмущения: «Поезжай на похороны!» — кричали из толпы. Царь поспешил покинуть поле.

Несмотря на то что даже некоторые придворные предлагали прекратить торжества, царь и его приближенные сделали вид, что ничего не произошло. В тот же вечер в Кремле состоялся бал, данный французским посольством, и Николай II с женой посла открыл его традиционным полонезом. Один из главных виновников Ходынки, генерал-губернатор вел. кн. Сергей, предпочел устроить в этот вечер для гвардейских офицеров банкет в загородном ресторане «Стрельна».

Несколько дней и ночей подряд все пожарные команды и полиция Москвы извлекали трупы из ям Ходынского поля. Даже по официальным данным, число жертв было огромно; следствие установило, что на Ходынке пострадало 2690 человек, из них 1389 человек умерло².

На сотнях крестов могил Ваганьковского кладбища в Москве появилась краткая, но выразительная надпись: «Умер после Ходынки».

Самодержавие сделало все, чтобы скрыть от народа действительные размеры катастрофы и ее виновников. Расследовавший причины катастрофы следователь по особо важным делам Кайзер передал материал министру юстиции Н. В. Муравьеву, составившему на имя царя записку «О беспорядках 18 мая 1896 г. в Москве на Ходынском поле во время народного гулянья», в которой обвинял второстепенных лиц Министерства императорского двора и чинов полиции во главе с московским обер-полицимейстером полковником А. А. Власовским. Истинные виновники (вел. кн. Сергей и Воронцов-Дашков) здесь даже не упоминались. Ввиду большого общественного негодования вскоре пришлось назначить новое расследование во главе с членом Государственного совета гр. К. И. Паленом, который хотя и осторожно, но намек-

¹ В. Краснов. Ходынка. М.—Л., 1926, стр. 33.

² ЦГАОР, ф. 543, оп. 1, д. 652, лл. 17—17 об.; «История Москвы», т. V. М., 1955, стр. 666.

нул на вину вел. кн. Сергея Александровича. Специальным секретным циркуляром Министерство внутренних дел запретило освещать ходынские события в печати. Были смещены со своих постов Власовский, несколько второстепенных чинов полиции и Министерства двора. Однако за организацию коронационных торжеств вел. кн. Сергей получил «высочайшую признательность» и вскоре еще один пост — командующего войсками Московского военного округа.

Ходынка вошла в историю как воплощение бездарности, ничтожества, тупости и жестокости московской администрации и полиции и их коронованного «хозяина» Николая II. События на Ходынском поле стали первой вехой кровавого царствования последнего царя России — Николая II.

Зловещую роль в управлении государством играли родственники царя. К началу XX в. царская фамилия сильно разрослась и насчитывала до 60 ее членов, жадных и праздных тунеядцев, сидящих на шее трудового народа, проживавших огромные суммы денег.

Поскольку в первые 10 лет правления у Николая II не было сына, то наследником престола (с титулом «цесаревич») считался следующий по старшинству сын Александра III — Георгий, но этот болезненный юноша умер в возрасте 27 лет от скоротечной чахотки, и в 1898 г. наследником стал младший сын Александра III — Михаил, слабохарактерный и еще более ограниченный, чем Николай II. После рождения у Николая II сына Михаил перестал быть наследником престола и даже попал в опалу царской семьи.

С XVIII в. в царской семье утвердилась традиция вступать в брак лишь с особами иностранных царствующих домов (для мужского поколения романовской семьи это были чаще всего немецкие принцессы, имевшие репутацию высоко нравственных жен). Михаил нарушил эту традицию и вступил в брак с некоей Н. С. Шереметьевской, женщиной незнатного происхождения (отец ее был московским адвокатом), уже дважды бывшей замужем.

Грубые и недалекие, беспринципные и жадные, царские родственники смотрели на Россию как на свою вотчину, как на место извлечения денег, не брезгуя для достижения этой цели ничем. Нарушение элементарной законности, казнокрадство, полная безнаказанность — эти черты были присущи многим представителям российской императорской фамилии.

Наиболее привлекательной сферой для великих князей являлась военная деятельность. Большинство великих князей начинали свою службу на командных должностях в привилегированных гвардейских частях, а затем некоторые из них занимали и более высокие административные и военные посты.

Особенно большое влияние на политику самодержавной России в конце XIX — начале XX в. оказывали дяди царя, братья Александра III.

Вел. кн. Сергей занимал с 1892 г. ответственный пост московского генерал-губернатора, а затем и командующего войсками Московского военного округа, охватывающего 13 центральных губерний. Ходынская катастрофа, насаждение зубатовщины, массовые аресты революционеров, гонения невинных общественных организаций (вроде Юридического общества), выселение из Москвы евреев — вот что характеризовало «правление» вел. кн. Сергея.

Однако его ретивая административно-полицейская деятельность не остановила нарастания революции в Москве. Наоборот, своими полицейскими мерами, как отмечал впоследствии В. И. Ленин, он «революционизировал Москву едва ли не лучше многих революционеров»¹.

Всей гвардией и Петербургским военным округом командовал другой дядя царя — вел. кн. Владимир, наиболее реакционный представитель царской фамилии.

Еще в начале 80-х годов он по поручению Александра III возглавил комитет по постройке церкви на месте убийства деда — Александра II. По всей России по подписке собрали большую сумму денег (3 млн. руб.), которую вел. кн. Владимир безнаказанно присвоил, а казначей комитета — секретарь Академии наук Евсеев был отдан под суд и сослан в Сибирь. Деньги на постройку церкви пришлось восполнять из государственных и удельных сумм.

Если Сергей Романов — один из виновников Ходынской катастрофы, то Владимир Романов — один из инициаторов Кровавого воскресенья. Это по его приказу 9 января 1905 г. войска стреляли в рабочих, мирно шедших к Зимнему дворцу. Преступная деятельность обонх осталась безнаказанной.

Великий князь Алексей Александрович («семь пудов августейшего мяса», как аттестовал его один чиновник-острослов²) был главным начальником военно-морского флота. За время его руководства бюджет морского министерства возрос почти в пять раз, но, по свидетельству специалиста, деятельность великого князя «была характерным образцом бесплановой растраты государственных средств»: суда строились разнотипные, дорогие, устарелые, несовершенные³. Отпускаемые на флот средства Алексей Романов растранировал на кутежи.

На модных европейских курортах, в международных игорных домах, в парижских кабаках Монмартра можно было часто встретить *grands ducs gusses* (великих русских князей), проматывающих свои и казенные деньги. Чаше всего это были великие князья Владимир Александрович и Алексей Александрович. От них не отставала и молодежь, особенно скандалисты и кутилы Влади-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 11, стр. 268.

² См.: А. Н. Крылов. Мои воспоминания. М., 1945, стр. 155.

³ Там же, стр. 157.

мировичи — сыновья вел. кн. Владимира: Кирилл¹, Борис и Андрей.

Развлекаясь в России и за рубежом, «генерал-адмирал» Алексей Романов уделял руководству флотом ничтожно малое время. Его некомпетентность в военно-морском деле и бесконтрольное хозяйствование подготовили разгром русского флота при Цусиме. В день получения известия о Цусимском сражении он беспечно катался по петербургским улицам, а затем направился в театр.

Цусимский разгром вынудил Николая II «всемилоостивейше» уволить вел. кн. Алексея согласно «просьбе» от 26 июня 1905 г. Однако вскоре он назначил его попечителем... Всероссийского общества рыболовства.

Самым способным в военном деле из всей романовской семьи считался двоюродный дядя царя вел. кн. Николай Николаевич. Всегда подтянутый, Николай Николаевич импонировал своему племяннику Николаю II, имевшему, как и все Романовы, слабость к военной форме и муштре (сам Николай II числился полковником первого батальона Преображенского гвардейского полка). Даже горячность, грубость и самодурство вел. кн. Николая Николаевича расценивались царем как признаки волевого и твердого характера. Одобрение им манифеста 17 октября 1905 г. позволило некоторым буржуазным публицистам и историкам создать легенду о «либерализме» этого великого князя. Между тем его «либерализм» носил весьма призрачный характер. Узнав о том, что Декабрьское вооруженное восстание в Москве подавлено, этот «либерал» возмутился: «Я бы отдал Дубасова под суд. Он возился с Москвой восемь дней, вместо того чтобы в три дня не оставить камня на камне»².

До революции 1905 г. вел. кн. Николай Николаевич занимал сравнительно скромный пост генерал-инспектора кавалерии. В первые же месяцы революции он стал командующим гвардией и войсками Петербургского военного округа, а также председателем Совета государственной обороны, т. е. фактически военным руководителем государства и командиром войск, охранявших столицу. В условиях революции это имело первостепенное значение для правящих кругов.

По свидетельству весьма осведомленной современницы А. В. Богданович, вел. кн. Николай Николаевич своим зверским обращением с солдатами и грубостью с офицерами «сумел к себе внушить ненависть всей гвардии и всего Петербургского военного округа»³.

¹ Впоследствии, после Великой Октябрьской социалистической революции, уже в эмиграции вел. кн. Кирилл оказался наиболее близким по родству к расстрелянному в 1918 г. бывшему царю Николаю Романову и провозгласил себя в 1924 г. «императором» несуществующего российского престола: он с необычайной легкостью делал назначения, давал титулы, звания, награды.

² Цит. по кн.: В. П. Обнинский. Последний самодержец. Берлин, 1912, стр. 489.

³ «Дневник А. В. Богданович». М.—Л., 1924, стр. 483.

Некоторые другие великие князья — дяди царя — также занимали военные посты: брат Николая Николаевича Петр был генерал-инспектором инженерной части, Сергей Михайлович — генерал-инспектором артиллерии, Константин Константинович — главным начальником военно-учебных заведений.

Засилье великих князей в военном управлении, бесконтрольность их деятельности, пренебрежительное отношение к военному министру вызывало недовольство даже в господствующих классах России. Лидер партии октябристов, партии крупной буржуазии и обуржуазившихся помещиков, А. Гучков с трибуны «российского парламента» — Государственной думы вынужден был в мае 1908 г. выступить с речью «о безответственности» великих князей, назначение которых во главе отдельных отраслей военного управления он объявил «делом совершенно ненормальным».

Явно обойденным считал себя двоюродный дядя царя вел. кн. Александр Михайлович. Благодаря браку на своей двоюродной племяннице, сестре Николая II Ксении, он стал еще более близким родственником и потребовал почетного и доходного места. Под давлением Николая II в 1902 г. было специально создано ведомство на правах министерства — Главное управление торгового мореплавания и торговых портов. Это искусственное министерство просуществовало только три года, но за это время царский шурин вел. кн. Александр Михайлович сумел основательно нажиться на всякого рода спекуляциях и злоупотреблениях.

С начала мировой войны он возглавил новое тогда авиационное дело. На посту начальника Главного управления воздухоплавания Александр Михайлович зарекомендовал себя лицом, тормозящим развитие военно-воздушных сил России и их боевое использование.

Некоторые члены царской семьи имели честолюбивые притязания на славу в области науки, литературы и искусства. Психически неустойчивый вел. кн. Константин Константинович заведовал Управлением военно-учебными заведениями и был президентом Академии наук, а под псевдонимом «К. Р.» даже печатал стихи. Жена вел. кн. Владимира Мария Павловна была президентом Академии художеств. Имела романовская семья и своего историка; им был Николай Михайлович, освещающий в своих научных трудах историю царской семьи, жизни и деятельности Александра I и придворных верхов.

Таковы наиболее известные представители романовской семьи в конце XIX — начале XX в., которые в то время, когда Россия вступила в новую историческую эпоху — империализм, по-прежнему жили в традициях феодализма. Важным государственным вопросом среди Романовых к началу XX в. был вопрос о будущем наследнике. Николай II и его жена не желали выпускать правление из своей семьи, уступать престол кому-либо из ближайшей родни. По законам царской России наследование

престола переходило лишь по прямой мужской линии: отцу наследовал сын, а при отсутствии сына — следующий по старшинству брат; при отсутствии таких наследование престола переходило к родственникам: двоюродным братьям и т. д. В первые годы царской семье явно не везло с наследником: рождались лишь дочери. Опасаясь, что трон перейдет к другой ветви императорской фамилии, царица совершала поездки к чудотворным иконам, приглашала ко двору разных прорицателей и т. д.

С 1899 г. при дворе стал появляться француз месть Филипп. Он выдавал себя за ученого-гипнотизера, специалиста оккультных наук.

Начальнику заграничной агентуры по наблюдению за революционерами-эмигрантами в Париже П. Рачковскому Министерством внутренних дел дано было деликатное задание: разузнать поболее о личности нового «ученого друга» Николая II. Рачковский добросовестно сообщил, что Филипп — это некий Незьер Вашоль, который имел у себя во Франции нелестную репутацию авантюриста: занимался темными биржевыми спекуляциями, гипнозом, спиритизмом и уже четыре раза был судим французским судом за обман и мошенничество.

Пока Рачковский выполнял во Франции поручение Министерства внутренних дел, влияние Филиппа на царскую семью возросло. В прекрасные летние вечера 1900—1901 гг. в Розовой гостиной петергофского Нижнего дворца собиралось избранное общество. В окружении членов царской семьи и представителей императорской фамилии, удобно рассевшихся на диванах, Филипп вызывал «духов», пророчествовал и прорицал.

Предсказывал Филипп и приятные изменения в царской семье — рождение наследника. Хотя предсказание еще и не оправдалось, Николай II поспешил осыпать Филиппа милостями: деньгами, орденами, дал ему чин действительного статского советника¹. По «высочайшему» указанию Военно-медицинская академия присудила ему звание доктора медицины, а когда Филипп счел нужным удалиться на родину, то Николай II обратился с письмом к президенту Франции Лубе, рекомендуя этого проходимца французскому правительству и Французской Академии наук.

Не успел Филипп убраться восвояси, как у царского двора появилась целая вереница «божьих людей»: юродивых, кликуш, старцев.

В начале XX в. в России уже чувствовалось приближение революции. Всю страну охватили стачки: за 1900—1904 гг. их число превысило тысячу, а количество бастовавших рабочих — 200 тыс. Основными вехами революционной борьбы этих лет были Обуховская оборона 1901 г., Батумская и Ростовская стачки, крестьянские выступления 1902 г., начавшиеся в Полтавской и

¹ Этот чин соответствовал генерал-майору в армии и контр-адмиралу во флоте.

Харьковской губерниях, а затем перекинувшиеся в губернии Черномоземного центра, Поволжья и в Грузию. Исключительный размах имела всеобщая политическая стачка на юге России в 1903 г., проходившая под лозунгами: «Долой самодержавие!», «Да здравствует демократическая республика!» Грозным предвестником революции стала Бакинская стачка в декабре 1904 г.

Боевой и организованный характер рабочему движению придавало руководство со стороны искровских комитетов РСДРП. Большевистская марксистская партия во главе с В. И. Лениным стала авангардом российского рабочего класса. Росло влияние большевиков в среде крестьянских масс, студенчества, трудящихся национальных окраин.

С начала XX в. Россия стала центром мирового революционного движения. На подавление его самодержавие мобилизовало весь свой огромный карательный аппарат. Но приближение революции не могли остановить никакие репрессии со стороны полиции, судов и армии. Царская семья постоянно искала мистические доказательства будущности самодержавия.

Верный царю министр внутренних дел В. Плеве разыскал документ, хранившийся якобы в архиве Департамента полиции, — «предсказание» монаха Саровской пустыни Серафима, жившего еще в 1-й половине XIX в. В этом «предсказании» о царствовании Николая II были такие обнадеживающие слова: «В начале царствования сего монарха будут несчастья и беды народные. Будет война неудачная. Настанет смута великая внутри государства, отец подымется на сына и брат на брата. Но вторая половина правления будет светлая и жизнь государя долговременная»¹. Ходынка, голод 1901 г., рабочее движение, крестьянские волнения на юге России создавали впечатление, что первая часть предсказания уже оправдывается и остается только терпеливо ждать второй, спокойной части правления.

Обрадованный Николай II поспешил вызвать в Петергоф главу высшего церковного органа России обер-прокурора Синода Победоносцева, чтобы предложить ему срочно подготовить проект царского указа о провозглашении Серафима Саровского святым. В ответ на возражение К. Победоносцева царица заявила оторопевшему сановнику, что «государь все может»².

На открытие «нетленных мощей» новоявленного святого летом 1903 г. в далекую Саровскую пустынь, находящуюся в Тамбовской губернии, потянулись царская семья, многолюдная орава придворных и высшее духовенство. К величайшему конфузу собравшихся, при вскрытии гроба Серафима Саровского нашли совсем сгнивший скелет.

Чтобы предотвратить насмешки и толки, петербургскому митрополиту поручили дать специальное «необходимое разъяс-

¹ Цит. по кн.: А. Шеманский, С. Гейченко. Последние Романовы в Петергофе. М.—Л., 1931, стр. 62.

² Цит. по кн.: С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 2. М., 1960, стр. 269.

нение». Нетленность мощей не является вовсе признаком святости, разъяснял этот чиновник. Доказательством святости являются «чудеса, которые творятся при их гробах или от их мощей», нетленность лишь «дополнительное» чудо¹.

В начале XX в. при царском дворе сложилась влиятельная группировка, толкавшая царя на путь военных авантюр на Дальнем Востоке, на развязывание войны с Японией, соперничавшей с Россией в Китае и Корее. В эту группировку входили статс-секретарь царя А. Безобразов, наместник Дальнего Востока Е. Алексеев и министр внутренних дел В. Плеве. В ответ на тревожное заявление военного министра генерала Куропаткина о неподготовленности России к такой войне Плеве воскликнул: «Алексей Николаевич, вы внутреннего положения России не знаете. Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война»².

Развязанная в начале 1904 г. вследствие империалистических противоречий на Дальнем Востоке русско-японская война протекала неудачно, так как царизм «оказался помехой современной, на высоте новейших требований стоящей, организации военного дела»³. Царь проявил полное равнодушие к событиям этой неудачной для царской России войны. Через несколько дней, принимая одного предводителя дворянства, на слова сочувствия со стороны последнего о потоплении судов Николай II небрежно заметил: «Ну, знаете ли, я смотрю на это как на укусы блохи»⁴.

В день получения известия о гибели выдающегося русского флотоводца и ученого вице-адмирала С. О. Макарова, вернувшись с официальной панихиды в царскосельском соборе, Николай II позвал одного из придворных в свой кабинет. Он встретил его словами: «Какова погода! Хорошо бы поохотиться, давно мы с вами не были на охоте. Сегодня что у нас — пятница? Хотите, завтра поедем?» Даже циничный придворный генерал был сконфужен полным равнодушием царя к гибели выдающегося адмирала, командующего порт-артурской эскадрой. Уходящий из дворца свитский генерал мог наблюдать царя за любимым развлечением: он стрелял в саду ворон из мелкокалиберной винтовки.

Зато гибель министра внутренних дел В. Плеве⁵ вызвала большое огорчение царя. «В лице доброго Плеве,— записал он в дневнике 15 июля 1904 г.,— я потерял друга и незаменимого министра вн. д. Строго господь посещает нас своим гневом»⁶.

Вскоре огромная радость заслонила для царской семьи и поражения армий на Дальнем Востоке, и гибель Плеве: 30 июля 1904 г. родился сын, который был наречен именем Алексей.

¹ См.: «Новое время», 21 июня 1903 г.; «Былое», 1918, № 12, стр. 148—149.

² Цит. по кн.: С. Ю. В и т т е. Воспоминания, т. 2, стр. 291.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 156.

⁴ Цит. по кн.: В. И. Обнинский. Последний самодержец, стр. 152.

⁵ Он был убит эсером-террористом 15 июля 1904 г.

⁶ ЦГАОР, ф. 601, д. 247, л. 146.

На радостях Николай II пошел даже на «милости»: он отменил телесные наказания для крестьян¹ и «простил» крестьянам безнадежные недоимки.

Впрочем, радость, связанная с рождением наследника престола, была непродолжительной: ребенок оказался болен. Уже через 5 недель после рождения у наследника началось страшное кровотечение, продолжавшееся 11 часов.

Медицинские светила того времени считали болезнь наследника неизлечимой, а предельный возраст его определяли восемнадцатью годами.

Семейные заботы приходилось чередовать с государственными. По заведенному издавна обычаю ежедневно, после завтрака, Николай II принимал кого-нибудь из министров, прибывших к нему с официальным докладом или отчетом, зимой — в Зимнем дворце или в Царском Селе, а весной и летом — в Петергофе.

Здесь, в кабинете с множеством безвкусных картин и семейных фотографий, за большим письменным столом император всероссийский с глазу на глаз беседовал со своим верным слугой — министром. Нередко тот или иной министр оставлял пухлый «всеподданнейший» отчет или доклад царю; поступали доклады и отчеты с мест — от генерал-губернаторов и губернаторов. Иногда царь читал их наедине. «Читал до обеда, — пишет он в дневнике, — одолеваю отчет Государственного совета. Вечером окончил чтение отчета Военного министерства — в некотором роде одолел слона»... «Много пришлось читать: одно утешение, что кончилось заседание Комитета министров»... «Опять начинает расти та кипа бумаг для прочтения, которая меня смущала прошлой зимой»².

Впрочем, чаще всего царские резолюции на отчетах носят предельно лаконичный характер: «Прочел с удовлетворением», «Искренне благодарю», «Неужели?», «Скверное дело» и тому подобные ничего не значащие слова.

Новый, 1905 г. царь ознаменовал в дневнике обычной традиционной записью: «1 января. Суббота. Да благословит господь наступивший год, да дарует он России победоносное окончание войны, прочный мир и тихое, безмятежное житие!»³ Но как раз этого и не получилось.

В государственный и семейный мир «хозяина земли русской» властно ворвалась первая в России революция. Неудачная война усилила нищету народных масс, страдавших под гнетом эксплуатации помещиков и капиталистов. Начавшаяся на Путиловском заводе стачка охватила к 7 января почти все предприятия столицы, стала всеобщей. С одобрения властей священник Г. Гапон

¹ Реформа 1863 г. об отмене телесных наказаний на крестьян не распространялась, и их пороли в волостных правлениях по решению волостных судов еще более 40 лет.

² ЦГАОР, ф. 601, д. 235, лл. 28, 40, 41 и др.

³ Там же, д. 248, л. 66.

агент царской охраны и руководитель фальшивого рабочего общества — Собрания русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга, созданного еще в 1903 г. для отвлечения рабочих от революционной борьбы, стал подговаривать рабочих на мирное шествие к Зимнему дворцу для подачи петиции царю. «Мы, рабочие г. Петербурга,— говорилось в этой петиции,— наши жены, дети и беспомощные старцы-родители, пришли к тебе, государь, искать правды и защиты... Настал предел терпению. Для нас пришел тот страшный момент, когда лучше смерть, чем продолжение невыносимых мук...»¹

Большевики тщетно пытались предотвратить это шествие, предупреждали рабочих, что в них будут стрелять, но рабочие слепо поверили, что царь примет их послание, облегчит их жизнь. Об этом ведь так горячо, красиво и убедительно говорил на рабочих собраниях Гапон.

Николай II не собирался встречаться с народом. В те часы, когда в общежитиях и казармах фабрично-заводских окраин столицы рабочие торжественно принаряжались перед встречей с царем, царя в Петербурге не было. Он находился в Царском Селе: принимал министров, а затем гулял по заснеженным аллеям царскосельского парка. Вечером 8 января приехал министр внутренних дел Святополк-Мирский с докладом о «предпринятых мерах».

Дядя царя, командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, вел. кн. Владимир Александрович разработал настоящую военную диспозицию против мирных рабочих. Весь Петербург был разбит на 8 военных районов, во главе каждого стоял генерал-майор, которому подчинялись пехотные батальоны, конные эскадроны, казацкие сотни. В столице было сосредоточено 30 тыс. войск и 10 тыс. полицейских². Ожидалось прибытие новых войск из Пскова и Ревеля.

В морозное воскресное утро 9 января со всех концов столицы к центру, к Зимнему дворцу, направились колонны рабочих с женами, детьми; они несли хоругви, иконы и портреты царя. На пути шествия и на Дворцовой площади рабочих встретили залпы войск. «Люди падали по двое, по трое, приседали на землю, хватаясь за животы, бежали куда-то, прихрамывая, ползли по снегу, и всюду на снегу обильно вспыхивали яркие, красные пятна. Они распознались, дымились, притягивая к себе глаза,— писал очевидец Кровавого воскресенья А. М. Горький.— Толпа подалась назад, на миг остановилась, оцепенела, и вдруг раздался дикий, потрясающий вой сотен голосов. Он родился и потек по воздуху непрерывной, напряженно дрожащей пестрой

¹ «Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы. Начало первой русской революции». М., 1955, стр. 28—30.

² См.: «Начало первой революции. Январь — март 1905 г.». М., 1959, стр. 47.

тучей криков острой боли, ужаса, протеста, тоскливого недоумения и призывов на помощь»¹.

Живущая веками вера крестьян и отсталых рабочих в милостивого, справедливого и доброго царя была расстреляна.

В день Кровавого воскресенья царь бесстрастно занес в дневник: «В Петербурге произошли серьезные беспорядки вследствие желаний рабочих дойти до Зимнего дворца. Войска должны были стрелять в разных частях города; было много убитых и раненых»².

Царь знал о готовящемся расстреле и даже одобрял его.

Кровавые вехи царствования — Ходынка, русско-японская война и, наконец, 9 января — прочно закрепили за царем в народе прозвище Николая Кровавого.

Правительство поспешило опубликовать официальные цифры событий 9 января: 76 убитых (в том числе 1 околоточный надзиратель), раненых 233 (в том числе тяжело ранен 1 помощник пристава, легко — рядовой жандарм и городской)³. Включив в число пострадавших чинов полиции и жандармерии, правительство стремилось создать у общественности всего мира и России впечатление, что войскам и полиции пришлось подавлять «беспорядки». Недаром в официальном правительственном сообщении говорилось о «фанатизме» рабочих, возбуждаемых якобы «преступной агитацией злонамеренных лиц»⁴. Эти утверждения, как и количество пострадавших, оказались сплошным вымыслом: мирный характер шествия рабочих к Зимнему дворцу был общеизвестен. Что же касается цифр, то правительство через несколько дней опубликовало новые «уточненные» данные: в графе о численности убитых 7 переправили на 9, получилось 96, а в количестве раненых — 2 на 3, получилось 333.

В действительности же, по далеко не полным данным, в день Кровавого воскресенья, 9 января, было убито более 1000 человек и ранено около 5000 человек⁵.

С событий 9 января и началась первая буржуазно-демократическая революция в России.

С тревогой доносили в Петербург министрам и царю местные администраторы — генерал-губернаторы, губернаторы, полицеймейстеры и градоначальники — о повсеместных демонстрациях и стачках на фабриках и заводах, о многотысячных демонстрациях на улицах городов и лозунгах на красных знаменах: «Долой самодержавие!», «Да здравствует Учредительное собрание!» Революция перекинулась и в деревню: крестьяне захватывали помещичьи земли, инвентарь, скот. В ночном весеннем небе Рос-

¹ М. Горький. Избранные произведения в 3-х тт., т. 2. М., 1968, стр. 120.

² ЦГАОР, ф. 604, л. 248, л. 70.

³ См.: «Правительственный вестник», 11 января 1905 г.

⁴ Там же.

⁵ См.: «Краткая история рабочего движения в России» (1861—1917 гг.). М., 1962, стр. 315.

сии — повсюду: в центре, на Украине, в Прибалтике — все чаще полыхало зарево пожаров; это горели помещичьи имения, родовые дворянские гнезда, подожженные крестьянами.

На подавление революции царское правительство бросило все силы — полицию, жандармов, суды и войска. Через день после Кровавого воскресенья была учреждена должность петербургского генерал-губернатора с очень широкими, фактически диктаторскими полномочиями. На эту должность царь назначил московского обер-полицеймейстера Д. Трепова. Этот «один из наиболее ненавидимых всей Россией слуг царизма»¹ сразу же провел массовые аресты рабочих, закрыл неугодные органы печати, начал травлю передовой интеллигенции.

Одновременно Трепов предпринял попытки лавирования. Для того чтобы продемонстрировать «единение царя с народом», он организовал «депутацию» рабочих к Николаю II. С утра 19 января полицейские и жандармы Петербурга в сопровождении дворников врываются в квартиры некоторых наименее сознательных рабочих, а также мастеров и конторских служащих фабрик и заводов с грозным приказом одеться и следовать за ними. «За что? Помилуйте!» — волновались в неведении жертвы. В ответ раздавался окрик: «Поторопитесь!»

Схваченные таким путем 34 рабочих «депутата» были доставлены к комендантскому подъезду Зимнего дворца. Долго водили их по бесконечным коридорам и лестницам. В одном из залов каждого из «депутатов» встречал Трепов с полицейскими и придворными чинами. «Обыскать!» — следовал приказ. После обыска рабочему иногда предлагалось тут же переодеться. Из Зимнего дворца рабочих «депутатов» доставили в царский павильон Царскоесельского вокзала, а затем под охраной посадили в вагон. В каждом купе находилось по два «депутата» под охраной полицейского сыщика. На все попытки узнать, куда и зачем их везут, грозно звучал ответ сыщиков: «Здесь не полагается разговаривать!»

Так «депутатов» доставили в Царское Село. Их выстроили в Портретном зале Александровского дворца. Вскоре к ним вышел царь. Его сопровождали благообразный старик в придворном мундире — министр двора барон Фредерикс, сухощавый скучный чиновник во фраке — министр финансов Коковцов и важный генерал — дворцовый комендант Гессе. Сзади толпилось несколько придворных в шитых золотом мундирах. С любопытством оглядывали вошедшие собранных Треповым «делегатов» грозного рабочего класса; скромно, но чисто одетые, в пиджаках, косоворотках и сапогах, они спокойно и терпеливо ожидали, что же будет дальше.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 238. (С мая Трепов стал заведовать полицией, заняв еще один пост — товарища министра внутренних дел. Будучи только товарищем министра, Трепов был выше всех министров.)

Помедлив и изобразив на лице должную строгость, Николай II начал свою речь. Он повторил официальное утверждение об «изменниках» и «врагах», которые толкнули рабочих на «бунт», «стачки», «мятежные сборища» и беспорядки. Эти беспорядки, заявил царь «депутатам», «всегда заставляли и будут заставлять власть прибегать к военной силе». Царь призвал рабочих к терпению, так как, заявил он, «следует быть справедливым и к вашим хозяевам и считаться с условиями нашей промышленности».

Конец царской речи был подчеркнута милостив: «Я верю в честные чувства рабочих людей и непоколебимую преданность их мне, а потому прощаю им вину их»¹.

Окончив речь, Николай II удалился вместе с сопровождавшими его сановниками, а рабочих «депутатов» провели в другой зал, где их ожидало «угощение» (по бутылке пива и несколько бутербродов на каждого), а также отпечатанные на гектографе экземпляры речи царя, которые и были розданы «депутатам» на память.

Одновременно был опубликован указ, сообщавший, что царь, «движимый чувством сердечного сострадания... из собственных средств выделил жертвам 9 января 50 тыс. руб.», для распределения которых создана специальная комиссия во главе с тем же Треповым.

И циничное царское «прощение» расстрелянных 9 января рабочих, и его жалкая подачка вызвали бурю негодования по всей стране и способствовали дальнейшему развитию революционных событий.

Уже после падения самодержавия в феврале 1917 г. в России и за границей появилось много статей, брошюр и даже книг, авторы которых, буржуазные исследователи и публицисты, а нередко и бывшие царские чиновники, характеризовали последнего российского царя Николая II как человека недалекого, безвольного, подверженного якобы различным влияниям.

В действительности правдива лишь первая часть этой характеристики. Вся политика Николая II свидетельствовала о крайней убогости его государственных способностей, неумении ориентироваться в сложной обстановке (особенно после первой революции в России), о крайней застенелости взглядов «хозяина земли русской».

Личные интересы и воззрения Николая II были примитивными. Ярким выражением этого является быт царской семьи. В 1904 г. Николай II и его семья покинули Зимний дворец. В годы войны, революции и реакции царь предпочел проживать по дальше от беспокойной революционной столицы: с весны и до осени — в Петергофе, а остальное время — в Царском Селе, иногда в Ливадии.

¹ «Правительственный вестник», 20 января 1905 г.

В отличие от парадной обстановки Зимнего дворца обе эти загородные царские резиденции были обставлены во вкусе богатой буржуазной семьи: личные комнаты царской семьи заставлены мешанской мебелью излюбленного купцами стиля «модерн», оклеены обоями с цветочками, завешаны картинами посредственных художников и массой фотографий.

В Большом кабинете Царскосельского дворца за огромным полированным столом Николай II занимался государственными делами: читал министерские доклады и отчеты. Все убранство этого кабинета свидетельствовало о весьма посредственном культурном уровне его хозяина.

На стенах этого кабинета рядом с портретом Александра III работы Серова висела картина «Юродивый» К. Л. Лебедева, поодаль — «Мальчики, играющие в шашки» Богданова-Бельского, затем опять портрет Александра III, который был изображен художником Шиповым... в образе богатыря, далее портрет самого Николая II в лейб-гусарском мундире работы придворного художника Детайля, а по соседству — «Вакханка» Каульбаха, в большом изобилии были представлены банальные акварели на лженсторические сюжеты художника Соломко, и все в таком же нелепом сочетании и в безвкусном подборе.

На полочке у одной из стен громоздились аляповатые фарфоровые звери. За исключением портрета работы художника Серова и картин Каульбаха и Богданова-Бельского, здесь не было ни одной из картин известных художников. Большой этюд Репина и акварели Сурикова сиротливо висели в одном из темных коридоров.

Обстановку Большого кабинета дополнял огромный бильярд с киями и шарами.

Поражает почти полное отсутствие в этом кабинете книг — на полке стояли лишь «Жития святых» в роскошных парчовых переплетах, молитвенник, а в одном из шкафов было «Собрание сочинений» А. П. Чехова со слипшимися страницами золотого обреза (видимо, хозяин открывал тома не часто)¹. На антресолях кабинета, куда вела небольшая лесенка, на полках и столах лежало огромное количество альбомов с фотографиями (царь увлекался фотографированием); они были заботливо систематизированы в хронологическом порядке и по темам: официальные приемы и военные парады, поездки на яхте «Штандарт» и охота, прогулки и личные фото (иногда даже шуточные — царь в неподобающей позе — стоит на руках головой вниз; иногда семейные — Николай II в костюме Евгения Онегина из семейного спектакля конца 90-х годов и т. п.).

Своих министров Николай II в Царском Селе принимал в другом кабинете — «рабочем». Убранство этого кабинета было сход-

¹ Во дворцах были и библиотеки, но они редко обслуживали царскую семью.

но с Большим кабинетом. Кабинет царя в петергофской резиденции мало чем отличался от царскосельских.

Царская семья демонстративно подчеркивала свое религиозное благочестие. Во многих комнатах царскосельских и петергофских дворцов стены были завешаны множеством икон. В одной лишь спальне царскосельского Александровского дворца находилось более 800 икон и образов, чаще всего дешевой, массовой выделки, не представлявших художественной ценности.

Мелкой обывательской жизнью и узостью интересов веяло от этой обстановки царской семьи. Культура здесь подменялась религиозным ханжеством, а художественные вкусы ограничивались бессодержательными картинками ¹.

Государственная деятельность и личная жизнь Николая II свидетельствовали о его ограниченности. Но буржуазные историографы не правы, обвиняя последнего русского царя в чрезмерной бесхарактерности. Царские распоряжения и резолюции на министерских, губернаторских и прочих докладах и отчетах, его дневники и письма, а также воспоминания очевидцев дают нам образ человека, упорно отстаивавшего власть самодержавного, неограниченного монарха, люто и злобно ненавидевшего революцию, жестокого, двуличного и кровавого властителя. Особенно ярко раскрылись эти черты в период первой революции. Каждое революционное событие в стране вызывало в царе гнев и раздражение. «Примите немедленно самые жестокие меры,— телеграфирует он командующему Одесским военным округом,— к подавлению восстания как на «Потемкине», так и среди населения порта...» Затем следует телеграмма к главному начальнику Черноморского флота с решительным вопросом: «Какие меры предложены вами к прекращению шатания «Потемкина» по портам? Очень пора покончить с этим невыносимым положением...» ²

Когда Трепов в обширном докладе на имя царя о кровавых событиях в Балашовском уезде Саратовской губернии, где казаки избивали забастовщиков нагайками, употребил выражение «к сожалению», Николай II на полях написал: «Очень хорошо сделали» — и присовокупил: «Революционные проявления дальше не могут быть терпимы, вместе с тем не должны дозволяться самоуправные действия толпы» ³.

Подъем революции летом 1905 г. заставил царя пообещать созыв представительного законосовещательного учреждения — Государственной думы. Но сделать это во время нарастания революционных событий царь опасался.

¹ В комнатах великих княжон Петергофского дворца, кроме икон, на стенах были развешаны вырезанные из мещанских журналов «Родина» и «Пробуждение» репродукции, а также рекламные картинки мыла Брокара, парфюмерной фирмы Ралле; шоколадной Сну и К^о.

² «Былое», 1918, № 12, стр. 146.

³ «Красный архив», 1925, т. 4—5 (11—12), стр. 435—436.

В начале октября по призыву Московского комитета большевиков забастовали железнодорожники Москвы; к 10 октября политическая стачка охватила все крупнейшие железнодорожные узлы. А вскоре она превратилась во Всероссийскую политическую стачку, парализовавшую жизнь страны. Бастовали рабочие и железнодорожные служащие, от стрелочников до инженеров, телеграфисты и почтальоны, наборщики, врачи и аптекари, земские и городские служащие, дворники и домашняя прислуга...

Власти усиливали репрессии. Петербургский генерал-губернатор Д. Трепов 14 октября издал свой печально знаменитый приказ: «Холостых залпов не давать, патронов не жалеть», но подвозить войска в крупные города России стало почти невозможно — в результате стачки замерли железные дороги.

Царская семья оказалась изолированной в Петергофе. Никогда она так долго не засиживалась в Петергофе, но в октябре 1905 г. Николай II оказался дачником поневоле: Балтийская дорога тоже бастовала. «Положение постыдное, — писал он своему дяде вел. кн. Александру Михайловичу, — хоть вплавь добираться»¹. Министр юстиции Манухин и некоторые другие чиновники с трудом попали в Петергоф 12 октября. Связь с Петербургом поддерживалась только двумя миноносцами — «Дозорным» и «Разведчиком», которые ходили два раза в сутки. «Милые времена!»² — констатировал положение царь в своем дневнике 12 октября. Поговаривали даже о бегстве царской семьи морем в Германию.

Не меньше были напуганы и царские министры. Ловкий политический деятель председатель Совета министров С. Ю. Витте, по оценке В. И. Ленина — «министр-маклер», «министр-клоун»³, в условиях подъема революции осенью 1905 г. решил маневрировать. Еще 9 октября он подал царю записку, в которой докладывал, что дальнейшее развитие событий приведет к тому, что «народ может снести все, чем держится не только монархия, но и само государство», что одними репрессиями уже не справиться, так как «казни и потоки крови только ускорят взрыв. За ним наступит дикий разгул низменных человеческих страстей». Припугнув царя такой перспективой, Витте посоветовал сделать некоторые уступки. Но Николай II все еще считал, что можно обойтись репрессиями. 13 октября он направил телеграмму Витте, в которой предписывал объединить деятельность всех министров, чтобы «восстановить порядок повсеместно». Одновременно Николай II обратился к Трепову и военному министру Редигеру, рассчитывая, что они смогут подавить революцию, но перепуганные генералы заявили, что войска тоже не

¹ Цит. по кн.: И. М. Василевский. Николай II. Пг.—М., 1923, стр. 51.

² ЦГАОР, оп. 1, ф. 601, д. 249, лл. 58—59.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, стр. 3, 120.

надежны и рассчитывать на них нельзя. Витте в тот же день представил царю доклад, изложив в нем программу уступок, которые, по его мнению, «могут способствовать восстановлению» в России «спокойствия»¹.

В своем дневнике Николай II характеризовал 14 и 15 октября как «очень занятые дни». Закрывшись в кабинете, царь и граф Витте весь день 14 октября провели в обсуждении «программы будущих мероприятий». Царь и его первый сановник лихорадочно искали эффективные меры борьбы с революцией, путем якобы «дарованных» самим царем «милостей».

Николай II поручил составить текст манифеста близкому к царской семье придворному сановнику А. Д. Оболенскому, а когда тот выполнил эту задачу, Витте, после редакторской правки текста, передал его царю.

Проводя подготовительную работу с Витте, Николай II еще не терял надежды на то, что можно избежать уступок и подавить революцию с помощью силы. Поэтому поздно вечером 15 октября, по совету министра двора барона В. Фредерикса, он решил направить копию доклада Витте и текст манифеста в Петербург к Трепову для подачи «откровенного мнения и всеподданнейшего совета». В сопроводительной записке Николай II осведомлялся, считает ли Трепов возможным достичь «водворения порядка без больших жертв»². В частной записке любимец царской семьи князь В. Орлов предлагал Трепову дать ответ побыстрее, так как «медлить больше нельзя»³.

Глубокой ночью тишину петербургской генерал-губернаторской квартиры нарушил резкий звонок, и прибывший из Петергофа на миноносце «по высочайшему указанию» офицер-фельдъегерь вручил заспанному и полуодетому Трепову срочный пакет. Пока офицер дремал на диване в коридоре, Трепов второпях набросал свою «всеподданнейшую записку», где был вынужден посоветовать царю «примириться» с уступками.

17 октября Николай II утвердил «всеподданнейший» доклад Витте и подписал манифест «Об усовершенствовании государственного порядка». Этим манифестом царь «даровал» России буржуазные свободы (слова, печати, личности, совести, собраний, союзов), признавал Государственную думу законодательным органом и даже обещал привлечь к участию в ней, правда «по мере возможности», те классы населения, которые ранее были лишены избирательных прав (подразумевался прежде всего рабочий класс).

В этот день царь записал в дневнике: «17 октября. Понедельник. Завтракали Николаша и Стана»⁴. Сидели и разговаривали.

¹ «Революция 1905 г. и самодержавие». М., 1928, стр. 39.

² «Былое», 1919, № 14, стр. 109.

³ Там же.

⁴ Вел. кн. Николай Николаевич и его жена.

ожидая приезда Витте. Подписал манифест в 5 часов. После такого дня голова стала тяжелой и мысли стали путаться. Господи, помоги нам, умири Россию»¹.

В письме к матери 19 октября Николай II объяснял истинные мотивы принятия манифеста тем, что он «ни на кого не мог опереться... исхода другого не оставалось, как перекреститься и дать то, что все просят»².

В годовщину манифеста, 17 октября 1906 г., Николай II оставил в дневнике такую запись: «Годовщина... мучительных часов прошлого года! Слава богу, что оно уже пережито!»³

Сам царь и все сторонники сохранения неограниченной монархии в России считали Витте основным виновником манифеста 17 октября, и впоследствии, опровергая в письме к матери слухи о том, что Витте вернется вновь к государственной деятельности после отставки его с поста председателя Совета министров в апреле 1906 г., Николай II писал: «Нет, никогда, пока я жив, не поручу я этому человеку самого маленького дела! Довольно прошлогоднего опыта, о котором я вспоминаю, как о кошмаре»⁴.

После утверждения манифеста по инициативе Витте был преобразован Совет министров. Этот орган существовал и ранее, но собирался он на заседания нерегулярно и решал только те вопросы, которые выносил на рассмотрение министров царь. Теперь же, с октября 1905 г., в условиях революции Совет министров стал в государстве важнейшим, постоянно действующим органом для «направления и объединения деятельности» министерств. Подавляющее большинство заседаний Совета министров в период первой революции было посвящено разработке карательных мер по борьбе с революционным движением рабочих и крестьян.

Обычно председателем Совета министров царь назначал самого доверенного сановника; первым этот пост в течение полугода (с 19 октября 1905 г. по 23 апреля 1906 г.) занимал С. Витте. В октябрьские дни 1905 г. Николай II был вынужден, скрепя сердце, снять с занимаемых постов вернейших своих слуг, ненавидимых народными массами: кровавый палач 9 января, командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, вел. кн. Владимир Александрович был заменен другим вел. кн. Николаем Николаевичем; 26 октября получил отставку и Д. Трепов, но царь не удалил, а, напротив, приблизил своего верного слугу — он стал дворцовым комендантом и повседневным советником Николая II. Ушел в отставку и ненавидимый всеми обер-прокурор Синода К. Победоносцев.

Для борьбы с революцией у правительства не хватало сил. В таких условиях царизм вынужден был пойти на уступки —

¹ ЦГАОР, ф. 601, д. 249, лл. 61—62.

² «Красный архив», 1927, т. 3 (22), стр. 162.

³ ЦГАОР, ф. 601, д. 250, л. 127.

⁴ «Красный архив», 1927, т. 3 (22), стр. 208.

принять манифест. В. И. Ленин оценивал это вынужденное отступление царизма как первую крупную победу революции.

Манифест 17 октября вызывал ликование буржуазии и буржуазной интеллигенции, называвших царский акт «хартней вольностей», «началом правового строя», переходом к «конституционному строю»¹ и т. п. В октябре 1905 г. оформились основные буржуазные партии России: конституционно-демократическая (кадетская) и «Союз 17 октября» (октябристов).

Царский манифест не остановил нарастания революции. В шестидесяти городах России в октябре — декабре 1905 г. рабочие создали свои органы власти — Советы рабочих депутатов. Возникли Советы депутатов в отдельных воинских частях, кое-где появились крестьянские комитеты, в некоторых городах существовали, хотя и недолго, «республики» — «все это было началом завоевания политической власти пролетариатом»²; до 1/2 уездов Европейской части России было охвачено крестьянским движением.

После издания манифеста подняли голову реакционно настроенные помещики и духовенство, некоторые интеллигенты, лавочники и уголовные элементы. Они стали создавать свои так называемые черносотенные организации, пользовавшиеся поддержкой царя. Такой крупнейшей организацией стал «Союз русского народа», возглавляемый врачом-педиатром А. Дубровиным. Основными программными положениями этого союза были незыблемость самодержавия, воинствующее православие, великодержавный шовинизм и антисемитизм. Рассчитывая на привлечение народных масс, союз включил и некоторые пункты демагогического характера: критику неугодных царю, попавших в опалу чиновников (Витте, Кутлер), государственное страхование рабочих и даже сохранение общинного землевладения и увеличение крестьянских наделов (но только за счет земель государства) и т. д.

«Союз русского народа» организовывал собрания, митинги, вечера, чтения, лекции, манифестации, молебны и т. п. Его органы печати вели пропаганду черносотенной программы, публиковали ходатайства и телеграммы на имя царя, председателя Совета министров. Практиковались посылки делегаций черносотенных организаций и к самому царю. Первая такая делегация 23 декабря 1905 г. вручила Николаю II и наследнику престола значки союза.

В октябрьские дни 1905 г. навстречу мирным демонстрациям рабочих устремлялись шествия черносотенцев с пением царского гимна «Боже, царя храни», с иконами и портретами царя. Поль-

¹ Ф. Ф. Кокошкин. Юридическая природа манифеста 17 октября («Юридический вестник», кн. I. М., 1913, стр. 55); В. И. Ивановский. Политико-культурное значение манифеста 17 октября 1905 г. («Юридический вестник», кн. XI. М., 1915, стр. 43.)

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, стр. 214.

зуюсь поддержкой полиции и войск, мсрдатые звероподобные приказчики и дворники избивали рабочих, устраивали кровавые погромы революционной интеллигенции, учащихся, евреев.

На следующий день после принятия манифеста черносотенец Михалин убил руководителя Московской партийной организации большевиков Н. Э. Баумана. Его похороны вылились в 300-тысячную политическую демонстрацию. Осужденный окружным судом к тюремному заключению на 1 год и 6 месяцев, Михалин нашел сильных покровителей. Министр юстиции Щегловитов заверил царя, что Михалин имел «безупречное прошлое» (на самом деле он дважды был осужден за кражи), чистосердечно признался, что совершил убийство в связи с «оскорблением патриотических чувств», а поэтому министр юстиции ходатайствовал о помиловании этого убийцы. Николай II наложил краткую резолюцию: «Съ» (что означало «согласен»), и Михалин был освобожден.

Дикое озлобление царя вызвало Декабрьское вооруженное восстание в Москве. «Надеюсь,— писал он московскому генерал-губернатору Дубасову 15 декабря 1905 г.,— что Семеновский полк поможет вам раздавить окончательно революцию... Благодарю вас сердечно. Бог вам в помощь»¹.

19 декабря он с удовлетворением записал в дневнике: «В Москве, слава богу, мятеж подавлен силою оружия. Главное участие в этом принимали: семеновцы и 16-й пехотный Ладожский полк»². «Дубасов — молодец!»³ — с восторгом пишет он матери. Не меньшее восхищение вызывал у царя и командир Семеновского гвардейского полка полковник Мин. За подавление Декабрьского вооруженного восстания и карательную экспедицию по Казанской железной дороге он получил повышение — стал генерал-майором; современники прозвали его «генералом от усмирений».

Учитывая революционную обстановку в столице, царь нуждался в верной охране; в ряде телеграмм он настаивал на возвращении семеновцев в Петербург. 26 декабря последовало категорическое распоряжение царя: «Лейб-гвардии Семеновский полк подлежит возврату в Петербург 31 декабря. Николай».

Для встречи «победителей» декабрьского восстания в Москве в Царском Селе на площади перед Большим дворцом был устроен торжественный парад, на который явилась вся царская семья: Николай II в семеновском гвардейском мундире, царица и царские дочери; огромный матрос Деревянко, приставленный к наследнику «для услуг», вынес царского сына.

Царская речь перед застывшими шеренгами усатых солдат-карателей была немногословна: «Спасибо, семеновцы, дорогие мои! — закричал, напрягая голос, Николай II.— От всей души

¹ «Красный архив», 1925, т. 4—5 (11—12), стр. 44.

² ЦГАОР, ф. 601, д. 249, л. 103.

³ «Красный архив», 1927, т. 3 (22), стр. 168.

горячо благодарю вас за вашу службу. Благодаря вашей доблести, стойкости и верности окончена крамола в Москве»¹.

Впоследствии, когда летом 1906 г. в близком к царю Преображенском гвардейском полку (где командиром 1-го батальона числился сам Николай II) произошли волнения, Семеновский полк был назначен для постоянной охраны царской семьи в Петергофе. В связи с этим на радостях царь устроил угощение офицерам и солдатам, а «нижние чины», по официальным сведениям, удостоились даже «милостивого разговора их величеств».

Жесточайшие репрессии обрушились не только на мятежную Москву. В наиболее беспокойные местности для расправы с революционным движением были посланы с чрезвычайными полномочиями генерал-адъютанты Пантелеев, Струков, Сахаров и другие. Царский любимец генерал Орлов — командир Уланского императорского полка, шефом которого была царица; творил невероятные жестокости в Прибалтике; ему не уступали два морских офицера — Рихтер и барон Ферзен. Однако Николай II требовал еще более активных действий. 19 декабря он направил прибалтийскому генерал-губернатору Соллогубу телеграмму о «желательности проявления отдельными отрядами большей инициативы, деятельности и самостоятельности». Результаты царского распоряжения не замедлили сказаться. Уже 30 декабря 1905 г. Витте представил доклад царю с жалобой Соллогуба на то, что капитан Рихтер сильно злоупотребляет казнями, что он «не только расстреливал, но и вешал главных агитаторов». «Ай да молодец!» — восторженно пометил на полях доклада царь.

Для подавления революционного движения вдоль линии Сибирской железной дороги С. Ю. Витте посоветовал царю направить двух генералов: один из них двигался бы с карательным отрядом из России в Иркутск (барон Меллер-Закомельский), а другой — из Хабаровска навстречу ему (П. Ренненкампф). «В Сибири тоже лучше, — писал царь матери в начале 1906 г., — но еще не кончена чистка железной дороги от всякой дряни» — и далее пояснял, что генералам-карателям здесь даны широкие полномочия «восстановить порядок на станциях и в городах, хватать всех бунтовщиков и наказывать их, не стесняясь строгостью»². Выполняя распоряжение царя, Меллер-Закомельский и Ренненкампф повсюду оставляли трупы расстрелянных. Когда директор Верхнеудинского реального училища Устрецкий послал 12 февраля 1906 г. царю телеграмму, в которой «именем детей» просил о «смягчении участи» пяти учителей, осужденных Ренненкампфом на смерть, то царь наложил циничную резолюцию: «Всяк сверчок знай свой шесток»³.

¹ Цит. по кн.: И. М. Василевский. Николай II. Пг.—М., 1923, стр. 54.

² «Красный архив», 1927, т. 3 (22), стр. 186—187.

³ «Красный архив», 1934, т. 2 (63), стр. 136.

В Полтавской губернии советник губернского правления Фионов приказывал проводить массовые порки крестьян, включая женщин и детей. После такого наказания заставлял их часами стоять на коленях в снегу под дулами солдатских винтовок. Получив это известие, Николай II издевательски пошутил в присутствии своего родственника вел. кн. Николая Михайловича: «Это щекотно!»

Тамбовский губернатор генерал фон дер Лауниц сек целые деревни, арестовывал без всякого основания многих местных интеллигентов и этим так понравился царю, что был вызван в столицу и назначен петербургским градоначальником.

На протяжении всей революции Николай II проявил свойственную ему жестокость: был инициатором создания военно-полевых судов (за время их действия с августа 1905 по апрель 1906 г. предано смертной казни больше осужденных, чем за предыдущие 80 лет), прощал и миловал погромщиков и убийц революционеров, был беспощаден и жесток по отношению ко всем, кто выступал против существующего строя.

Революция внешне мало изменила жизненный уклад царской семьи, лишь царь все реже и реже посещал мятежную столицу, предпочитая ей загородные резиденции — Царское Село и Петергоф.

Внешне все было так, как и раньше: длинные доклады министров в царском кабинете с краткими репликами Николая II, приемы черносотенных делегаций с верноподданническими адресами и ответными речами царя, смотры и парады войск на площади перед дворцом, прогулки для бодрости по аллеям парка, благочестивые поездки в местный храм всей семьей на богомолье, вечерние семейные чтения вслух. Впрочем, с революцией в жизнь царской семьи вошел страх, боязнь за существование монархии, физический ужас при мыслях о том, что придется расплачиваться за все кровавые преступления царизма.

Самым спокойным местом пребывания царской семьи считалась императорская яхта «Штандарт». После того как в самом Петергофе была арестована группа революционеров-террористов, Николай II пришел в полное смятение. «Но ты понимаешь мои чувства, милая мама,— писал он матери 30 августа 1906 г.,— не иметь возможности ни ездить верхом, ни выезжать за ворота, куда бы то ни было. И это у себя дома, в спокойном Петергофе. Я краснею писать тебе об этом и от стыда за нашу родину и от негодования, что такая вещь могла случиться у самого Петербурга. Поэтому мы с такой радостью уходим завтра на «Штандарте» в море, хоть на несколько дней прочь от всего этого позора»¹. Ответ матери был успокоительный: «Слава богу, что ты теперь на свободе — на «Штандарте». Надеюсь, что ты останешься на нем как можно дольше»².

¹ «Красный архив», 1927, т. 3 (22), стр. 198.

² Там же.

О днях пребывания царской семьи на этой яхте напоминало все: и столовая петергофского Нижнего дворца, перестроенная в форме каюты «Штандарта», и многочисленные фотографии и акварели на стенах дворцовых комнат.

Революция не только не изменила симпатий царской семьи к различным проходимцам и авантюристам, выступавшим чаще всего в ролях прорицателей, предсказателей и «божьих людей», но, напротив, укрепила привязанность к ним. Именно в это время при дворе появился тот, с кем царская семья прочно связала свою судьбу на целое десятилетие,— Григорий Распутин. Еще 1 ноября 1905 г. Николай II записал в дневнике: «Познакомились с человеком божьим Григорием из Тобольской губернии»¹. Это знакомство, по-видимому, первоначально не произвело впечатления на царя. С осени 1906 г. эти визиты Распутина стали более частыми. Целыми вечерами царь и его близкие с благоговением слушали туманные речи и прорицания этого очередного «божьего человека».

О загадочной карьере Распутина, о причинах его неограниченного влияния на царскую семью было написано немало исследований и воспоминаний.

Почитатели Распутина отвечали на эти вопросы очень просто: они полагали, что Распутин действительно обладал какой-то сверхъестественной силой. Более образованные лица искали научного объяснения возвышения Распутина в его способности к гипнозу, внушению.

И наконец, значительное число современников видело в Распутине просто ловкого жулика и проходимца.

Сибирский крестьянин Григорий Распутин имел у себя на родине в с. Покровском Тюменского уезда Тобольской губернии репутацию «варнака» — конокрада, пьяницы и бездельника. Последнее, по-видимому, и толкнуло его в секту хлыстов, где вокруг бойкого на язык Распутина образовался даже кружок почитателей и поклонниц. Посещения монастырей позволили Распутину завязать знакомства среди высшего духовенства. С рекомендательными письмами некоторых провинциальных духовных лиц осенью 1904 г. Распутин появился в Петербурге, где и представился ректору духовной академии Сергию и инспектору академии Феофану.

Негласный духовник царской семьи, ловкий епископ Феофан сразу представил, какое впечатление произведет в великосветских салонах этот большой, широкоплечий сибирский мужик с густой бородой, лохматой шевелюрой и глубоко сидящими пронзительными глазами, почти неграмотный, но наделенный природным умом, большой волей и самоуверенностью, умело прорицавший что-то на особом языке из церковных выражений и воровских жаргонных словечек.

¹ ЦГАОР, ф. 601, д. 249, л. 72.

Еще в начале 90-х годов на обеде, данном в честь балканского князя Николая Негоша, Александр III, желая подчеркнуть независимость политики России, поднял тост за «единственного друга князя Черногорского». Две дочери этого обласканного русским царем князя Милица и Стана воспитывались в Смольном институте, а потом вышли замуж за русских великих князей.

Одной из этих «черногорок», как их нелюбезно именовали при дворе, мистически настроенной жене вел. кн. Петра Николаевича Милице Феофан и представил Распутина.

Умная и честолюбивая Милица решила рекомендовать нового знакомого царице с тайной целью укрепить свое влияние на царскую семью. «Попросите его, о чем хотите,— сказала она,— он помолится, он все может у бога»¹. В том же убеждала царицу и любимая фрейлина — упрямая, нервная Анна Вырубова. Небольшая дача Вырубовой — «маленький домик» в Царском Селе — стала местом собраний экзальтированно-религиозных поклонников и поклонниц 42-летнего «старца» Григория.

Вскоре Распутин стал модной личностью. Его наперебой приглашали в свои салоны и родная сестра Вырубовой баронесса Пистолькорс, и влиятельные при дворе княгиня Кантакузен, баронесса Медем, графиня Игнатьева.

Туманные пророчества и предсказания этого лохматого мужика в сатиновой рубашке, шароварах и смазанных дегтем сапогах восторженно воспринимались пресыщенными от житейских удовольствий и мистически настроенными великосветскими дамами. С благоговением лобызали они заскорузлую большую и часто грязноватую руку «святого старца». Светская дама Ольга Лохтина под влиянием Распутина покинула семью, светскую жизнь. Восторженно смотря на объект своего поклонения — Распутина, эта полусумасшедшая дама твердила: «Это сам бог Саваоф».

Царица в 1908 г. также рекомендовала одному из придворных поскорее познакомиться с Распутиным. «Есть люди,— говорила она,— молитва которых, вследствие их аскетического образа жизни, имеет особую силу»².

В предвоенные годы Распутин сделался ближайшим советником царской семьи. «Не в первый раз еду в Царское Село,— хвастал Распутин в 1910 г. случайному попутчику в купе поезда.— Правда, придворные меня не любят... Ну да я как бы к дядьке наследника в гости хожу, а там меня провожают к царю и я с ним и царицей за одним столом сижу, чай пьем, разговариваем. А теперь меня царь вызывает, чтобы насчет того поговорить, правильно ли попы поступили, что Толстого отказались хоронить»³.

¹ «Вопросы истории», 1964, № 12, стр. 93.

² «Вопросы истории», 1964, № 10, стр. 130.

³ «Голос минувшего», 1917, № 3, стр. 53.

Вопреки мнению врачей о неизлечимой болезни наследника престола Распутин предсказывал «папе» и «маме» (так фамильярно называл он царскую чету) блестящее будущее «маленького» (т. е. наследника). Влияние Распутина быстро возрастало. Царская семья не могла без него обходиться. «Где ты есть, куда ты улетел? — вопрошала в одном из писем к Распутину царица. — Скорее приезжай... Прошу у тебя святого благословения и целую твои блаженные руки. Во веки любящая тебя м...» («мама»). Царские дочери тоже писали Распутину коротенькие письма, записки, именуя его «бесценным», «дорогим», «верным» и «незабвенным другом»¹. Окончательно поселившись в Петербурге, Распутин открыто, не стесняясь, посещал теперь Царское Село и Петергоф.

Огромные лакированные сапоги Распутина вызываясь громко топали по начищенному паркету дворцовых коридоров и гостиных. С удивлением и любопытством взирали холеные придворные на необычного царского любимца. «Чтой-то мне твоя рожа не нравится», — заметил как-то одному из них Распутин.

Царская семья готова была часами слушать разглагольствования Распутина, и сам председатель Совета министров, всесильный П. Столыпин как-то раз долго дождался в приемной перед царским кабинетом в Александровском дворце, пока Николай II окончит беседу с Распутиным.

Робкие попытки придворных и влиятельных чиновников пресечь возрастающее влияние Распутина оказывались тщетными. «Вы этого вопроса не касайтесь, это мое дело», — сухо сказал Николай II министру двора барону Фредериксу. Дворцовому коменданту генералу Воейкову он резко заявил: «Мы можем принимать, кого хотим»².

Весной 1911 г. Столыпин представил царю доклад о скандальных похождениях и кутежах Распутина, документально подтвержденных агентами Департамента полиции. Царь бесстрастно выслушал премьер-министра, а после ухода Столыпина бросил его доклад в камин и с наслаждением взидал на то, как пламя бойко пожирало «злые наветы» на «святого старца».

После смерти Столыпина его преемник В. Коковцов тоже безуспешно боролся с распутинским влиянием. Ему даже удалось после запроса о Распутине в Третьей Государственной думе в феврале 1912 г. добиться высылки Распутина на родину, но через некоторое время, по требованию царской семьи, он вновь вернулся в Петербург.

Религиозно-мистические настроения царского двора и правящих верхов, появление в их среде ловких авантюристов типа Распутина свидетельствовали о гнилости и упадке царизма в России. Все эти болезненные явления в семье «хозяев земли рус-

¹ «Вопросы истории», 1964, № 10, стр. 131—133.

² Там же, стр. 132.

ской» не способствовали усилению монархии. Авторитет царя и царской семьи в глазах даже правящих классов России резко падал. Не могли укрепить самодержавие и пропагандистские поездки царя и его семьи по стране в 1909—1911 гг., рассчитанные на «общение с народом».

В 1913 г. официальная, помещичье-буржуазная Россия торжественно праздновала 300-летие правления дома Романовых.

Электрической иллюминацией и зеленью, транспарантами и трехцветными флагами, царскими вензелями и коронами украсились здания столицы 21 февраля, когда в величественном Казанском соборе состоялось богослужение в присутствии Николая II, царской семьи, членов многолюдной романовской фамилии, придворных и важнейших чиновников государства.

Большая часть торжества проходила с 17 по 27 мая, когда Николай II и его семья со свитой на пароходе и по железной дороге проехали по пути следования в 1612 г. второго ополчения Минина и Пожарского из Нижнего Новгорода в Москву. Нижний Новгород, Владимир, Суздаль, Кострома, Ярославль и Ростов встречали царя пушечным салютом, колокольным звоном и крестным ходом. Везде царь посещал монастыри и памятные места, связанные с историей романовской семьи, принимал делегации и парады, произносил речи, присутствовал на торжественных молебнах...

Торжества в Москве напоминали коронацию 1896 г.

Прибывшие в Москву царь и сопровождающие его лица направились вниз по Тверской улице в Кремль. Вслед за сотней рослых конвоиров на большом коне ехал щуплый Николай II, двигался экипаж с царской семьей — царицей и царскими дочерьми в огромных круглых шляпах, болезненным наследником в матроске, ехали экипажи с придворными, конные гвардейцы.

Несмотря на «романовские торжества», рассчитанные на укрепление веры в незыблемость и извечность самодержавия, потребовалось неполных четыре года, точнее ровно 45 месяцев, для того, чтобы в условиях общего экономического и политического кризиса, порожденного империалистической войной, народные массы свергли «хозяев земли русской».

Вступившая в конце XIX в. в эпоху империализма Россия сохраняла феодальную форму правления — самодержавие, во главе которого стоял царь. Обладая определенной степенью независимости, абсолютизм пытался лавировать между интересами различных классов. В условиях роста революционной борьбы во всей политике самодержавия усиливается стремление к наиболее реакционным формам правления.

Возглавлявшая массовое революционное движение РСДРП в своей программе, принятой II съездом в 1903 г., ближайшей политической задачей поставила низвержение самодержавия. Этот лозунг партии стал лозунгом масс.

Назревание революционного кризиса, выявившегося в начале XX в. в массовой политической борьбе рабочих и крестьянском движении, общественном недовольстве, бедствиях масс, поражении царизма в русско-японской войне, привело к первой революции в России.

Эта революция хотя и не смогла свергнуть самодержавие, однако ускорила процесс его разложения, особенно остро проявившийся в предвоенные годы. «Первая революция и следующая за ней контрреволюционная эпоха (1907—1914),— писал впоследствии В. И. Ленин,— обнаружила всю суть царской монархии, довела ее до «последней черты», раскрыла всю ее гнилость, гнусность, весь цинизм и разврат царской шайки с чудовищным Распутиным во главе ее, все зверство семьи Романовых — этих погромщиков, заливших Россию кровью...»¹.

Расстрел рабочих 9 января 1905 г. в Петербурге, карательные экспедиции и военно-полевые суды в годы первой революции, казни Столыпина-вешателя в период реакции 1907—1910 гг., Ленский расстрел 1912 г.— таковы кровавые деяния самодержавия и его слуг в этот период.

В мрачные годы политической реакции большевики сохранили нелегальную марксистскую партию — основную руководящую силу рабочего класса. Большое значение для укрепления партии имел разрыв ее с оппортунистами на Пражской конференции РСДРП. Во все эти годы партия воспитывала и организовывала массы для новой борьбы против самодержавия, государства помещиков и буржуазии, широко используя для революционного воспитания масс легальную печать и трибуну Государственной думы.

Самодержавие пыталось предотвратить новый революционный подъем путем превращения старого царизма в монархию с лжеконституционными формами, организации блока помещиков и верхов буржуазии в Третьей Государственной думе, проведения буржуазной аграрной политики. Но все эти меры оказались тщетными. «Революционный кризис на почве неразрешенных буржуазно-демократических задач,— писал В. И. Ленин осенью 1911 г.,— остается неизбежным»². Исторически российское самодержавие было обречено. Революционное движение масс и империалистическая война ускорили его гибель.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 12.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 307.

ПАУТИНА

Незримая «нить — как бы паутинка — исходит из сердца его императорского величества государь-императора Александра Третьего и прочая,— проходит она сквозь господ министров, сквозь его высокопревосходительство губернатора и все чины вплоть до меня и даже до последнего солдата. Этой нитью все связано, все оплетено, незримой крепостью ее и держится на веки вечные государево царство»¹. Так откровенничал перед молодым подручным пекаря Алексеем Пешковым в конце 80-х годов прошлого века казанский городской Никифорыч, и эти высказывания мелкого полицейского чиновника весьма точно отображали картину бюрократического строя царской России.

До полумиллиона чиновников² всех рангов на рубеже XIX и XX вв. держали в повиновении огромную страну, именуемую Российской империей. Между народом и императором стояло множество учреждений и чиновников. Более десятка связанных между собой должностных лиц, органов и учреждений, расположенных иерархической лестницей, отделяли какого-нибудь твер-

¹ Цит. по кн.: М. Горький. Мои университеты. Собр. соч., т. 13. М., 1951, стр. 562.

² По примерному подсчету писателя и публициста Н. А. Рубакина, в России к началу XX в. насчитывалось около 436 тыс. гражданских и военных чиновников («Вестник Европы», 1910, кн. I, стр. 114).

ского, орловского или тамбовского крестьянина от императора всероссийского Николая II. Это крестьянские сословные органы — сельский сход, сельский староста, волостной сход, волостное правление, местный помещик, назначенный Министерством внутренних дел на должность участкового земского начальника, распорядившийся бесконтрольно судьбами крестьян. Это уездный съезд земских начальников, чины местной полиции — становой, урядник и исправник, губернское присутствие из чиновников под председательством губернатора. Это также разные структурные части аппарата Министерства внутренних дел, Комитет министров — собрание всех министров России, председателем которого был очень крупный чиновник, иногда великий князь, родственник самого царя, и, наконец, царь.

«Ни в одной стране нет такого множества чиновников, как в России,— писал в начале XX в. В. И. Ленин, обращаясь к крестьянам.— И чиновники эти стоят над безгласным народом, как темный лес... Армия чиновников, которые народом не выбраны и не обязаны давать ответ народу, соткала густую паутину, и в этой паутине люди бьются, как мухи.

Царское самодержавие есть самодержавие чиновников. Царское самодержавие есть крепостная зависимость народа от чиновников...»¹.

Сейчас, когда уже более полувека отделяет нас от старой помещицкой буржуазной России, не всегда удается понять эту опутывающую бесправные народные массы власть царской бюрократии. В романе советского писателя А. Вирты «Вечерний звон» главный герой — тамбовский крестьянин, волостной старшина Лука Лукич Сторожев, пожелав лично сообщить царю Николаю II о нуждах крестьян, запросто проникает в Зимний дворец, беседует с Николаем II и его министром С. Витте, выговаривает им много горьких истин, от которых они даже якобы сконфузились, и, наконец, запросто, так же как и пришел, удаляется из дворца.

В условиях самодержавия, неограниченной монархии и могучего бюрократического аппарата с жандармерией, полицией и армией такое личное общение крестьянина с царем не состоялось бы. Простым крестьянам и рабочим было трудно добиться приема даже у мелкого местного чиновника, почти нельзя было попасть к губернатору и тем более к министру.

Сцена длительного и безнадежного ожидания крестьян у парадного подъезда Министерства государственных имуществ, вдохновившая Н. А. Некрасова в 60-х годах XIX в. на замечательное стихотворение «Размышления у парадного подъезда», разыгрывалась и в начале XX в. Для того чтобы прогнать мужика, простолюдина от присутственного места, было достаточно окрика городского. Нередко царское правительство прибегало и к более крутым мерам, устраивая массовые избиения полицией рабочих,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 137.

крестьян, студентов; в начале XX в. все чаще для поддержания «порядка» привлекались войска.

В России сложились порядки управления, именуемые бюрократическими. Слово «бюрократия» составное: французское «бюро» — контора, канцелярия и греческое «кратос» — власть. Бюрократия означает всесильную власть канцелярий, учреждений и служащих в них чиновников.

В России должностные лица — чиновники появились давно, даже раньше государственных учреждений, но как специальная правящая прослойка бюрократия стала оформляться с возникновения государственных учреждений, складывавшихся в систему государственного аппарата уже после образования Русского централизованного государства, т. е. примерно с XVI в. Окончательно этот процесс был завершен в России с установлением абсолютной (неограниченной) монархии в XVIII в.¹

В. И. Ленин в конце XIX в. считал признаком бюрократии наличие «особого слоя лиц», специализировавшихся на управлении и поставленных в привилегированное положение перед народом, а для всей страны было характерным «полное бесправие народа перед чиновничеством, полная бесконтрольность привилегированной бюрократии»².

С развитием бюрократии появилась и чиновничья бюрократическая иерархия. Окончательно эта лестница чинов была закреплена при Петре I 24 января 1722 г. знаменитой «Табелью о рангах»³, которая установила новый порядок взаимоотношений чинов не по степени знатности (как это было в XVI—XVII вв.), а с учетом прежде всего служебных заслуг, опыта, способностей.

Все чины, находящиеся на гражданской, военной и военно-морской службе, были разбиты «Табелью» на 14 классов с низшего (XIV) до высшего (I).

С течением времени эта «Табель» претерпела сравнительно небольшие изменения, оставаясь основным законом о службе чиновников вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. В начале XX в. «Табель о рангах» выглядела следующим образом (см. стр. 46).

В XIX — начале XX в. изменились названия некоторых чинов, произошло перемещение их в классах, отпало конкретное значение и местопребывание каждого чина в определенном учреждении (коллежский регистратор, например, служил не в колле-

¹ См.: Н. П. Ершकिन. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. гл. I—IV. М., 1960; е го ж е. История государственных учреждений дореволюционной России, гл. I—IV. М., 1968.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 455—456.

³ Полное название: «Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалованы был». («Полное собрание законов Российской империи», т. VI, № 3890.)

Класс	Гражданские чины	Военные чины	Морские чины	Придворные чины
I	Канцлер Действительный тайный советник	генерал-фельд- маршал	генерал-адми- рал	
II	Действительный тайный советник	генерал от кавалерии генерал от инфантерии генерал от артиллерии	адмирал	обер-камергер обер-гофмаршал обер-штальмейстер обер-егермейстер обер-гофмейстер обер-шенк обер-церемоний мейстер обер-форшнейдер
III	Тайный советник	генерал- лейтенант	вице- адмирал	гофмаршал, штальмейстер, егер- мейстер. гофмей- стер
IV	Действительный статский советник	генерал- майор	контр адмирал	
V	Статский советник			церемоний- мейстер (с 1884 г.)
VI	Коллежский советник	полковник	капитан первого ранга	
VII	Надворный советник	подполковник	капитан второго ранга	
VIII	Коллежский ассессор			
IX	Титулярный советник	капитан ротмистр	лейтенант	
X	Коллежский секретарь	штабс- капитан штабс- ротмистр	мичман (с 1884 г.)	
XI	Корабельный секретарь			
XII	Губернский секретарь	поручик		
XIII	Провинциальный секретарь	подпоручик- корнет		
XIV	Коллежский регистратор	прапорщик (с 1884 г. этот чин существо- вал только в военное время)		

гии, так как их уже не существовало, а был мелким чиновником в любом государственном учреждении).

Петровская «Табель о рангах» установила получение потомственного дворянства (т. е. принадлежность к самому привилегированному сословию в России не только данного человека, но и всех его потомков) по достижении VIII класса; все нижестоящие классы (IX—XIV) давали лишь личное дворянство.

Приток в дворянство чиновников по выслуге вызывал недовольство дворян, особенно старых и титулованных дворянских фамилий (князья, графы, бароны), и толкал их на ходатайство перед царем об ограничениях в производстве в дворянство по службе. Законы, принятые 11 июня 1845 г. и 9 декабря 1856 г., повысили классы «Табели о рангах», дававшие потомственное и личное дворянство: для получения потомственного дворянства нужно было дослужиться до IV класса гражданской службы (действительный статский советник) и до VI класса военной и военно-морской службы (полковник, капитан 1-го ранга); личное дворянство закон давал чиновникам лишь при достижении IX класса (титулярный советник)¹; X—XIV классы «Табели» давали лишь звание почетного гражданства.

С целью известного «омоложения» высшего чиновничества царское правительство пошло на сокращение числа ступенек лестницы «Табели о рангах»: закон 16 апреля 1811 г. установил: «Чины XI и XIII классов в гражданском ведомстве никому не жаловать».

По закону 9 декабря 1856 г. утверждались сроки выслуги чиновников, продвижения их по лестнице бюрократической иерархии: с XIV до VIII класса — 12 лет, с VIII до V класса — 12 лет, с V до IV класса — 5 лет, с IV до III класса — 10 лет; I и II классы «Табели о рангах» давались лишь по усмотрению царя. Этот порядок распространялся на армию и флот.

При определении на государственную службу учитывались возраст, образование и особенно благородство происхождения. Потомственному дворянину для получения XIV класса было достаточно просидеть в канцелярии 1 год, личному дворянину — уже 2 года, а недворянину — более 12 лет.

¹ Первый куплет известного романа А. С. Даргомыжского на стихи поэта П. И. Вейнберга «Титулярный советник»

(Он был титулярный советник,
Она — генеральская дочь,
Он робко в любви объяснился,
Она прогнала его прочь...)

имеет глубоко понятный для дореволюционных времен социальный смысл. В случае брака титулярного советника (IX класс) и генеральской дочери (генерал — II—IV класс) дети от этого брака не получали дворянства и, по обычаям того времени, были бы приписаны лишь в полупривилегированную сословную группу почетных граждан или даже в совсем непривилегированную — мещан.

Впрочем, указанный выше закон 1811 г. устанавливал весьма немаловажный в чиновничьих сферах дореволюционной бюрократии регулятор чиновничества в виде «усердного и похвального отправления службы, начальством засвидетельствованного».

Все гражданские чиновники, военные и военно-морские чины определялись на службу согласно их рангу — классу. Сенаторы, члены Государственного совета, министры и главноуправляющие находились в I—III классах, товарищи министра — в III—IV классах, директора департаментов, губернаторы и градоначальники — в IV классе, помощники директора департамента и вице-губернаторы — в V классе, начальники отделений департаментов — в V—VI классах, столоначальники — в VII—VIII классах и т. д. Такой порядок распространялся на все ведомства, включая научные и учебные учреждения. Академики находились в IV—V классах, доктора наук — в VIII классе, магистры — в IX, кандидаты наук — в X—XII и действительные студенты — в XII—XIV классах¹.

Старшинство по «Табели о рангах» соблюдалось не только на службе, но и в различных церемониях. Жены чиновников имели все права мужей (титулярный советник — титулярная советница).

От класса (ранга) чиновника зависело и его титулование — официальное и почетное наименование служебного лица: чиновники первых двух классов именовались «ваше высокопревосходительство», III—IV классов — «ваше превосходительство», V — «ваше благородие».

Кроме чинов, в дореволюционной России существовал ряд почетных званий, связанных с близостью их носителей к самому царю и его двору. Некоторые высшие гражданские чиновники (I—III классов) получали от царя звание статс-секретаря его величества, потерявшее свое первоначальное служебное назначение (с 60-х годов XVIII в. до начала XIX в. — личные секретари царя или царицы). Военнослужащие получали иногда почетное звание свиты генерал-майора, свиты контр-адмирала, генерал-адъютанта, флигель-адъютанта. Чиновники высших классов могли иметь придворное звание камергера и камер-юнкера. С каждым из этих почетных званий была связана близость к царскому двору, а следовательно, возможность ускоренной чиновничьей или военной карьеры.

Служба дореволюционных чиновников оплачивалась весьма щедро. В конце XIX — начале XX в. это были различные виды жалованья: по официальной ведомости чиновник ежемесячно (20-го числа) получал обыкновенное жалованье. Кроме того, ему

¹ В дореволюционной России звание действительного студента получали лица, окончившие высшие учебные заведения, без защиты кандидатской диссертации (фактически современной дипломной работы); защитившие по окончании кандидатскую диссертацию получали звание кандидата наук.

полагались квартирные деньги (на наем квартиры), столовые (для питания), разъездные, прогонные, фуражные. Чиновники, служившие на окраинах, получали дополнительные прибавки к жалованью, пособия «на подъем и обзаведение»; отдельные ведомства выплачивали специальные ведомственные денежные суммы (Департамент уделов выдавал своим чиновникам дополнительное жалованье... вином из удельных винодельческих имений). В случае выполнения чиновником ответственного поручения, часто связанного с борьбой с революционным массовым рабочим и крестьянским движением, он получал усиленное жалованье.

В целом жалованье любого, даже мелкого, чиновника России значительно превышало заработок рабочего и доход крестьянина.

В бюрократической практике XIX — начала XX в. выработались многие формы поощрения служебного рвення чиновников: это выраженная указом царя благодарность («высочайшее благоволение» или просто «благодарность»), пожалование почетным званием (в гражданской службе — стат-секретарь его величества, в военной — генерал-адъютант или генерал-майор свиты, контр-адмирал свиты; придворными званиями: обер-камергер, обер-гофмаршал, обер-шталмейстер, камергер, камер-юнкер и т. д.), награда орденом, пожалование дорогим подарком или единовременной денежной выдачей.

Особенно частым видом поощрения чиновничьего рвення были награды орденами¹.

В дореволюционной России существовали ордена восьми наименований, располагавшиеся по их старшинству в следующем порядке: Андрея Первозванного, Екатерины, Владимира 1-й степени, Александра Невского, Белого Орла, Владимира 2-й степени, Анны 1-й степени, Станислава 1-й степени, Владимира 3-й степени, Владимира 4-й степени, Анны 2-й степени, Станислава 2-й степени, Анны 3-й степени, Станислава 3-й степени, Анны 4-й степени — и четыре степени чисто военного ордена Георгия Победоносца, которым награждались немногие представители высшего командного состава армии и флота. За исключением орденов Георгия и Владимира, награждение которыми проводилось за конкретные заслуги, и чисто придворного женского ордена Екатерины, все прочие ордена давались за чиновничью, гражданскую и военную службу в порядке их старшинства. Награжденные орденами, начиная с Владимира 3-й степени и выше, а также всеми степенями Георгия получали право потомственного дворянства. Орден Владимира 4-й степени и более высоких степеней (с 1900 г.) давал личное дворянство и потомственное гражданство. Личное дворянство получали награжденные орде-

¹ См.: «Каталог отечественных орденов, медалей и наградных знаков». Л., 1962.

нами Анны 2, 3, 4-й степеней (с 1845 г.), Станислава 2-й и 3-й степеней (с 1885 г.).

Награждение высшими орденами было исключительной привилегией чиновников и правящих верхов царской России. Орденами низших степеней также награждались представители буржуазии, дворянско-буржуазной интеллигенции и духовенства. Однако не мог быть в царской России орденосцем ни один рабочий или крестьянин. Статья 120 «Учреждения орденов и других знаков отличий» гласила: «Мещанами и лицами сельского состояния ордена не испрашиваются».

Самым старейшим и наиболее почетным орденом России считался орден Андрея Первозванного, учрежденный в 1698 г. Он давался членам императорской фамилии мужского пола при рождении или при достижении совершеннолетия, а также лишь немногим представителям царской бюрократии и верхов армии и флота. Верхи гражданской и военной бюрократии награждались первыми степенями орденов. Среднее и низшее чиновничество получало ордена степенью ниже и скромнее.

Особенно часто гражданские чиновники награждались орденом Анны 3-й степени: за беспорочную службу в должности не ниже VIII класса — в течение 12 лет, за беспорочную службу мелкого чиновника — свыше 40 лет, за проекты увеличения государственных доходов, открытия и изобретения, за обращение в православие не менее 100 человек, священникам — за 25 лет службы, дьяконам — за 35 лет службы и т. д.

Крест Владимира 4-й степени давался чиновникам за выполнение опасного поручения, а также тем из них, которые лишь «благоразумным увещанием» могли «убедить неповинующихся» (т. е. подавить народное волнение).

Для офицеров, унтер-офицеров и солдат еще в 1807 г. был учрежден «Знак отличия Военного ордена», который с 1856 г. имел четыре степени (1-я и 2-я — золотые, 3-я и 4-я — серебряные). Кавалеры орденского знака хотя и назывались с 1913 г. георгиевскими кавалерами, однако считались лишь числящимися при ордене¹.

За исключением «Знака ордена Георгия» (солдатский Георгий), все ордена и знаки отличия дореволюционной России предназначались для представителей господствующих классов — чиновников, командного состава армии и флота, духовенства, верхушки купечества. Ни рабочий, ни крестьянин царской России не могли стать кавалерами ни одного из «императорских» или «царских» орденов.

Ежегодно к рождеству, Новому году и пасхе каждый из министров делал царю через императорскую канцелярию представление о достойных награды чиновниках, кандидатуры которых

¹ См.: И. Г. Спасский. Иностранные и русские ордена до 1917 г. Л., 1963, стр. 109—126.

царь утверждал или отклонял. Во время войны правом представления пользовались главнокомандующие армиями.

Ушедшего со службы чиновника часто ожидала довольно высокая пенсия. Пенсионерами в дореволюционной России были только чиновники, отставные генералы, адмиралы и офицеры.

Правительство ревниво охраняло бюрократический аппарат, изгоняя политически неблагонадежных чиновников. Еще 7 ноября 1850 г. был издан закон, пункт третий которого давал право увольнять чиновников не только неспособных и скомпрометировавших себя, но и политически неблагонадежных.

Особенно усилился правительственный надзор за политической благонадежностью чиновников в период первой революции. Закон 16 декабря 1905 г. запретил офицерам и солдатам участие в политических партиях.

В сентябре 1906 г. председатель Совета министров и министр внутренних дел П. Столыпин разослал всем министрам и главноуправляющим циркуляр, в котором отмечалось «заметное участие» чиновников в политических партиях. Циркуляр запрещал всем чиновникам состоять в «политических партиях, обществах и союзах не только явно революционных, но и таких, которые... обнаруживают стремление к борьбе с правительством»¹, угрожая неблагонадежным широким применением того же пункта третьего. «Чиновник,— поясняла газета «Россия» — орган Министерства внутренних дел,— агент той власти, которая его на должность назначила. Кто не отвечает задачам, на него этой властью возложенным, должен иметь мужество уйти!»².

Несмотря на сдвиги абсолютной монархии в сторону буржуазной монархии, царская бюрократия даже накануне мировой войны оставалась дворянско-помещичьей. В. И. Ленин в одной из статей того времени писал, что бюрократия в России «рекрутируется... из старого... поместного и служилого дворянства»³.

Правительство охраняло бюрократию не только от проникновения революционного или просто оппозиционного влияния, но и от буржуазного влияния, искусственно сдерживая проникновение в государственный аппарат буржуазных элементов, препятствуя связи чиновников с империалистическими монополиями, акционерными обществами, компаниями, биржами, банками.

Самодержавие и чиновники-дворяне поддерживали и поощряли капиталистическую деятельность, охраняли капиталистическую собственность, жестоко расправлялись с рабочим движением, но они не желали допускать представителей буржуазии в государственный аппарат.

Впрочем, чиновники многих ведомств, особенно связанных с финансово-хозяйственной деятельностью (министерств — торговли и промышленности, военного, морского, путей сообщения,

¹ «Журнал Министерства юстиции», 1906, № 8, стр. 58.

² «Россия», 26 сентября 1906 г.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 58.

финансов), находили скрытые формы контактов с буржуазией и капиталистическими монополиями: принимали комиссионные (фактически взятки) за предоставление последним выгодных заказов, действовали в биржевых и банковских операциях через подставных лиц и т. п.

Уходя в отставку, отдельные чиновники занимали высокооплачиваемые должности в правлениях банков, трестов и синдикатов, использовали сохранившиеся широкие связи с чиновным миром в интересах империалистических монополий. Этот процесс сближения и деловых контактов царской бюрократии с империалистическими монополиями стал особенно широко проявляться после первой революции 1905—1907 гг.

Все чиновники объединялись царским правительством для выполнения определенных задач в государственные учреждения. Каждое учреждение имело свои задачи (функции), штат чиновников, бюджет и вело бумажное делопроизводство.

Все учреждения России подразделялись на три очень неравные группы. Наименьшую, но самую важную составляли высшие правительственные органы, подчиненные самому царю. Это Государственный совет, Совет министров (с 1905 г.), Государственная дума (с 1906 г.), Комитет министров (до 1906 г.), Правительствующий сенат, Святейший синод и личная канцелярия царя.

Вторую группу составляли центральные учреждения: министерства и главные управления на правах министерств; эти учреждения подчинялись царю и высшим органам государства. Далее следовала самая большая и очень разветвленная система местных учреждений. Каждое министерство имело свои учреждения. Территория России в начале XX в. подразделялась на губернии, губернии — на уезды, а уезды в свою очередь имели полицейские территориальные подразделения — станы и крестьянские — волости. Чаще всего на национальных окраинах создавали генерал-губернаторства из нескольких губерний; группа губерний и областей на Кавказе составляла с 1905 г. наместничество во главе с наделенным большими административными правами наместником (т. е. заместителем царя). Местные государственные учреждения были в губерниях, уездах, городах; местные учреждения некоторых министерств объединялись в округа (по нескольким губерниям). На национальных окраинах имелись свои учреждения («особенные», т. е. несходные с внутренними, великороссийскими учреждениями).

Широко известна находящаяся ныне в Государственном Русском музее картина И. Е. Репина «Заседание Государственного совета». Она запечатлела юбилейное заседание Государственного совета в мае 1901 г. в круглом зале Мариинского дворца — постоянном месте его собраний. До 1906 г. весь состав этого высшего законосовещательного органа самодержавной России назначался царем из верхов бюрократии (с 1906 г. половина его стала избираться помещиками, буржуазией, буржуазно-помещи-

чьей интеллигенцией). По определению В. И. Ленина, этот орган всегда был органом класса крупных помещиков. Беспощадно, остро и правдиво запечатлел И. Е. Репин в своей картине этих ведущих представителей царской бюрократии — надменных, чванных, самодовольных, часто ничтожных, но твердо уверенных в незыблемости существующих порядков в самодержавной России. Это было всего за 16 лет до Великой Октябрьской социалистической революции.

Неподалеку от выходящего фасадом на Исаакиевскую площадь Мариинского дворца, напротив знаменитого памятника Петру I («Медный Всадник»), помещалось учрежденное им высшее правительственное учреждение — Сенат. Это был орган высшего суда и надзора за законностью действий всех чиновников и государственных учреждений России. В состав Сената входило «Особое присутствие для суждения дел о государственных преступлениях и противозаконных сообществах» — высший политический суд России. Члены Сената назначались царем из верхов бюрократии. Своим авторитетом «хранителя законности» Сенат покрывал произвол и беззакония царской бюрократии и сурово карал малейшие нарушения царских законов рабочими и крестьянами. Жестоко наказывал он государственных преступников.

Для рассмотрения повседневных дел управления государством существовал более ста лет (с 1802 по 1906 г.) Комитет министров, который состоял из министров и некоторых чиновников Государственного совета (председателя, государственного секретаря, председателей департаментов).

Вся деятельность Комитета министров была направлена на укрепление и сохранение господствующих позиций помещиков-дворян в экономике и самодержавном государстве, на поощрение капиталистического предпринимательства в промышленности и торговле. На утверждение Комитета министров поступало множество уставов акционерных обществ, компаний, банков, положений о биржах, представлений и предписаний министра путей сообщения, разрешающих постройку железных дорог.

Комитет министров выступал и как орган карательной политики. По закону 1872 г., министр внутренних дел подавал в Комитет министров представления о запрещении книг или временных изданий, «распространение коих признано особенно вредным», и Комитет принимал постановление об их уничтожении. За 1872—1904 гг. по постановлениям Комитета министров было уничтожено до 200 различных изданий (в том числе произведения К. Маркса, сборник «Материалы к характеристике нашего хозяйственного развития» со статьей В. И. Ленина, произведения В. В. Берви-Флеровского, Д. И. Писарева, Л. Н. Толстого и др.)¹. Еще с 60-х годов Комитет министров проводил

¹ См.: Л. М. Добровольский. Запрещенная книга в России 1825—1904 гг. М., 1962.

ряд мер по усилению власти губернаторов; им же обсуждалось большинство реакционных положений 80-х годов.

К началу XX в. в Комитет министров, по выражению последнего его председателя С. Ю. Витте, «вносилась масса административного хлама — все, что не было более или менее точно определено законами, а также важные законодательные акты, которые рисковали встретить систематическое и упорное сопротивление со стороны Государственного совета»¹.

В условиях революции ожил бездействовавший до этого 22 года другой орган верхов царской бюрократии — Совет министров. Реформой 19 октября 1905 г. он был реорганизован в постоянно действующий орган для «направления и объединения деятельности главных начальников ведомств как по предметам законодательства, так и в государственном управлении».

Главой Совета министров являлся его председатель, назначаемый царем из наиболее доверенных или важных в данное время чиновников (С. Ю. Витте, И. Л. Горемыкин, П. А. Столыпин и др.). Совет министров не стал правительственным кабинетом России. Наряду с ним продолжали существовать, как и в XIX в., так называемые «всеподданнейшие доклады» (еженедельные доклады министров царю). Нередко министр, не желая выносить вопрос на рассмотрение Совета министров, решал его с глазу на глаз с царем во время именно такого «всеподданнейшего доклада». По выражению одного из министров кабинета Витте — гр. И. И. Толстого, эти доклады «давали возможность проводить отдельные вопросы быстрее и вернее, чем обычным, установленным для них путем, не нарушая законности их решения, так как царская воля покрывала собой всякие могущие возникнуть возражения»².

Царь и его министры, заседавшие в Комитете или Совете министров, составляли царское правительство, являлись вершиной царской бюрократии, вызывавшей особую ненависть широких народных масс. Если среди крестьянства до революции 1905—1907 гг. и были еще какие-то царистские иллюзии — вера в «доброе» и «справедливого» царя, то 9 января, опыт первых двух Государственных дум, карательные отряды, подавляющие крестьянское движение в годы революции, рассеяли эти иллюзии.

Наряду с официальным правительством в России, как в любом государстве с монархическим неограниченным режимом, существовало неофициальное, закулисное правительство — «придворная камарилья»³.

Обычно это была группа наиболее близких к царю и царскому двору лиц, оказывавших решающее влияние на политику государства. «Он,— писал впоследствии С. Ю. Витте об одном из пред-

¹ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 2. М., 1960, стр. 259.

² Рукописный отдел Гос. публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ф. 781, д. 568, л. 238.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 16, стр. 140.

ставителей этой придворной камарильи, дворцовом коменданте Д. Трепове, — являлся как бы безответственной главою правительства, а я ответственным, но маловлиятельным премьером»¹.

Трепов давал советы царю по всем вопросам политики, составлял для него проекты и даже тексты царских резолюций, был инициатором смещения неугодного ему первого председателя Совета министров С. Ю. Витте и инициатором назначения другой главы правительства — И. Л. Горемыкина.

В придворную камарилью входили близкие к царю по служебному положению лица — управляющий императорской канцелярией А. С. Танеев, министр императорского двора барон В. Б. Фредерикс, начальник военно-походной канцелярии царя кн. В. Н. Орлов, приближенный императрицы Александры Федоровны, прославившийся в карательной экспедиции в Прибалтике генерал А. А. Орлов, дочь Танеева — любимая фрейлина императрицы А. А. Вырубова; впоследствии придворная камарилья пополнилась неизвестным авантюристом Распутиным, дворцовым комендантом генералом В. Н. Воейковым, «доктором тибетской медицины» П. А. Бадмаевым и некоторыми другими лицами.

С придворной камарильей была тесно связана и получала от нее поддержку дворянско-помещичья реакционная организация, возникшая в период первой революции, — «Объединенное дворянство». Она оформилась на съезде в Петербурге в мае 1906 г. В принятом на I съезде «Объединенного дворянства» уставе задачи организации определялись весьма ясной формулировкой — «сплотить дворянство в одно целое для обсуждения и проведения в жизнь вопросов, интереса общего государственного, а равно и сословного»². За десять лет существования этой организации (до свержения царизма) состоялось 12 съездов ее уполномоченных, избираемых губернскими дворянскими собраниями. Между съездами этой организации действовал избираемый на три года Совет «Объединенного дворянства». Председателями и членами его были, как правило, крупнейшие помещики России³. Несмотря на то что устав определял Совет как исполнительный орган, он вскоре получил широкие распорядительные права, в том числе и право «обращения от своего имени к высшему правительству в случаях, не терпящих отлагательства».

В деятельности съездов и Совета «Объединенного дворянства» сословные, чисто дворянские вопросы занимали ничтожно малое место — около 10%⁴. 90% — это вопросы общегосударст-

¹ С. Ю. Витте. Воспоминания, т. 3. М., 1960, стр. 89.

² «Труды I съезда уполномоченных дворянских обществ 39 губерний». СПб., 1906, стр. 3.

³ В 1906—1912 гг. в Совет входили: крупный помещик, близкий ко двору (гофмейстер) гр. А. А. Бобринский, орловский помещик А. А. Нарышкин, екатеринославский помещик А. П. Струков, предводитель дворянства А. Д. Самарин.

⁴ Подсчитано по «Своду постановлений I—X съездов уполномоченных объединенных дворянских обществ 1906—1914 гг.». Пг., 1915.

венного характера. Получая поддержку от придворной камарильи, правых в Государственной думе и Государственном совете и от верхов бюрократии, Совет выступал довольно часто как политический советник царя и его правительства. Съезды «Объединенного дворянства» и Совет направляли свои «всеподданнейшие» адреса, телеграммы на имя Николая II, председателей Совета министров. Царь в свою очередь принимал делегации Совета, исправно знакомился со стенограммами съездов, текстами докладов и т. п. Сам Столыпин «верой и правдой» служил «совету объединенных крепостников»¹. По прямому требованию Совета и съездов «Объединенного дворянства» Николай II распустил I Думу, произвел государственный переворот 3 июня 1907 г., издал новый реакционный закон о выборах в Думу, согласился на проведение новой (т. е. столыпинской) аграрной политики.

На своих съездах, во всей деятельности Совет «Объединенного дворянства» отстаивал незыблемость помещичьего землевладения, побуждал правительство к более энергичной борьбе с революционным движением, настаивал на усилении уголовной ответственности крестьян за аграрно-революционные выступления. Совет требовал от правительства возмещения помещикам убытков, причиненных революцией, усиления цензурных гонений, «оздоровления» школы путем насаждения в ней «религиозно-нравственных начал» и т. п.

В своей деятельности Совет и съезды «Объединенного дворянства» были тесно связаны с черносотенными организациями России («Русское собрание», «Союз русского народа», «Союз Михаила Архангела» и др.), стояли, по выражению В. И. Ленина, «во главе черных партий»².

Наибольшую активность объединенные дворяне проявили в годы первой революции и столыпинской реакции. В дальнейшем процесс обуржуазивания части дворян подорвал эту организацию, вызвал ее раскол: часть дворян в годы мировой войны поддерживала придворную камарилью, а другая — нашла общий язык с буржуазным оппозиционным «Прогрессивным блоком».

Свою практическую деятельность царское правительство осуществляло с помощью обширного и разветвленного государственного аппарата. Помимо высших правительственных учреждений, непосредственно подчиненных самому царю и помогавших ему осуществлять функции законодательства и высшего управления, в начале XX в. в России действовали одиннадцать министерств: внутренних дел, юстиции, финансов, государственного контроля, земледелия и государственных имуществ, путей сообщения, императорского двора, народного просвещения, морское, военное и Министерство иностранных дел. В 1905 г. Министер-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 264.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 19.

ство земледелия и государственных имуществ преобразовали в Главное управление землеустройства и земледелия, осуществлявшее впоследствии столыпинскую аграрную политику; в том же, 1905 г. создали Министерство торговли и промышленности. Каждое министерство имело обширный местный аппарат.

Важнейшим в России было Министерство внутренних дел; в его ведомстве находилась вся местная администрация (генерал-губернаторы, губернаторы, градоначальники), исправники, полиция, жандармерия, политический сыск, цензура, комплектование армии, почта, телеграф. Министерство вело надзор за органами хозяйственно-административного самоуправления: земского (с 1864 г.), городского (с 1870 г.), а также выборными крестьянскими сословными органами.

Главой местной администрации — «хозяином губернии» являлся губернатор, управлявший губернией с помощью ряда учреждений (канцелярия губернатора, губернское правление, губернские присутствия и пр.). На протяжении всего пореформенного периода (после 1861 г.) власть губернатора (особенно полицейские функции) непрерывно возрастала, и к началу XX в. он был настоящим сатрапом, от милости которого зависело существование как любого учреждения, так и любого лица губернии. Особенно большие права получили губернаторы в тех местностях, на которые распространялось действие «Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия» от 14 августа 1881 г. Положение наделяло губернатора «для водворения полного спокойствия и искоренения крамолы» чрезвычайными полномочиями: давало право закрывать собрания, торговые заведения, фабрики, заводы, органы печати, арестовывать, штрафовать и высылать в административном порядке, без суда и следствия «подозрительных» и «вредных» лиц. Введенное «временно», это положение, по выражению В. И. Ленина, «стало одним из самых устойчивых, основных законов Российской империи»¹. В 1901 г. режим усиленной охраны и обязательных постановлений распространялся более чем на 1/3 населения России².

Для полицейского управления уездом губернатор назначал из местных дворян земского исправника. Уезд делился на станы (по 3—5 на уезд) во главе со становым приставом. В помощь становым с 1878 г. в 46 губерниях России действовали 5000 полицейских урядников, в подчинении которых с 1903 г. находилась полицейская стража.

Для управления крестьянами имелось повсеместно низовое звено — крестьянские волостные и сельские органы: волостной сход, волостное правление, волостной суд, сельский сход. На эти

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 331.

² См.: В. Д. Бонч-Бруевич. Россия под гласным надзором. Избр. соч., т. II. М., 1962, стр. 46.

Осужденный. 1879 г. С картины В. Е. Маковского.

бесплатные для него органы¹ правительство возложило функции по сбору налогов, выплате выкупных платежей, выполнению государственных и земских повинностей, комплектованию армии, разрешению земельных споров и т. п.

И в начале XX в. крестьянство России оставалось «нищим, забитым, темным, подчиненным помещикам-крепостникам и в суде, и в управлении, и в школе, и в земстве»². Ближайший надзор за крестьянскими органами «самоуправления» осуществлял всесильный земский участковый начальник — административное и судебное должностное лицо, назначаемое Министерством внутренних дел из местных дворян. В своем участке, состоящем из нескольких волостей, земский начальник имел широкие полномочия по утверждению решений крестьянских органов, назначению должностных крестьянских лиц, по наказанию крестьян. Произвол земских начальников в конце XIX — начале XX в. не знал границ.

Крестьяне с. Ракши Моршанского уезда Тамбовской губернии в 1891 г. решили отслужить молебен в память освобождения крестьян 19 февраля 1861 г. Это намерение вызвало гнев земского начальника Штейна, и он, «быв немного выпивши», собрал

¹ В конце XIX в. крестьяне на содержание волостных и сельских органов платили более 61,6 млн. руб. (Н. Б р ж е с с к и й. *Натуральные повинности крестьян и мирские сборы*. СПб., 1906, стр. 15).

² В. И. Л е н и н. *Полн. собр. соч.*, т. 20, стр. 173.

У мирового. 1884 г. С картины В. Е. Маковскою.

в волостное правление с. Ракши волостного старшину Хлобыстова, писаря волости Жукова, в присутствии сторожей Обухова и Чикменаева «начал кричать на старшину, топя ногами и произнося разные бранные слова, называя его сукиным сыном, затем произнес: «Ведь ты знаешь, кто я, я земский начальник, я над вами царь, вас глупый Александр II освободил, а умный нас назначил, вот я над вами и царствую, а вы еще служите молебны 19 февраля, я вам это покажу, как справлять 19 февраля, у меня чтобы более этого не было», после чего, топнув ногой, крикнул на старшину: «Теперь убирайся отсюда к черту...»¹

Административный и полицейский произвол всех этих местных властей указывал на призрачность крестьянского «самоуправления». «Мужика,— отмечалось в материалах местных комитетов,— окружает такая масса начальства, которое предъявляет к нему всевозможные требования, дает ему приказы, делает рас-

¹ Выходка земского начальника первого участка А. И. Штейна попала в донесение начальника Тамбовского жандармского управления только потому, что, зарвавшись, тот в гневе назвал Александра II «глупым», что означало уже «оскорбление в бозе почившего» императора (ЦГАОР, ф. 102, 3-е делопроизводство, д. 804, л. 11). Запрет отмечать юбилей освобождения крестьян исходил от самого «умного» (по терминологии Штейна) Александра III. «Никаких 25-летних юбилеев,— указывал он министру внутренних дел в 1885 г.— не признавать и празднование их особенным образом запретить» (ЦГАОР, ф. 102, 3-е делопроизводство, д. 609, л. 2).

Внутренний вид Шлиссельбургской тюрьмы.

поряжения... что он, растерявшись, уже не знает, к кому и с чем следует обращаться, кого и в чем слушать»¹.

Другим важным ведомством царской России было Министерство юстиции, которое управляло всеми судами и прокуратурой; с 1895 г. в его ведение вошли также и тюрьмы. К началу XX в. территория России подразделялась на 20 судебных округов. В каждом из них действовала судебная палата — окончательная инстанция для дел, рассматриваемых в окружных судах (окружной суд действовал в 2—3 уездах); уголовные дела, рассматриваемые в окружных судах с присяжными заседателями², решались окончательно. Мелкие уголовные и гражданские дела разбирались выборными мировыми судьями; с 1889 г. — земскими начальниками.

Эта система судов была создана судебной реформой 1864 г.; эта же реформа ввела и буржуазные принципы организации и деятельности судов: формальную несменяемость судей, независимость суда от администрации, гласность и публичность заседаний, состязательный процесс, адвокатуру, присяжных заседателей, нотариат и др.

¹ «Труды местных комитетов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности», т. XVII. СПб., 1904, стр. 155.

² *Присяжные заседатели* — представители от имущих классов населения, присутствующие в окружных судах (12 человек) и определявшие степень виновности подсудимых; меру наказания устанавливали чиновники-судьи.

Высшей судебной инстанцией для рассмотрения жалоб и протестов на решения местных судов в случае нарушения форм судопроизводства служили кассационные департаменты Сената.

И к началу XX в. царский суд оставался классовым судом, защищавшим интересы прежде всего помещиков и буржуазии. Тяжело было искать правду в этом суде простому народу. В 1913 г. В. И. Ленин рассказывал о деле, которое тянулось в судах царской России 51 год! Еще в 1862 г. владельцы заводов на Урале Строгановы должны были выделить освобожденным крестьянам землю, но под всякими предложениями они несколько десятков лет тянули судебную волокиту с иском горнозаводских рабочих¹.

Каторжанин, прикованный к тачке.
Сахалин. 1910 г.

Бешеную ненависть царизма вызывало рабочее движение. В повести «Мать» М. Горький описывал картину царского суда над рабочими, обвиненными в выступлениях против самодержавия. Русская художественная классическая литература часто обличала весь цинизм классового правосудия царской России: Л. Н. Толстой — в «Воскресении», «Живом трупе», А. П. Чехов — в «Сонной одуре», «Злоумышленнике», «Шведской спичке», «Драме на охоте» и т. д. Против жертв судебного произвола царизма активно выступали Л. Н. Толстой, В. Г. Короленко.

К началу XX в. Главному тюремному управлению Министерства юстиции были подведомственны 895 тюрем разного назначения: общегосударственные тюрьмы для особенно важных «государственных преступников» (Петропавловская и Шлиссельбургская крепости), централы (Новоборисоглебский и Новобелгородский близ Харькова, Александровский возле Иркутска и др.), этапные, пересыльные, каторжные (Нерчинские в Забайкалье, в Якутии, на Сахалине), губернские «замки» и остроги, тюрьмы при полицейских участках и т. п. В 1900 г. в этих тюрьмах пребывало почти 700 тыс. человек².

Даже в начале XX в. обычным явлением в царских тюрьмах были издевательства над заключенными, избияния их. Особенно

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, стр. 373—374.

² См.: «Отчет Главного тюремного управления за 1900 г.». СПб., 1905, стр. 5.

большую славу имел в годы столыпинской реакции Орловский централ, тюремный террор в котором вызвал волну самоубийств заключенных. «Мы знаем, что по закону бить не дозволяется, — цинично пояснял одному заключенному надзиратель Орловского централа. — Думаешь, не знаем? Знаем, брат, прекрасно знаем. Да закон-то у нас в кармане: что хотим, то и делаем с ним. Понимаешь? Хотим — его съедем, хотим — с чаем выпьем... А ты тоже, наверное, думаешь, что, дескать, я политический, меня не смеют тронуть. Бить-де не полагается... Наплевать нам на это. Забьем и только, до смерти забьем, слышишь»¹.

В. И. Ленин часто называл российский империализм военно-феодальным²; это означало, что во всем его строе пережитки крепостничества (и прежде всего самодержавие) тесно переплетались с военщиной. Армия играла в самодержавной России в начале XX в. колоссальную роль. Даже в мирные годы она всегда превышала 1 млн. человек³. На ее содержание самодержавие затрачивало огромные суммы: в 1903 г. эти расходы составляли почти 21% от общего бюджета России и достигали 466,4 млн. руб.; в 1913 г. они составляли уже 28% бюджета (960,4 млн. руб.)⁴.

С начала XX в. армия и военные учреждения все чаще и чаще привлекались для борьбы с революционным движением. Войска расправляются с Обуховской обороной в 1901 г., с крестьянским движением на юге России в 1903 г., расстреливают петербургских рабочих 9 января 1905 г., участвуют в кровавых событиях первой революции. С июня 1905 г. деятельность военного и морского ведомств была объединена высшим государственным учреждением — Советом государственной обороны. Создание этого органа не было вызвано потребностями какой-либо «обороны» от внешнего врага (русско-японская война уже близилась к концу); он возник в результате соображений внутреннего характера. В условиях подъема революции появилась необходимость централизовать весь военный аппарат в руках царя и реакционных дворянских элементов. Председателем этого Совета стал дядя царя вел. кн. Николай Николаевич, который вошел в состав Совета министров с огромными распорядительными правами. Этот орган существовал до 1909 г. Такое уродливое приспособление армии для внутренних полицейских нужд снижало ее боевую готовность. На заседании Совета министров 1 марта 1908 г. военный министр А. Ф. Редигер, признав низкую боевую подготовку армии, резко заявил председателю Совета министров и мини-

¹ П. К-ин. В застенке. Орловский каторжный централ. Сб. М., 1929, стр. 121.

² См.: «Об особенностях империализма в России». Сб. М., 1963, стр. 11—52.

³ Накануне первой мировой войны армия России имела 1284,2 тыс. человек (см.: «Военно-исторический журнал», 1966, № 1, стр. 108).

⁴ См.: «Ежегодник России. 1910 г.». СПб., 1911, стр. 644—647; «Статистический ежегодник России. 1915». Пг., 1916, стр. 10—13. На нужды же просвещения Россия в 1913 г. затрачивала только 4,6% бюджета (там же).

стру внутренних дел П. Столыпину, что «армия не учится, а служит вам»¹.

Для идеологического воздействия на народные массы самодержавие использовало силы церкви. Официальным государственным вероисповеданием являлось православие; высшим его органом был Святейший синод, возглавляемый обер-прокурором. Все прочие вероисповедания (католическое, протестантское, мусульманское и др.) считались «иностранными»; заведовало ими Министерство внутренних дел. Синод руководил целой армией духовенства: в 1912 г. в России насчитывалось 111 тыс. священников и дьяконов; более 1000 монастырей обслуживали почти 100 тыс. монахов и монахинь². Церкви принадлежало более 2 млн. десятин земли. В ее ведении находилась целая система церковных учебных заведений: 4 духовные академии, 57 семинарий, 186 духовных училищ³. Для религиозного обучения народа в России к 1905 г. действовало почти 43 тыс. церковноприходских школ, в которых обучалось около 2 млн. детей; основными предметами были «закон божий», знание церковной службы, церковное пение⁴.

На содержание православной церкви самодержавное государство отпускало огромные суммы: в 1900 г. бюджет Синода исчислялся в 24 млн. руб., а к 1914 г. он удвоился и достиг почти 50 млн. руб.⁵ Церковному ведомству принадлежали огромные богатства: более 2 млн. десятин земли, капиталы суммой более 70 млн. руб. Кроме того, ежегодно в начале XX в. до 40 млн. руб. давала продажа свечей, кружечный, кошельковый, тарелочный и другие сборы с прихожан⁶.

Огромный аппарат православной церкви активно боролся в начале XX в. с революционным движением, выступал против свободы вероисповедания, против подлинного просвещения масс. Рост классового самосознания масс подрывал силы церкви. Вместе с ненавистью к самодержавию и царской бюрократии возрастало равнодушие народа к религии.

Весь механизм государства в России — самодержавие, бюрократия, карательный аппарат и церковь находились в начале XX в. в глубоком кризисе: Россия вступила в эпоху революций.

¹ Цит. по кн.: А. А. Поливанов. Из дневника и воспоминаний по должности военного министра и его помощника, т. I. М., 1924, стр. 42.

² См.: «Отчеты обер-прокурора Св. Синода за 1911—1912, 1913 гг.». Пг., 1915, приложение.

³ См.: Е. Ф. Грекулов. Церковь, самодержавие, народ. М., 1969, стр. 102.

⁴ См.: «Статистические сведения о церковных школах Российской империи». СПб., 1906, стр. 900.

⁵ См.: «Ежегодник России». СПб., 1911, стр. 644; «Статистический ежегодник России». Пг., 1915, 1916.

⁶ См.: Е. Ф. Грекулов. Назв. соч., стр. 103.

РОССИЯ ПОД НАДЗОРОМ

До отхода поезда на Берлин от дебаркадера Кёльнского вокзала оставалось несколько минут. Покинувшие вагоны провожающие толпились на платформе и лениво переговаривались с выглядывающими из окон пассажирами. Только один невысокий, небрежно одетый человек средних лет, в очках, по-видимому, никого не провожал. Он скромно стоял в стороне у здания вокзала и время от времени нетерпеливо извлекал из кармана жилета часы. И лишь после того как прозвучал сигнал отправления поезда, незнакомец решительно направился к одному из вагонов и вскочил на подножку.

...В купе поезда беседовали двое. Со стороны они казались случайными попутчиками, которые ведут вагонный, никчемный разговор. Но если бы постороннему человеку удалось подслушать эту беседу, происходившую в начале сентября 1908 г., то ему пришлось бы изменить свое мнение. Еще большее удивление вызвало бы знакомство с этими двумя во всех отношениях несхожими собеседниками.

Элегантно одетый мужчина лет сорока трех — сорока пяти был российским чиновником в отставке, бывшим директором Департамента полиции — основного органа борьбы с революционным движением в России — Алексеем Александровичем Лопухиным, а его небрежно одетым собеседником — политический эмигрант из России, проживающий в Париже, редактор истори-

ко-революционного журнала «Былое» Владимир Львович Бурцев.

Шестичасовой разговор отставного чиновника и политического эмигранта оказался решающим в раскрытии самого скандального, на шумевшего на весь мир деяния царского политического сыска — «дела Азефа».

В числе политических партий, возникших в России в начале XX в., была мелкобуржуазная революционная партия социалистов-революционеров (эсеров), объединившая в 1902 г. разрозненные народнические группы и кружки. Предварительным условием крестьянской революции партия эсеров выдвигала «дезорганизацию власти» путем террористических актов против крупных царских чиновников. В начале XX в. членами этой партии были убиты некоторые реакционные деятели: Степан Балмашов смертельно ранил в вестибюле Марининского дворца министра внутренних дел Д. Сипягина (2 апреля 1902 г.); Егор Сазонов на улице бросил бомбу в коляску направляющегося на доклад к царю министра внутренних дел В. Плеве (15 июля 1904 г.); 4 февраля 1905 г. Иван Каляев взорвал на площади в Кремле карету с генерал-губернатором, дядей царя, вел. кн. Сергеем. Все эти террористические акты приносили большой вред революционному движению: они отвлекали рабочих и крестьян от массовых выступлений против самодержавия. На место убитого чиновника царское правительство назначало другого, нередко еще более жесткого и реакционного, а десятки борцов с самодержавием (и не только эсеров) попадали в тюрьмы, в ссылку, на каторгу, шли на казнь. «Не правда ли,— писал в это время В. И. Ленин, называя действия эсеров «революционным авантюризмом»,— ...удивительно умно: отдать жизнь революционера за муть негодяю Сипягину и замещение его негодяем Плеве...»¹

Со времени первой революции (особенно с лета 1906 г.) в террористической деятельности партии эсеров началась полоса невезения. Превосходно, как казалось, подготовленные террористические акты вдруг в последние часы и даже минуты проваливались, а заранее арестованные их участники направлялись на каторгу или виселицу. Правительство узнавало с большими подробностями состав и повестку нелегальных съездов эсеров, производило аресты не одиночек, а целых групп членов партии.

И на устах многих рядовых членов этой партии, которых ее вожди безжалостно посылали на гибель, появилось зловещее слово *провокация*. Стали все чаще говорить, что в руководство партии, в ее Центральный Комитет, пробрался какой-то агент политического сыска, который принимает участие в подготовке террористических актов, а потом выдает жандармам своих партийных товарищей.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 384.

В Париж, к Бурцеву, который время от времени публиковал в журнале «Былое» материалы об отдельных провокаторах, начали поступать сигналы о дерзкой деятельности провокатора, пробравшегося в руководство партии эсеров и действовавшего в царских органах политического сыска под кличками Раскин, Филиповский, Виноградов, Черкасов. Сопоставление полученных фактов и материалов привело подозрения Бурцева только к одному лицу — члену ЦК партии эсеров, руководителю с 1903 г. ее террористического центра — Боевой организации — Евно Азефу. Обвинение требовало более веских доказательств. И вскоре они стали поступать. И автор анонимного письма, доставленного дамой под густой вуалью одному видному эсеру еще в августе 1905 г., и показания сбежавшего из России сотрудника политического сыска Михаила Бакая, и разоблаченный эсерами провокатор Татаров называли Азефа.

— Нашли кому верить,— с возмущением заявили Бурцеву руководители партии эсеров Борис Савинков и Виктор Чернов.— Это же явная полицейская провокация с целью опорочить даровитого и опытного революционера.

Над Бурцевым, продолжавшим отстаивать свои подозрения, летом 1908 г. нависла угроза партийного «суда чести», и он делал все возможное, чтобы найти еще более неопровержимые доказательства провокаторской деятельности Азефа. Ему помогла чистая случайность.

В России еще в годы первой революции он познакомился с отставленным в начале 1905 г. от должности директора Департамента полиции А. Лопухиным. За границей, куда часто выезжал Лопухин, между ним, обиженным на правительство за раннюю отставку (ему в 1905 г. было только 40 лет) чиновником, и эмигрантом Бурцевым установились более тесные связи. И вот теперь, узнав, что Лопухин возвращается с одного из рейнских курортов в Россию, Бурцев поспешил на Кёльнский вокзал, чтобы встретиться с ним в вагоне поезда.

Во время начатой издали беседы с глазу на глаз Бурцев с волнением задал долго мучивший его вопрос: «Кто же скрывается под псевдонимом Раскин?» И бывший директор Департамента полиции Лопухин, глядя на своего нервного собеседника, ответил: «Никакого Раскина я не знаю, а инженера Евно Азефа я видел несколько раз»¹.

По требованию Азефа на парижской квартире эсера Рубановича в конце октября 1908 г. Бурцев предстал перед партийным «судом чести» по обвинению в том, что он «распространяет клеветнически-злостные слухи относительно одного из самых выдающихся деятелей партии, одного из столпов ее»².

¹ Цит. по кн.: В. Л. Бурцев. В погоне за провокаторами. М.—Л., 1928. стр. 123.

² Там же, стр. 127.

За судейским столом восседали члены ЦК партии эсеров, фактические ее руководители: личный друг Азефа Борис Савинков, Виктор Чернов, Марк Натансон. Для «объективности» организаторы пригласили на суд представителей старшего, народнического поколения революционеров: просидевшую 24 года в заключении в Петропавловской крепости (члена Исполнительного комитета «Народной воли») Веру Николаевну Фигнер, бывшего узника Шлиссельбургской крепости, революционера 60—80-х годов, друга Карла Маркса Германа Александровича Лопатина.

Выступление судей было посвящено восхвалению заслуг Азефа. Савинков сравнивал Азефа с Желябовым и Сазоновым, а Чернов требовал от Бурцева прекратить «кампанию» против Азефа.

Заявление Бурцева о признании Лопухина произвело впечатление разорвавшейся бомбы. «Судьи» явно стушевались. «Каково ваше мнение, Герман Александрович? — обратился к Лопатину Б. Савинков, еще надеясь услышать какие-то сомнения в причастности к провокации своего друга.

— Да что тут говорить! — твердо сказал, пристально глядя на вопрошавшего из-под очков своими полуслепыми глазами старый шлиссельбуржец. — Дело ясно!»¹

Суд над Бурцевым превратился в суд над Азефом.

Несмотря на неопровержимые улики, эсеровское руководство тянуло с окончанием дела. И только 7 января 1909 г. ЦК партии эсеров специальным «Извещением» официально объявил рядовым членам о провокационной деятельности Азефа, но через неделю (15 января) Азеф скрылся².

Разоблачение Азефа в печати вызвало подлинную сенсацию в России, ее подхватила западноевропейская пресса.

В руководстве партии эсеров царил растерянность, на него сыпались обвинения рядовых членов. Один из вождей партии с ее основания, член Центрального Комитета, руководитель Боевой организации с осени 1903 г., организатор 22 террористических актов Евно Азеф оказался старейшим секретным агентом Департамента полиции³.

Подготовка террористических актов против царских чиновников создавала Азефу славу бесстрашного, энергичного революционера и вождя партии. Департамент полиции тоже высоко

¹ Цит. по кн.: В. Л. Бурцев. В погоне за провокаторами, стр. 131.

² Из Германии Азеф обратился к бывшему начальнику Петербургского охранного отделения генералу Герасимову, умоляя его о помощи. Департамент полиции такую помощь оказал, выслав ему паспорт на фамилию Неймайера, под которой он и проживал в Германии («Былое», 1917, № 2, стр. 212—213).

³ Азеф был завербован в секретные агенты еще во время учебы за границей в Политехникуме в Карлсруэ (Германия) в 1892 г. с жалованьем агента-осведомителя 50 руб. в месяц. Обложку дела агента Азефа в Департаменте полиции малограмотный чиновник озаглавил «Сотрудник из кастрюли» вместо: «из Карлсруэ» («Былое», 1917, № 5—6, стр. 18).

оценивал деятельность этого обер-провокатора, выплачивая ему в год на 2 тыс. рублей больше, чем самому директору Департамента полиции.

Разоблачение Азефа вызвало растерянность и в правительстве. Председателю Совета министров и министру внутренних дел, главному вдохновителю политической реакции в России П. А. Столыпину пришлось в феврале 1909 г. отвечать на запрос о деятельности Азефа с трибуны Государственной думы. Не отрицая принадлежности Азефа к секретной агентуре Департамента полиции с 1892 г., Столыпин, разумеется, отказался признать его провокатором.

Взбешенное правительство осудило А. Лопухина в апреле 1909 г. вначале на каторгу (замененную ссылкой в Сибирь), обвинив его в «преступном сношении с революционерами и в принадлежности к их сообществу»¹.

«Дело Азефа» вскрыло только одну из многих тайн политического сыска России последних лет царизма. Нити сыска тянулись к большому четырехэтажному зданию в Петербурге на набережной Фонтанки, где помещался центр всего политического сыска России — Департамент полиции.

В Российской империи органы для сыска недовольных существующим строем и расправы с ними появились еще в первую четверть XVIII в. Особенно большую известность имело существовавшее с 1826 г. Третье отделение «собственной его императорского величества канцелярии», а в 1880 г. его место занял Департамент полиции Министерства внутренних дел.

Шли годы, менялись учреждения политического сыска и методы их деятельности, но сущность оставалась той же: борьба со всеми, кто колеблет устой существующего строя.

Целые поколения революционеров прошли через органы политического сыска: декабристы, петрашевцы, революционные демократы 60-х годов во главе с Н. Г. Чернышевским, народники 70-х годов и народовольцы, деятели первых марксистских кружков и организаций. Борьба с революционным движением с каждым десятилетием царизму становилось все труднее. Вместо разрозненных выступлений одиночек или небольших групп в начале XX в. против царизма выступал хорошо организованный рабочий класс, возглавляемый своей партией — партией большевиков, росло крестьянское движение, существовали и другие нежелательные для царизма политические партии.

Все это усложняло организацию и деятельность политического сыска, заставляло совершенствовать его методы.

Официально, по закону главной задачей Департамента полиции считалось «предупреждение и пресечение преступлений и охранение общественной безопасности и порядка»². Однако

¹ «Дело А. А. Лопухина в Особом присутствии Правительствующего Сената. Стенографический отчет». СПб., 1910.

² «Свод законов Российской империи», т. 1, ч. II, 1906, стр. 362.

руководители Департамента полиции и его местных органов толковали эту формулировку весьма широко. Они стремились обнаружить и пресечь деятельность революционеров, революционных организаций, нелегальных политических партий, боролись активно с рабочим и крестьянским движением, следили за лицами, находящимися под полицейским надзором, за политзаключенными и ссыльными, а также российскими подданными за границей и иностранцами в России, за общественными, культурными и культурно-просветительными учреждениями, легальными политическими партиями, учебными заведениями и национальным движением, ведали уголовным розыском, надзирали за исполнением правил о паспортах, за гостиницами и трактирами.

Департамент полиции и его местные органы отвечали за охрану царя, контролировали изготовление, хранение и перевозку взрывчатых веществ, следили за осуществлением фабрично-заводского законодательства. Каждый гражданин Российской империи, определяющийся на государственную или даже общественную службу и учебу, обязан был предоставить справку о политической благонадежности, выданную Департаментом полиции или одним из его местных органов (охранным отделением).

Департамент полиции заведовал всем личным составом полиции и полицейских органов России.

В его ведении находились местные органы политического сыска — охранные отделения, различные учреждения и органы полиции, органы уголовного розыска — сыскные отделения, а также адресные столы и пожарные команды.

С деятельностью Департамента полиции и его местных органов был тесно связан Отдельный корпус жандармов — соединение политической полиции, возникшее еще в 1827 г. Его учреждения (штаб — в Петербурге, жандармские управления — в губерниях и на железных дорогах) также боролись с революционным движением.

В 1880 г. корпус жандармов вошел в состав Министерства внутренних дел. Министр стал главным начальником и Департамента и одновременно шефом жандармов, а один из товарищей министра внутренних дел, «заведующий полицией», отвечал за деятельность полиции и был командиром корпуса жандармов.

Хотя официально Департамент полиции являлся составной частью Министерства внутренних дел, но к XX в. он превратился фактически в важнейшее самостоятельное ведомство России, деятельность которого незримыми нитями опутывала всю политическую, общественную и культурную жизнь страны.

Ежедневно утром десятки чиновников Департамента полиции расходились по длинным коридорам всех четырех этажей здания на набережной Фонтанки. Важно шествовало в свои кабинеты департаментское начальство: директор, вице-директорá (их было от 2 до 5), начальник Особого отдела, торопливо

проходили чиновники особых поручений, начальники делопроизводства, их старшие и младшие помощники, спешили служащие секретариата, журнальной, инспекторской, казначейской и хозяйственной частей, проشمывали и разные лица из обслуживающего персонала. В Департаменте полиции начинался будничный служебный день.

Курьеры с полицейского телеграфа доставляли шифрованные и нешифрованные телеграммы. В экспедицию Департамента поступала обширнейшая ежедневная почта: докладные записки, донесения и сообщения губернаторов, начальников жандармских управлений, охранных и сыскных отделений, заведующего заграничной агентурой и разных полицейских органов о деятельности политических партий, рабочем, крестьянском, студенческом, национальном движении. Поступали в Департамент ответы на его письма и запросы от всевозможных правительственных учреждений, протоколы дознаний, выписки из заключений прокуроров, копии приговоров судов и многие другие документы.

В специальной «Секретарской части» вся эта обширнейшая и разнородная корреспонденция регистрировалась, сортировалась по структурным частям: важнейшая корреспонденция поступала самому директору или вице-директорам.

На четвертый этаж департаментского здания разрешалось подниматься очень немногим чиновникам. Здесь помещался знаменитый Особый, или политический, отдел Департамента — его мозг и центр, ведавший наиболее секретной работой политического сыска¹.

Фактически в ведении этого отдела находилась и обширная библиотека нелегальных изданий²: печатных, рукописных, гектографированных изданий политических партий и кружков; книг, брошюр, газет, журналов, листовок, прокламаций. Если в последние десятилетия XIX в. в этой жандармской «коллекции» преобладала народническая литература, то с первой революции в России Департамент полиции все более и более интересовала марксистская литература, большевистские издания. В департаментской библиотеке были представлены все русские издания произведений К. Маркса и Ф. Энгельса, полные комплекты большевистских газет («Вперед», «Пролетарий», «Социал-Демократ», «Звезда», «Правда» и др.).

Большинство этих изданий попало в библиотеку Департамента в результате изъятий их местными органами жандармерии и полиции во время обысков и арестов. В 1908 г. Департамент по-

¹ Особый отдел был образован 1 января 1898 г.; до него делами политического сыска в России занималось одно из делопроизводств (Третье, или секретное, отделение). ЦГАОР, ф. Департамента полиции (102), оп. 237, д. 104 (л. 47); оп. 302, д. 707, л. 17 об.; лл. 143—143 об.

² Для конспирации она значилась в ведении сравнительно второстепенного 4-го делопроизводства.

лиции специальным циркуляром обязал все жандармские управления и охранные отделения для «всестороннего ознакомления с деятельностью враждебных русскому государству элементов» присылать изъятые при обысках «противоправительственные издания»¹.

К XX в. «квалификация» чинов политического сыска значительно повысилась. Если чиновники Третьего отделения и Департамента полиции в 80-е — начале 90-х годов еще слабо разбирались в различных течениях, именуя их общим термином «социал-революционеры», то деятели политического сыска XX в. глубоко изучали программы и организацию политических партий. Материалами библиотеки широко пользовались чиновники Департамента полиции как в повседневной деятельности, так и для составления различных жандармских «исследований» по истории революционного движения и отдельных политических партий. По остроумному замечанию советского историка и архивиста А. А. Сергеева, «в Департаменте полиции были не только свои Малюты Скуратовы, но и свои Несторы-летописцы»². Самым осведомленным «историком» Департамента полиции был жандармский полковник (а затем генерал) А. И. Спиридович, из-под пера которого вышли два тома большого «исследования» «Революционное движение в России»³.

В Департаменте полиции существовала картотека всех лиц, находившихся под надзором центральных и местных органов политического сыска, в которой было в начале XX в. 55 тыс. карточек и до 20 тыс. фотографий. Отошли те времена, когда слабая агентура органов политического сыска давала лишь отрывочные сведения о деятельности революционеров, что порождало порой фантастические по своей нелепости дела, вроде поисков Третьим отделением и жандармами в 70-х годах Карла Маркса ... в России⁴.

Теперь на всех крупных деятелей политических партий завели в Департаменте полиции персональные дела, в которых «недремлющее око» царского политического сыска фиксировало по агентурным сведениям их местопребывание и деятельность. Среди них находились и дела руководителей большевистской партии: В. И. Ульянова, Я. М. Свердлов, Ф. Э. Дзержинского, Г. К. Орджоникидзе, В. В. Куйбышева, М. В. Фрунзе, М. И. Калинина, С. М. Кирова и других.

В личном деле В. И. Ленина в Департаменте полиции находилась сводная справка о его деятельности с 1887 по 1900 г.,

¹ ЦГАОР, ф. 102, оп. 238, д. 214(1), л. 1.

² «Голос минувшего», 1917, № 9—10, стр. 364.

³ В первом томе (СПб., 1914) освещалась история партии эсеров, а во втором (Пг., 1916) — РСДРП.

⁴ По распоряжению Третьего отделения жандармами в ряде городов России было задержано несколько лиц с фамилией Маркс или сходные с К. Марксом по внешнему описанию лица («Красная летопись», 1922, № 2—3, стр. 347—351; «Литературная газета», 5 ноября 1959 г.).

начиная с участия в университетских беспорядках в Казани. Здесь отмечалось, что «привлеченный к дознанию» по делу петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» Владимир Ульянов «отказался давать какие-либо объяснения в знакомстве с другими лицами», а по поводу найденной у него рукописи газеты «Рабочее дело» и двух рукописных статей о стачках также «уклонился от дачи показаний»¹.

Все поступавшие в Департамент полиции сведения тщательно изучались, расшифровывались, обрабатывались, и на их основании составлялись и рассылались на места предписания, циркуляры, уведомительные письма, справки и другие руководящие и информационные материалы.

Чиновники всех структурных частей Департамента собирали материалы, а секретариат составлял для директора Департамента отчеты, которые два раза в неделю он делал министру внутренних дел и товарищу министра, заведующему полицией. Министр внутренних дел еженедельно докладывал о всех «присшествиях в империи» царю. Николай II проявлял к деятельности Департамента полиции особый интерес: он не только внимательно выслушивал доклады министра, но нередко и сам читал наиболее заинтересовавшие его отчеты и оставлял нередко сверху надписи, выражавшие личное отношение верховного правителя России к тому или иному событию. На докладе министра внутренних дел Сипягина от 2 февраля 1902 г. об энергичной агитации среди рабочих Киевского комитета РСДРП по подготовке уличной демонстрации царь написал: «Следует действовать решительно и однообразно по всем городам и в особенности предупреждать уличные демонстрации». Результатом было направление из Департамента полиции специального циркуляра, предписывавшего местным властям: демонстрации «ни в коем случае не допускать и прекращать при самом возникновении, не стесняясь мерами и силой»².

Департамент полиции столь высоко ценил указания и пометки верховного охранника России, что для сохранности они покрывались лаком.

Несмотря на обширнейшие задачи, штаты чиновников Департамента были весьма ограничены. Назначались они из особо проверенных и преданных царизму чинов прокуратуры и жандармерии.

Агентура самого Департамента полиции была также немногочисленной. Только наиболее выдающиеся «секретные агенты», обер-мастера провокации (Г. Гапон, Е. Азеф, М. Гурович, Р. Малиновский и немногие другие) числились при Департаменте, но в здании дома № 16 на Фонтанке они, разумеется, никогда не появлялись. Свидания чиновников Департамента (чаще

¹ «Красная летопись», 1922, № 2—3, стр. 308.

² «Каторга и ссылка», 1926, кн. 2, стр. 139.

всего вице-директоров) с ними проходили на конспиративных квартирах или в отдельных кабинетах ресторанов.

Большинство других сведений Департамент полиции получал от охранных отделений, жандармских управлений, заведующих заграничным сыском и от так называемых черных кабинетов.

Основные местные органы политического сыска — охранные отделения, или, как они официально назывались, отделения общественной безопасности и порядка, возникли еще в XIX в.: в 1866 г. в Петербурге, в 1880 г. в Москве и Варшаве. Широкое появление охранок было вызвано усилением массового революционного движения в начале XX в. Заменивший убитого Сипягина министр внутренних дел В. Плеве провел в августе 1902 г. реформу политического сыска, покрыв страну сетью охранных отделений. К 1914 г. в России существовали охранки в 26 городах. Каждая охранка формально считалась отделением местной канцелярии обер-полицеймейстера, полицеймейстера или градоначальника, но это делалось для того, чтобы замаскировать деятельность местного органа политического сыска. Фактически у охранок только один хозяин — Департамент полиции.

Главной задачей охранных отделений являлся политический сыск, т. е. обнаружение и надзор за революционными организациями (партиями, группами), а также за отдельными революционерами с передачей всех полученных сведений в жандармские управления для обысков, арестов и дознаний. В канцеляриях полицейских учреждений охранники выдавали справки о политической благонадежности.

Свои задачи охранки осуществляли с помощью обширной агентуры как «наружного наблюдения», так называемых филеров, так и секретных агентов «в обследуемой среде» (пассивных — осведомителей и активных — участников деятельности революционных организаций — провокаторов).

Агентура «наружного наблюдения» появилась уже при возникновении охранных отделений. Специальная «Инструкция по наружному наблюдению» 1902 г. была переработана и дополнена и разрослась в обширнейшую (75 параграфов) инструкцию, утвержденную самим председателем Совета министров и министром внутренних дел П. Столыпиным в 1907 г. Эта инструкция подробно поясняла, каких людей нужно привлекать в филеры, что они должны знать и делать.

За небольшую плату, колеблющуюся от 30 до 70 руб. в месяц (считая и денги, выдаваемые на разъезды), филер должен был неотступно следить за порученным его наблюдению революционером и ежедневно сообщать все сведения о нем в охранный отделение.

При найме на службу в филеры инструкция решительное предпочтение отдавала отставным унтер-офицерам и ушедшим в запас солдатам.

Политическое просвещение нанятого в охранку филера заключалось в разъяснении, «что такое государственный преступник», «что такое революционер», о «несостоятельности учения революционных партий».

Приведенному к присяге «на верность службе» филеру в охранном отделении давали своеобразный испытательный срок: он должен был детально изучить город, его улицы и проходные дворы, трактиры, пивные, сады, время отхода и прихода поездов, маршруты трамваев, стоянки извозчиков, а также местонахождение фабрик, заводов, учебных заведений и другие необходимые сведения.

И только после краткого экзамена и показа элементарных приемов наблюдения филера выпускали на службу, вначале в качестве помощника к более опытному и старому филеру.

В охранном отделении филер получал объект для наблюдения — поднадзорное лицо, которому он часто сам давал кличку. И начинались неотступные наблюдения за поднадзорным — в январскую пронизывающую насквозь стужу и июльскую изнуряющую жару, в солнечный день и темную ночь; отлучаясь с поста, он передавал шпионскую вахту своему коллеге. За некоторыми, наиболее ответственными поднадзорными устанавливалось круглосуточное наблюдение филеров в 2—3 смены.

Все результаты этой слежки филер заносил в книжечку, которая называлась «дневником наружного наблюдения». Здесь описывалось все: где бывает поднадзорный, что делает, с кем встречается, приметы всех лиц, с которыми он встречается. А для охранного отделения филер готовил отчет за день — «филерский листок».

С декабря 1905 по январь 1906 г. вернувшийся конспиративно из-за границы В. И. Ленин вначале попробовал прописаться под своей фамилией в Петербурге по Греческому проезду в доме 15/8, и сведения об этом попали в охранку. Заведующий «наружным наблюдением» запросил полицейского околоточного надзирателя, тот мгновенно дал справку: «проживает в квартире 9» вместе с женой Н. К. Крупской, «прибыл 3 декабря 1905 г. из города Пензы». Около дома 15/8 замаячила фигура филера. В «листке» от 31 декабря 1905 г. филер и его помощник писали: «Дом 15/8 по Греческому пр. Выхода и прихода Ульянова не видели. В 10 ч. 40 мин. утра в означенный дом и в подъезд, где проживал Ульянов, пришла барышня, имела при себе чемодан, шла очень осторожно, а в 11 ч. 10 мин. вышла без чемодана тоже осторожно. В 10 ч. 45 мин. утра вышел хозяин тоже осторожно и возвратился домой в 5 ч. вечера. Приметы барышни: рост выше среднего, лет 25, шатенка, одета плюшевая пиджаком кофта, черная юбка и гагачья круглая шапочка»¹.

¹ «Красная летопись», 1925, № 1, стр. 125.

Перед обыском. 1905 г. С картины Я. Я. Калининко.

Заметив филерскую слежку, В. И. Ленин перешел на нелегальное положение, проживая у знакомых на случайных квартирах. В. И. Ленин был опытным конспиратором, и филеры вскоре потеряли его след.

Удавалось нередко ускользать от филерского наблюдения и Я. М. Свердлову. Находясь под гласным надзором в Нижнем Новгороде, он осенью 1904 г. внезапно исчез. Департаменту полиции удалось перехватить его письмо от 22 декабря 1904 г. к одному из партийных товарищей, которому Свердлов писал: «Шпикив здесь теперь довольно много (после крупных волнений 1903 г. их ввели здесь в большом количестве), но умом они не отличаются, как я уже заметил». Департамент полиции забил тревогу и предписал начальнику Костромского жандармского управления¹ выяснить личность и деятельность «некоего политически неблагонадежного лица, имя или фамилия которого начинается буквой «Я» и которое прибыло недавно в Кострому, по-видимому, из Нижнего Новгорода с конспиративным поручением от Северного комитета Российской социал-демократической партии», а также выяснить «сношения упоминаемого выше революционного деятеля и о последующем уведомить». Филеры

¹ Ввиду отсутствия в Костроме охранки политическим сыском здесь занималось жандармское управление.

в этих поисках сбились с ног, но Я. М. Свердлов исчез, и жандармское управление горестно сообщило, что личность указанного лица «выяснить не представилось возможным»¹. За нерасторопность своей агентуры Костромское жандармское управление получило от Департамента полиции нахлобучку.

Вскоре упустили Я. М. Свердлова и казанские филеры, и только филерам Нижегородского и Пермского охранных отделений удалось напасть на след Малыша, как именовали молодого Я. М. Свердлова в нижегородской охранке². Я. М. Свердлов был арестован и в сентябре 1907 г. приговорен Казанской судебной палатой за принадлежность к Пермскому комитету РСДРП к 2 годам заключения в крепости.

Руководящие указания Департамента полиции, взаимосвязи и контакты охранок и жандармских управлений облегчали решение задач политического сыска.

Служебный день филера был весьма длительным и завершался отчетом в охранном отделении. В Москве в начале XX в. это происходило примерно так.

Когда над городом опускалась ночь, затихали улицы «первопрестольной» и гасли огни в домах по Тверской и Никитской улицам, от Страстной площади³ и Никитских ворот к Гнездиновскому переулку, где помещалось Московское охранное отделение, пробирались одинокие фигуры филеров.

На Спасской башне часы били полночь. В низенькой комнате на первом этаже охранки набилось несколько десятков филеров: молодых, средних лет, старых. За грубым дубовым столом в центре комнаты восседал здоровый бородатый сотрудник — сам Евстрат Медников, начальник «наружного наблюдения» московской охранки. Поочередно филеры докладывали результаты дневного наблюдения, отчитывались об израсходованных суммах.

— А что же Волк? — спрашивает Медников одного из филеров.

— Волк, Евстрат Петрович, — отвечает тот, — очень осторожен. Выход проверяет, заходя куда-либо, так же проверку делает и опять там на поворотах и за углами. Тертый.

— Заклепка, — докладывает другой, — как заяц бегаёт, ничего не видит, никакой конспирации...

Медников внимательно выслушивает филерские отчеты о всех поднадзорных, этих Заклепок, Волков, Умных, Быстрых и Галок, делает заключения, одобрительно кивает головой или высказывает недовольство, а некоторых наиболее нерадивых награждает зуботычиной или штрафует.

И так каждый день, и так в каждой охранке.

¹ «Красная летопись», 1925, № 1, стр. 174—175.

² С 1910 г. Я. М. Свердлов именуется другой охранной кличкой — Махровый («Красная летопись», 1925, № 1, стр. 178).

³ Сейчас: ул. Горького, ул. Герцена и Пушкинская пл.

Одновременно с инструкцией «по наружному наблюдению» в 1907 г. Столыпин утвердил и другую инструкцию — «по организации и ведению внутренней агентуры», состоявшей из пяти глав (о составе агентуры, способах ее вербовок, о руководстве деятельностью агентов, о конспиративных квартирах и заботе о личности секретного сотрудника).

«Главным и единственным основанием политического розыска,— гласила эта инструкция,— является внутренняя совершенно секретная и постоянная агентура, и задача ее заключается в обследовании преступных революционных сообществ и уличения для привлечения судебным порядком членов их. Все остальные средства и силы розыска органа являются лишь вспомогательными...» К числу этих вспомогательных средств инструкция относила и агентуру «наружного наблюдения», или филеров, которые, «ведя наружное наблюдение, развивают сведения внутренней агентуры и проверяют их»¹.

Руководители Департамента полиции все время напоминали местным органам политического сыска о необходимости приобретения секретной агентуры. «Приобретайте агентов (дельных),— поучал директор Департамента полиции Рачковский своих херсонских сотрудников летом 1905 г.,— чем вопить о присылке филеров, которые, хоть тысячу дай, ничего не сделают без агентуры»².

При вербовке секретных агентов сотрудникам политического сыска рекомендовалось выявлять и использовать слабости арестованных и подследственных лиц: трусость, карьеризм, корыстолюбие, честолюбие, прибегать к угрозам, давать выгодные обещания.

Основные кадры секретной агентуры находились при охранных отделениях и были тщательно законспирированы. Каждый секретный агент имел одну или несколько охранных кличек. Ни один из них никогда не заходил в охранный отдел, а встречался с его сотрудниками чаще всего на конспиративных квартирах, содержавшихся надежными лицами. В зависимости от назначения агента такие свидания происходили редко (раз в месяц) или почти ежедневно. Свои сведения секретный агент сообщал письменно или устно, а посланный на эту встречу сотрудник охранки (жандармский офицер) обобщал эти сведения в специальной агентурной записке (где указывал свою фамилию, кличку агента, дату приема сведений, давал изложение донесения).

Агентурные записки представлялись начальнику охранного отделения, копии направляли градоначальнику и в Департамент полиции, затем оригинал подшивали в дело соответствующей

¹ «Голос минувшего», 1917, № 9—10, стр. 252.

² ЦГАОР, ф. 102, оп. 253, д. 2550, ч. 9, л. 145.

партийной организации с пометкой на полях о мерах, предпринятых по этим донесениям (обыски, аресты и пр.).

Одна из копий донесения подшивалась в «дело» секретного агента. Количество этих копий и важность содержащихся в них агентурных сведений служили характеристикой как самого секретного агента, так и всей его деятельности.

Обычно секретные агенты подразделялись на несколько категорий: «штучники» выполняли разовые задания охранки, «осведомители» регулярно информировали охранку о деятельности революционеров или революционных организаций. Чаще всего эти агенты не принадлежали к «обследуемой среде» и вербовались из дворников, обслуживающего персонала гостиниц, ресторанов, трактиров, лакеев, горничных, а иногда и из интеллигентной среды (адвокатов, журналистов). Так, осенью 1910 г. Департамент полиции предписал московской охранке направить секретных агентов в Ясную Поляну, где они должны были посетить могилу Л. Н. Толстого и имение его ближайшего сотрудника В. Г. Черткова и выяснить характер сборищ, происходящих в Ясной Поляне и у В. Г. Черткова. Московская охранка направила только одного агента под кличкой Блондинка, который подробно информировал охранку по всем интересующим ее вопросам, отметив «вредное» влияние на окрестных крестьян В. Г. Черткова¹.

Но более всего ценились органами политического сыска агенты «в обследуемой среде», т. е. внутри политических партий. «Следует всегда иметь в виду,— поучала инструкция 1907 г.,— что один даже слабый секретный сотрудник, находящийся в обследуемой среде («партийный сотрудник»), неизмеримо даст больше материала для обнаружения государственного преступления, чем общество, в котором официально могут вращаться заведывающие розыском... Поэтому секретного сотрудника, находящегося в революционной среде или другом обследуемом обществе, никто и ничто заменить не может». Эта инструкция предусматривала и то, что такой секретный сотрудник, являясь членом партии, не может постоянно уклоняться от партийных поручений. Поэтому ему рекомендовалось принимать активное участие в деятельности партии, но «на каждый отдельный случай испрашивать разрешения лица, руководящего агентурой»².

Секретные агенты, получая большую плату, высоко ценились Департаментом полиции и охранными отделениями. Чтобы сохранить секретного агента от разоблачения, органы политиче-

¹ «Былое», 1917, № 1, стр. 196—207. (Впоследствии удалось установить, что под интригующей кличкой Блондинка в московской охранке состоял в 1910—1917 гг. журналист, сотрудник газет «Киевская мысль» и «Русское слово» Ив. Дриллх.)

² «Падение царского режима», т. III. М.—Л., 1926, стр. 449.

ского сыска вынуждены были иногда воздерживаться от обысков и арестов, допускать даже террористические акты, где активным участником был сам секретный агент. Так провокация становилась надежным и узаконенным методом деятельности политического сыска в России.

На рубеже XIX и XX вв. настоящей школой политического сыска в России стала московская охранка (Московское охранное отделение). Ее начальник в 1896—1902 гг. жандармский полковник С. В. Зубатов — один из немногих деятелей политического сыска, который знал и революционное движение, и технику сыска. Это внешне невзрачный человек в очках поставил политический сыск в России по-новому: ввел регистрирование, фотографирование, расшифровку как методы деятельности охранки.

Филеры из созданного Зубатовым «летучего отряда» сопровождали революционеров по всей России, посылая время от времени в Гнездииковский переулок, д. 5 (помещение охранки) успокаивающие конспиративные телеграммы вроде: «Благоволяте принять товар. Кашинский едет Петрограда Москву почтовым № 7», или: «Товар Кашинский сдал московским приказчикам»¹.

Особое внимание московская охранка в эти годы обращала на широкое развитие секретной агентуры. Недаром в кабинете Зубатова висели два портрета — инициатора насаждения провокаций в среде народовольцев жандармского полковника Судейкина² и провокаторши — народницы Курнатовской.

Среди секретной агентуры московской охранки особенно выделялась деятельность агента Анны Серебряковой. Немало вреда принесла социал-демократическим, а затем и большевистским организациям эта юркая и ловкая дама, которая хотя и не принадлежала ни к какой партии, однако по своей официальной работе в нелегальном Красном Кресте политзаключенных и ссыльных легко устанавливала связи с революционерами. Ее квартира часто использовалась ими как место явок и ночевок. О всех лицах, прошедших через эту квартиру, охранка получала самые подробные сведения от самой Серебряковой. Затем следовали провалы, аресты. Так, по наводке Серебряковой в 1901—1902 гг. был дважды арестован весь состав Московского комитета РСДРП³.

Четверть века никто из знакомых и даже членов семьи А. Серебряковой не знал, что в московской охранке существует большое личное дело ценнейшего секретного агента под кличкой Туз, Субботина, Мамаша, полное агентурных сведений о московских социал-демократических организациях, отдельных

¹ «Голос минувшего», 1917, № 9—10, стр. 258.

² Убит на квартире провокатора С. Дагева 16 декабря 1883 г.

³ См.: И. В. Алексеев. История одного провокатора. М., 1925, стр. 63.

деятелях партии: С. И. Мицкевиче, В. В. Воровском, И. Ф. Дубровинском, А. В. Луначарском, О. Н. Смидовиче, В. П. Ногине и других, арестованных по доносам Серебряковой.

Впоследствии, присоединяясь к ходатайству Серебряковой в 1907 г. перед Департаментом полиции о выдаче ей единовременно 10 тыс. руб., находящийся тогда уже в отставке С. Зубатов дал весьма высокую характеристику Серебряковой, которая, по его мнению, «была вполне сознательной и убежденной защитницей отстаиваемых ею национально-государственных начал». «Для должностных лиц отделения,— добавлял Зубатов,— она являлась не только глубоко преданным агентурным источником, но и компетентным советчиком, а иногда и опытным учителем в охранном деле»¹.

Всей секретной агентурой при Зубатове ведал Леонид Меньшиков. Начав свою карьеру как провокатор еще в 80-х годах в одной из народовольческих организаций, он прошел филерскую службу, а затем возглавил секретную агентуру московской охранки.

В недрах московской охранки в начале XX в. зародилась идея создания легальных рабочих организаций, опекаемых охранкой, которые бы внушали рабочим мысль о бесполезности политической борьбы и обещали помощь в удовлетворении экономических требований. Сам Зубатов убеждал арестованных рабочих отказаться от революционной борьбы. На II съезде РСДРП в докладе о московской организации ее делегат Н. Э. Бауман рассказывал: «Зубатов указывал арестованным, что он сам социал-демократ, не разделявший только революционного метода борьбы. На прощание он просил выпущенных заходить к нему так, попросту, чайку попить, о теории поговорить, и некоторые действительно ходили к нему»².

Министр внутренних дел В. Плеве находил деятельность Зубатова «полезной для государства» и назначил его в 1902 г. на новый высокий пост начальника Особого отдела Департамента полиции.

Хотя зубатовские организации и потерпели крах, а Зубатов был уволен в отставку летом 1903 г. и даже сослан во Владимир, Департамент полиции не оставил мысли о создании опекаемых им рабочих организаций. В Петербурге дело Зубатова продолжал другой агент Департамента полиции, священник Г. Гапон³.

Первая революция вызвала растерянность среди деятелей политического сыска в России. За 29 месяцев революции (ян-

¹ Цит. по кн.: И. В. Алексеев. История одного провокатора, стр. 27—28.

² «Николай Эрнестович Бауман». Сб. статей, воспоминаний и докладов. М., 1937, стр. 83.

³ Узнав о связях Гапона с Департаментом полиции, рабочие повесили его 23 марта 1906 г. на специально снятой даче в Озерках под Петербургом (см.: П. Рутенберг. Дело Гапона. «Былое», 1917, № 2).

варь 1905 г.— 3 июня 1907 г.) сменилось пять директоров Департамента полиции, ослабла деятельность многих охранок.

У некоторых деятелей политического сыска первая революция вызвала тревогу не только за будущность царского правительства и всего помещичье-буржуазного государства, но и за свое личное благополучие. Среди таких оказался и Леонид Меньшиков.

Будучи помощником делопроизводителя Особого отдела Департамента полиции, он составил анонимное письмо в Центральный Комитет партии эсеров, в котором раскрывал двух секретных агентов Департамента — Татарова и Азефа.

Вскоре в руководстве Департамента полиции произошли перемены: в июне 1906 г. пост директора занял ловкий и беспринципный М. Трусевич, который каким-то особым жандармским чутьем заподозрил двойную деятельность Меньшикова и уволил его. Отчаявшись устроиться на службу в органы политического сыска, Меньшиков эмигрировал за границу, где с помощью того же Бурцева с осени 1909 г. стал публиковать свои разоблачительные материалы. Им был раскрыт весь «цвет» секретной агентуры Департамента полиции и охранок России: Анна Серебрякова, Зинаида Жученко (Гернгросс), Гартинг (Ландезен), Михаил Гурович и другие. После «дела Азефа» это был серьезный удар по Департаменту полиции. Трусевичу пришлось подать в отставку. В Департамент полиции посыпались прошения разоблаченных агентов о назначении им пенсии. По личному ходатайству самого Столыпина Николай II назначил в 1911 г. высокую пожизненную пенсию и «даме Туз» — Анне Серебряковой.

Со времени первой революции Департамент полиции все больше и больше внимания уделял деятельности большевиков, считая их главными и наиболее грозными врагами существующего строя. В связи с этим делалось все возможное для проникновения в ряды большевиков секретных агентов политического сыска.

Московская охранка, а затем и Департамент полиции помогли своему агенту Роману Малиновскому (кличка Портной) пробраться в партийную среду большевиков, стать секретарем петербургского профсоюза металлистов, членом Государственной думы от социал-демократической, а затем и большевистской фракции¹. Малиновский лично доносил при встречах в отдельных кабинетах ресторанов директору Департамента полиции Белецкому и его помощнику Виссарионову о всех делах фракции партийного руководства, зарубежных центров партии. Однажды он выкрал партийный архив большевистской фракции Государственной думы, и сотрудники Департамента полиции за одну

¹ См.: Б. К. Эренфельд. Дело Малиновского. «Вопросы истории», 1965, № 7, стр. 106—116.

ночь перепечатали все, что их интересовало. По доносам Малиновского проводились обыски и аресты (в 1913 г. по его доносу был арестован в Петербурге Я. М. Свердлов).

Зимой 1914 г. Белецкий и Виссарионов ушли из Департамента полиции, а новый товарищ министра внутренних дел, заведовавший полицией, В. Джунковский счел опасным дальнейшее пребывание в качестве члена Думы секретного агента полиции и, опасаясь разоблачений, посоветовал Малиновскому уехать за границу. 8 мая 1914 г. Малиновский внезапно, без всяких объяснений, вышел из большевистской фракции и уехал за границу. О причинах этого ухода Джунковский информировал по телефону только председателя Государственной думы Родзянко, а тот, разумеется, хранил молчание и стал, по словам В. И. Ленина, «укрывателем провокатора Малиновского»¹.

Подрывная деятельность Малиновского была разоблачена только в 1917 г., а после Великой Октябрьской социалистической революции этот провокатор понес заслуженную кару².

Малиновский не вызвал в большевистской партии такого сокрушительного опустошения, как Азеф в партии эсеров. Хорошо поставленное сочетание легальной и нелегальной работы помогло в значительной степени нейтрализовать вред, приносимый им партии. «Чтобы снискать доверие у нас,— писал впоследствии В. И. Ленин,— Малиновский, как член Цека партии и депутат Думы, должен был помогать нам ставить легальные ежедневные газеты, которые умели и при царизме вести борьбу против оппортунизма меньшевиков, проповедовать основы большевизма в надлежащем образом прикрытой форме. Одной рукой отправляя на каторгу и на смерть десятки и десятки лучших деятелей большевизма, Малиновский должен был другой рукой помогать воспитанию десятков и десятков тысяч новых большевиков через легальную прессу»³.

Одним из вспомогательных средств сбора информации для Департамента полиции и охранных отделений была перлюстрация, т. е. секретное ознакомление с письмами без ведома корреспондентов и адресатов, проводимая на почтамтах некоторых крупных городов России.

С 80-х годов XIX в. и вплоть до падения самодержавия в России при смене каждого министра внутренних дел в здании министерства появлялся старичок в потертом мундире. Он записывался на прием к новому министру и, оказавшись в его кабинете, с загадочным видом молча протягивал министру конверт. Распечатав его, министр обнаруживал указ Александра II, дававший право старшему цензору М. Г. Мардарьеву руководить

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 32, стр. 402.

² Дело Малиновского слушалось Верховным трибуналом ВЦИК в Москве 5 ноября 1918 г. Провокатор Р. Малиновский был приговорен к расстрелу (см.: Н. В. Крыленко. Судебные речи.—Избр. М., 1964, стр. 22—38).

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 28—29.

делом перлюстрации писем на петербургском почтамте. Нередко впервые даже министр внутренних дел только из этого указа узнавал о существовании в России «секретных отделений цензуры», или черных кабинетов. Почтительно попросив вновь запечатать конверт, Мардарьев удалялся. Больше его никто не видел в министерстве до следующей смены министра.

О существовании черных кабинетов при почтамтах крупных городов России¹ знали буквально считанные лица даже в органах политического сыска, и их деятельность была окутана глубочайшей тайной. Они не значились ни в каких законах Российской империи. Вход в черный кабинет на петербургском почтамте был замаскирован, и обслуживающие его чиновники проходили в свое учреждение... через шкаф.

Ограниченный штат чиновников (в Петербурге — 12, в Москве — 7, в других городах — от 2 до 5) успевал ежедневно ознакомиться с огромным числом писем (в Петербурге — с 2—3 тыс.) как важных политических и общественных деятелей, так и виднейших чиновников² и вообще подозрительных корреспондентов или адресатов; особенно тщательно проверялись письма, поступающие из-за границы или направленные из России за рубеж. Письма прочитывались, из них делались выписки, а некоторые наиболее интересные письма фотографировались. С течением времени в черных кабинетах вырабатывались и совершенствовались методы быстрого и аккуратного извлечения письма из конверта.

Выписки из перлюстрированных писем поступали в Департамент полиции и охранные отделения. Ежегодно Департамент полиции составлял сводный отчет о перлюстрации за год.

От здания на Фонтанке в Петербурге тянулись незримые нити по всей России, опутывали ее сложной системой сыска, надзора, шпионажа. Департамент полиции протягивал свои шупальца далеко за пределы России. За границей в ряде стран Европы, Азии и даже Америки существовала специальная агентура российского политического сыска, надзиравшая за революционерами-эмигрантами. За 1905—1917 гг. заграничная охранка надзирала за 4—5 тыс. политических эмигрантов из России, проживающих в Западной Европе.

Заграничная охранка в Париже помещалась в нижнем этаже русского консульства, занимая там две небольшие комнаты. В одной из них находилась картотека в 15—20 тыс. карточек на лиц, замешанных в революционном движении России, альбомы с фотографиями революционеров и дела революционеров; дру-

¹ К 1914 г — в Петербурге, Москве, Варшаве, Киеве, Одессе, Харькове и Тифлисе (см. Р. Кантор. К истории черных кабинетов. «Каторга и ссылка», 1927, № 8).

² Вступив на пост, министр внутренних дел в 1902 г. Плеве обнаружил в столе своего предшественника Сипягина выписки из собственных его, Плеве, писем и писем жены, добытые путем перлюстрации.

Разгром главного архива Департамента полиции. Февраль 1917 г.

гая комната была кабинетом начальника заграничной охраны, именуемого официально для его дипломатической легализации «командированным Министерством внутренних дел для сношения с местными властями и российскими посольствами и консульствами чиновником особых поручений V класса при министре внутренних дел»¹.

С помощью сотни секретных агентов заграничная охранка собирала обширнейший материал, регулярно информировала Департамент полиции о жизни и деятельности русской революционной эмиграции.

Дело революционера или целой революционной организации, находящееся в Департаменте полиции или охранном отделении, комплектовалось разными документами, материалами «наружного наблюдения» и секретной агентуры, перлюстраций и заграничной охраны до тех пор, пока у руководителей политического сыска не созревало решение: «Пора!» Тогда начальник охранного отделения передавал материалы в губернское жандармское управление. И предводительствующая жандармским офицером группа жандармов и полицейских направлялась на аресты.

После ареста жандармское управление начинало дознание, а потом дело арестованных революционеров иногда передавалось в прокуратуру и затем поступало в суд.

¹ В. К. Агафонов. Заграничная охранка. Пг., 1918, стр. 4.

С конца XIX в. жандармерия часто ограничивалась дознанием, и сразу же выносилось решение о ссылке арестованных в отдаленные губернии (чаще всего в Сибирь).

Так, например, окончился крупнейший политический процесс 90-х годов — дело петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», руководимого В. И. Лениным. «Высочайшим повелением» 29 января 1897 г. многих участников его (в том числе и В. И. Ленина) выслали в Восточную Сибирь под гласный надзор полиции на 3 года.

Гнев народных масс в первые дни Февральской революции 1917 г. обрушился на наиболее ненавистные учреждения царизма: Департамент полиции, охранки, жандармские управления, полицейские участки, тюрьмы и суды. Начались стихийные разгромы этих учреждений, уничтожение их материалов. Огромные костры из «личных дел» в синих папках горели перед зданиями Департамента полиции и петроградской охранки. Большая часть дел Петроградского жандармского управления и охранки была уничтожена, но Департамент полиции пострадал менее. Сохранились почти полностью материалы его Особого отдела.

В этих толпах революционно настроенных людей, уничтожавших охранки, шныряли, безусловно, и «бывшие агенты»: сотрудники органов политического сыска и их секретные агенты. Немало личных дел секретных сотрудников исчезло в эти дни, — провокаторы заметали в страхе перед восставшим народом следы своего гнусного прошлого¹.

Сохранившиеся материалы помогают и сейчас, через многие годы, воссоздать картину организации и деятельности большой машины царского политического сыска, державшего под жандармским надзором все революционное, передовое и прогрессивное в России.

Политический надзор и сыск — лишь одно из звеньев карательного аппарата самодержавия. Его уродливое одностороннее развитие является также элементом гнилости самодержавия, неспособного уже проводить управление страной обычными методами и вынужденного прибегать к разным формам «исключительного положения»: расширению сети охранок и органов жандармерии, насаждению провокации, осуществлению судебных фальсификаций политических процессов и прочим мерам.

Анализ деятельности этого карательного аппарата показывает, что основное его острие было направлено против большевистской партии и революционных выступлений рабочего класса и крестьянства. Об этом свидетельствуют документальные материалы Департамента полиции, охранок, жандармских управлений, Главного тюремного управления и других карательных органов, ставшие доступными для изучения после свержения самодержавия и особенно после Великой Октябрьской революции.

¹ События Февральской революции 1917 г. подробнее освещены в гл. V.

В РОССИЙСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ

На Дворцовой площади, точно на параде, застыли гренадеры, эскадроны кавалерии, лейб-казаки и атаманцы в ярких парадных мундирах. Полиция теснила толпы народа, пытавшиеся поближе пробраться к Зимнему дворцу. Через оцепление какие-то люди проходили во дворец с министерского подъезда. К Крещенскому подъезду со стороны Невы прибывали нарядные экипажи, откуда высаживались важные, затянутые в мундиры сановники; со стороны площади в «подъезд ее величества» входили придворные. Непривычно гулко раздавались людские голоса в коридорах и залах пустовавшего в последние годы Зимнего дворца.

В этот день, 27 апреля 1906 г., Николай II устраивал прием для членов Государственной думы.

Среди толпы сановников разглагольствовал представительный старик с пышными бакенбардами — недавно назначенный царем новый председатель Совета министров Иван Логинович Горемыкин. «Это в высшей степени удачная мысль,— говорил он,— открыть Думу первого призыва именно во дворце, во всем блеске придворной помпы... Поверьте, на членов Думы, особенно крестьян, все это произведет громадное впечатление...»¹.

¹ Цит. по кн.: Л. Д. Любимов. На чужбине. М., 1963, стр. 47.

Сановники одобрительно кивали: им тоже хотелось верить, что эти собранные со всей России «народные избранники», члены Государственной думы, именно здесь, в Зимнем дворце, убедятся в величии и незыблемости самодержавия, помогут «царю-батюшке» справиться с революцией и революционная буря, бушевавшая за окнами царской резиденции, сменится тишиной, порядком и благочинием по всем градам и весям¹ огромной империи. Но вот все кругом замолкли. Сановники подтянулись, почтительно обернувшись к дверям. Из внутренних царских комнат, от Малахитовой гостиной, через Концертный Николаевский, Аванзал, Большой фельдмаршалский, Петровский и Гербовый залы, через всю анфиладу комнат двигалось торжественное, пышное шествие. Впереди шли скороходы в старинных головных уборах, за ними важно выступали два грузных церемониймейстера с тростями, шли гофмаршалы с золочеными жезлами, затем шествовал сам Николай II с царицей-женой и царицей-матерью, попарно и по старшинству двигалась императорская семья и придворные чины. Статс-секретари и генерал-адъютанты несли царские регалии.

Огромные дворцовые гренадеры в больших медвежьих шапках, с ружьями на плечах шли по сторонам.

Весь этот величественный спектакль предназначался для собравшихся в Георгиевском зале членов Государственной думы.

Но вот царь и обе царицы заняли места на тронах под балдахином.

Справа плотной стеной стояли сановники-министры и члены Государственного совета, а также придворные: седые и лысые, грузные и величественно важные, они сияли золотом и серебром, пестрели орденскими звездами и крестами. С большим недоумением и неприязненным любопытством взирали они на левую сторону, где менее стройно, толпой стояли члены Государственной думы. Никогда еще за полтора столетия своей истории стены Зимнего дворца не видели таких посетителей: скромных интеллигентов в пиджаках, крестьян в поддевах и смазанных дегтем сапогах, инородцев² в необыкновенных одеждах — черкесках, халатах...

Запинаясь, Николай II произнес речь, завершив ее напутствием: «Приступайте с благоговением к работе, на которую я вас призвал, и оправдайте достойно доверие царя и народа. Бог в помощь мне и вам»³. Он замолк, и в огромном зале воцарилось неловкое молчание. Наконец с чиновничьей, правой стороны раздались нестройные крики «ура!». Но левая половина зала хранила гробовое молчание. Ни пышный придворный спектакль,

¹ *Веси* — села.

² *Инородцами* в царской России чиновники презрительно именовали русские народы.

³ «Полное собрание речей императора Николая II, 1894—1906». СПб., 1906, стр. 74—75.

Таврический дворец — место заседаний Государственной думы всех созывов.

ни тем более бессодержательная царская речь на депутатов Думы не произвели впечатления.

Из Зимнего дворца думские депутаты пешком небольшими группами и на пароходе по Неве направились к Таврическому дворцу, отведенному правительством для заседаний Государственной думы.

Построенный в 80-х годах XVIII в. Екатериной II для фаворита князя Г. А. Потемкина-Таврического под руководством крупного русского архитектора И. Е. Старова, Таврический дворец после смерти владельца перешел в собственность романовской семьи и чаще всего пустовал. Незадолго до созыва Думы Николай II распорядился приспособить дворец для заседаний «нижней палаты» «российского парламента». Сделано это было не без тайного умысла: дворец отдален от центра, окружен казармами и военными училищами, и любые антицарские выступления в Думе можно было быстро пресечь.

Обширный зал заседаний, с расположенными амфитеатром креслами, постепенно заполнялся: слева рассаживались депутаты от крестьян, объединившиеся в трудовую группу. Центр заняли представители самой крупной буржуазной партии — конституционно-демократической (кадетской), или «партии народной свободы», как они себя гордо именовали; здесь же находились представители национальных окраин: поляки, литовцы,

кавказцы, татары. Справа разместились немногочисленные черносотенцы и монархисты. Повсюду, без разбору в зале расселись беспартийные. Наконец, заняли свои места stenographers, заполнились ложи журналистов; в министерской ложе появились царские министры.

В пять минут шестого на трибуну взошел старый царский чиновник статс-секретарь Э. Фриш: царь поручил ему открыть заседание Государственной думы.

Созыв Государственной думы — это вынужденная уступка со стороны царского правительства. На одном из заседаний Совета министров вначале революции, 3 февраля 1905 г., было поручено министру внутренних дел А. Г. Булыгину разработать проект закона о новом законосовещательном учреждении с представителями, избираемым населением. В особом распоряжении (рескрипте), подписанном царем 18 февраля, давались туманные обещания «привлекать достойнейших, доверием народа обремененных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждению законодательных предположений» при условии «непременного сохранения незабываемости основных законов империи»¹, т. е. прежде всего самодержавия. Николай II не скрывал, что обнародование этого рескрипта имело целью успокоение страны. Одновременно появился и манифест «О призыве властей и населения к содействию самодержавной власти в одолении врага внешнего и искоренению крамолы и противодействию смуте внутренней»².

К концу мая подготовленный Булыгиным проект закона был передан в Совет министров, который дал будущему новому органу название Государственная дума. Для окончательного обсуждения проекта закона о Государственной думе в Петергофе с 19 по 26 июля 1905 г. было созвано совещание высших чиновников России, проходившее под председательством Николая II. Открывая это чиновное заседание, царь высказал опасение, что Государственная дума ограничит самодержавие. Его поддержал верный Трепов, заявивший, что существование Думы «опасно для самодержавия»³. Присутствовавшие на заседаниях представители реакционно настроенных помещиков считали, что в будущей Думе подавляющее большинство мест должно быть предоставлено помещикам-дворянам и... крестьянам. Представители крупных помещиков (Стишинский, Бобринский, Нарышкин, Игнатьев) считали, что в Думе крестьянские депутаты будут слушаться помещиков. Более того, признавалось желательным иметь в Думе наименее сознательных, отсталых крестьянских представителей. И когда зашел вопрос о грамотности членов Думы, то тот же Стишинский предложил пункт об обя-

¹ «Правительственный вестник», 19 февраля 1905 г.

² ЗПСЗ, т. XXV, № 25852.

³ «Петергофские совещания о проекте Государственной думы». Пг., 1917, стр. 21.

зательном цензе грамотности члена Думы исключить: «Неграмотный мужик...— заявил он,— обладает более цельным миро-созерцанием, нежели грамотный»¹. На естественный вопрос одного из сторонников ценза грамотности, как же неграмотный крестьянин в Думе будет разбираться в сложных вопросах законодательства, особенно в бюджетных делах, Нарышкин и Стишинский цинично заявили, что им должны будут «помочь» депутаты от помещиков. Идея выбора в Государственную думу только неграмотных крестьян очень понравилась царю; лукаво улыбаясь, он высказал мнение, что «такие крестьяне с цельным мировоззрением внесут в дело больше здравого смысла и житейской опытности»². Пункт «г» ст. 54 избирательного закона в Государственную думу о цензе грамотности для ее членов был исключен.

6 августа 1905 г. царь утвердил законы о высшем законосоставительном органе Государственной думы — «Положение о выборах» и «Учреждение». Избирательных прав в Думу были лишены женщины, учащиеся, военнослужащие, городская беднота, многие нерусские народы и весь рабочий класс России. Все избиратели в Государственную думу были разделены на три группы — курии: землевладельческую (т. е. помещичью), городскую и крестьянскую. Для избирателей первых двух курий установили весьма значительный земельный ценз (от 100 до 650 дес., в зависимости от местности) и имущественный (в городах — наличие собственности стоимостью не менее 15 тыс. руб.); для крестьян вводились сложные, четырехстепенные выборы, представляющие возможность отсеять наименее благонадежных из них. Выборщики от каждой курии на губернском избирательном собрании выбирали определенное число членов Государственной думы.

Государственная дума избиралась на пять лет, но царь имел право распустить ее досрочно. Царскими же указами определялась продолжительность ежегодных сессий.

Закон 6 августа определил и устройство Думы: все проекты законов, разработанных чаще всего в министерствах, а также ежегодная роспись доходов и расходов государства (бюджет) обсуждались на общем собрании Государственной думы; для предварительного рассмотрения проектов законов, а также иногда для их разработки Дума могла создавать специальные комиссии.

Для руководства деятельностью Думы общее собрание депутатов ежегодно избирало из своей среды председателя и двух его товарищей (заместителей) и на пять лет секретаря (начальника канцелярии) и его товарища.

На заседаниях Думы могли присутствовать и выступать царские министры. Одна из статей закона о Государственной думе

¹ «Петергофские совещания о проекте Государственной думы», стр. 156.

² Там же, стр. 163.

давала право группе ее членов (не менее 30 человек) обращаться с запросом к председателю Совета министров, отдельным министрам и высшим царским чиновникам.

Осенние события 1905 г.— сентябрьские стачки в Москве, Всероссийская политическая забастовка в октябре — сорвали выборы в булыгинскую Государственную думу.

Манифестом 17 октября Николай II был вынужден пообещать созыв уже не совещательной, а законодательной Думы, т. е. такого органа, который бы соучаствовал с царем в законодательстве. Между тем события в Москве привели в начале декабря к постановке вопроса об активных формах борьбы с самодержавием. 5 декабря московская городская конференция большевиков высказалась за объявление всеобщей забастовки, чтобы в ходе борьбы перевести ее в вооруженное восстание.

В тот же день в одном из залов Александровского дворца в Царском Селе началось совещание, созванное Николаем II для окончательного решения вопроса о Государственной думе. Обсуждался проект Совета министров о выделении рабочих в особую группу избирателей с отдельным представительством в Думе (14 депутатов). Проект этот не встретил поддержки большинства собравшихся: возражали не только царские чиновники, но и представители буржуазии. Московский капиталист и общественный деятель А. Гучков даже обвинил правительство в том, что в лице рабочих — членов Государственной думы оно хочет создать «легализованный стачечный комитет», который будет «держат в своих руках нити рабочего движения»¹.

Только известие о начавшемся в Москве вооруженном восстании заставило царя утвердить 11 декабря 1905 г. закон, по которому избирательные права в Государственную думу предоставлялись и рабочим. К выборам допускались лишь мужчины, занятые на предприятиях, имевших не менее 50 рабочих. Для них устанавливались сложные, трехстепенные выборы: рабочие на предприятиях, насчитывающих от 50 до 1000 человек, избирали по одному уполномоченному, по одному уполномоченному избиралось и на каждую следующую полную тысячу рабочих. Рабочие-уполномоченные всей губернии избирали выборщиков, а те вместе с выборщиками других курий в общем губернском избирательном собрании выбирали уже членов Думы от рабочих.

Избирательный закон был построен так, что один выборщик приходился на 2000 избирателей-помещиков, 4000 городских избирателей (буржуазии), 30 000 крестьян и 90 000 рабочих.

Выборы в Государственную думу состоялись в марте — апреле 1906 г. Несмотря на принятый правительством закон 8 марта 1906 года, каравший за бойкот выборов в Думу тюремным за-

¹ Цит. по кн.: Д. Н. Ш и п о в Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918, стр. 385.

ключением на 4—8 месяцев, большевики призывали массы активно бойкотировать выборы.

Революция отразилась на результатах выборов в Первую Государственную думу. Открытые сторонники самодержавия — черносотенцы и правые партии — потерпели почти полный провал. Из 478 членов Думы их было всего 44. Левые партии понесли большой урон от репрессий конца 1905 — начала 1906 г., большевики, кроме того, вообще бойкотировали выборы. Поэтому наибольший успех получила буржуазная партия кадетов (конституционно-демократическая — сторонница конституции и буржуазных «свобод»): ее фракция в Думе насчитывала 179 членов¹. Много было в Думе крестьян, объединившихся в трудовую группу (97 членов).

Итак, Дума начала работу.

На первых заседаниях был избран президиум, который возглавлял председатель — общественный деятель, профессор Московского университета, кадет С. А. Муромцев. В вежливых, корректных фразах он высказал надежду, что деятельность Думы будет протекать «на основах подобающего уважения к прерогативам конституционного монарха», и далее председатель Думы призвал ее членов к мирному сотрудничеству с правительством².

В этом же духе составили кадеты и проект ответа на тронную речь царя. Почтительно и верноподданнически высказывалось пожелание о частичной политической амнистии, расширении избирательных прав и некоторых буржуазных свободах. Причиной всех неполадок в управлении государством объявлялось «самовластие чиновников, отделяющих царя от народа»³. Только крестьянские представители выступали против кадетского проекта ответа на царскую речь. Их больше всего интересовал вопрос о земле. «Я крестьянин, избран от волостного собрания, — заявил курский крестьянин Михаил Кутоманов. — Мне сказали: «Поезжай, требуй и защищай требования земли и воли, свободы и права». Мне сказали, что если Дума в скором времени не займется решением этого вопроса и не решит его так, как мы это требуем, то мы сами разрешим»⁴.

Крестьяне требовали передачи им всех помещичьих, царских и монастырских земель.

В Думе рассматривались и другие вопросы и проекты, имевшие актуальное значение в условиях революции (об отмене смертной казни, гражданском равноправии, помощи голодающим и др.). Но правительство выражало недовольство ходом

¹ Кадетов в Государственной думе всех созывов поддерживали так называемые автономисты (буржуазно-националистические группы окраин).

² «Государственная дума. Стенографический отчет». Созыв 1, т. 1, стр. 5.

³ Там же, стр. 7—8.

⁴ Там же, стр. 72.

прений. Когда председатель Думы Муромцев высказал 5 мая желание лично вместе с думской депутацией вручить царю ответный адрес, то Николай II резко заявил: «Депутацию я не приму, адрес прислать мне»¹. Кадеты вынуждены были проглотить это оскорбление.

Правительство пыталось отвлечь депутатов Думы от основных вопросов обсуждением проектов разных мелких законов (их прозвали иронически «вермишелью»), вроде законов об ассигновании 40 029 руб. 49 коп. на постройку оранжереи и прачечной при Юрьевском университете, о праве открытия женских курсов и др.².

13 мая с декларацией правительства выступил председатель Совета министров Горемыкин. Смысл его речи, прочитанной по синей тетрадке шамкающим, тихим голосом, один журналист выразил в трех словах: «Никому, никогда, ничего...»

Правительственная декларация вызвала резкие выступления двух десятков ораторов. Почти единогласно Дума приняла вотум недоверия «к безответственному перед народным представительством» правительству, требуя ухода его в отставку³. Однако никакого значения этому требованию правительство не придало⁴. Громко именуя Первую думу «Думой народного гнева», кадеты вели себя несмело, просительно в отношении к правительству, рассчитывали путем сговора с царем успокоить страну.

«Мы хотим,— говорил один из кадетов,— поставить мельничное колесо и урегулировать движение воды. Если волны пойдут через плотину, прорвут и разобьют ее, то мы теперь, по крайней мере, можем сказать: «Государь, мы их предупредили!»⁵.

С трибуны Первой думы часто делались самые разнообразные запросы царским чиновникам: о незаконных арестах, ссылках, конфискациях газет, приговорах, расстрелах, погромах, о голоде. На 39 заседаниях Первой думы было сделано 336 запросов.

Особое негодование вызвало сообщение о печатании в здании Департамента полиции прокламаций, призывающих к погромам революционеров, интеллигенции, нерусских народов. «Погром устроить можно какой угодно,— похвалялся их инициатор департаментский чиновник Комиссаров,— хотите на 10 человек, хотите и на 10 тысяч»⁶.

¹ «Былое», 1918, № 12, стр. 142.

² «Государственная дума. Стенографический отчет». Созыв I, т. 1, стр. 355.

³ Там же, стр. 93.

⁴ На заседании Совета министров Горемыкин так оценивал состав Первой думы: «Треть из них просится на виселицу» (А. Цитрон. 72 дня первого русского парламента. СПб., 1906, стр. 55).

⁵ «Государственная дума. Стенографический отчет». Созыв I, т. 1, стр. 143.

⁶ Там же.

Выступивший с ответом на этот запрос министр внутренних дел Столыпин заявил, что ему неизвестно о печатании таких прокламаций в его министерстве, впрочем, он накажет виновных. На вопрос о Белостокском погроме (26 июня) он обещал дать ответ 10 июля.

Иные чувства вызывала у правительства «верхняя палата» — Государственный совет. Этот высший государственный орган был создан еще в 1810 г.; он состоял из назначенных царем высших чиновников и обсуждал проекты законов. С учреждением Думы изменились функции Государственного совета. Его деятельность приспособили к деятельности Государственной думы: любой проект законов после обсуждения и одобрения в Думе поступал в Совет, который мог его принять или отвергнуть. Теперь лишь половина состава Государственного совета назначалась царем, а другая — избиралась на 9 лет дворянами, земствами (в них тоже преобладали дворяне-помещики), представителями буржуазии и буржуазной интеллигенции. Каждые три года треть членов Совета выбывала по жребию. Синод назначал в Государственный совет 6 представителей от православного духовенства. В «обновленный» Государственный совет не попало ни одного рабочего, ни одного крестьянина.

Еще с конца 70-х годов Государственный совет обосновался в хмуром и неприветливом Мариинском дворце, расположенном в глубине Исаакиевской площади¹. Ковры и толстые портьеры не пропускали в него городского шума. Среди мраморных колонн под огромными хрустальными люстрами зала общего собрания, в мягких обитых бархатом креслах восседали упитанные господа в блестящих мундирах; они слушали для порядка монотонные доклады, выступали в прениях с мест, почтительно называя друг друга «ваше высокопревосходительство», почти никогда не спорили, а часто откровенно дремали или отсиживались в буфете.

Первая революция мало что изменила в этом собрании. Мундиры немного потеснились, чтобы пустить в свою среду несколько десятков сюртуков и фраков, обладатели которых были тоже людьми состоятельными и солидными: крупными помещиками, владельцами фабрик и заводов, маститыми профессорами.

Даже из 98 выборных членов Государственного совета 74 являлись помещиками. Все это дало основание В. И. Ленину написать впоследствии: «Государственный совет — вовсе не случайное политическое учреждение, а орган *класса*... Класс этот — крупные помещики»².

В Государственном совете верховодили правые и черносотенцы; они требовали разгона и ликвидации Государственной ду-

¹ Мариинский дворец был построен для дочери Николая I Марии в 1839—1844 гг. и завещан ею своим четырем сыновьям, но перешел в собственность государства ввиду больших (3 млн. руб.) долгов наследников.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 360.

мы, отрицали крестьянские указы о передаче им помещичьих земель, выступали против буржуазных свобод, выдвигали гнусные клеветнические обвинения против революционеров.

Первый из двух принятых Государственной думой законопроектов — об отмене смертной казни — встретил в Государственном совете весьма холодный прием. После прений 27 июня его сдали на «рассмотрение» в специальную комиссию, т. е. фактически похоронили.

В то время как обе «палаты» российского парламента, обитатели Таврического и Маринского дворцов, столь по-разному реагировали на жгучие вопросы революции, в тиши правительственных кабинетов подготавливался роспуск Государственной думы.

Пообещав ответить на думский запрос о Белостокском погроме 10 июля, Столыпин прекрасно знал, что никакого ответа давать не придется. 7 июля Николай II подписал указ о роспуске Думы, датировав его 8 июля.

На пост председателя Совета министров Николай II назначил министра внутренних дел П. А. Столыпина. Касаясь биографии этого государственного деятеля, В. И. Ленин отмечал, что она является биографией господствующего класса — помещиков. «Помещик и предводитель дворянства становится губернатором в 1902 г., при Плеве, — «прославляет» себя в глазах царя и его черносотенной камарильи зверской расправой над крестьянами, истязаниями их (в Саратовской губернии), — организует черносотенные шайки и погромы в 1905 г. (Балашевский погром), — становится министром внутренних дел в 1906 г. и председателем Совета министров со времени разгона первой Государственной думы»¹.

9 июля в утренних воскресных газетах появился указ о роспуске Государственной думы и назначении выборов нового состава Думы, которая должна быть созвана 20 февраля 1907 г. Ликованию царя не было предела. «Свершилось! — с торжеством отмечал он в дневнике за 9 июля. — Дума сегодня закрыта. За завтраком после обедни заметны были у многих вытянувшиеся лица. Днем составлялся и переписывался манифест на завтра. Подписывал его около 6 час. Погода была отличная»².

В манифесте царь выражал свое разочарование Думой: «Ожиданиям нашим ниспослано тяжкое испытание. Выборные от населения, вместо работы строительства законодательного, уклонились в не принадлежащую им область». Имелось в виду вмешательство в дело управления (запросы), критика существующих законов (аграрные проекты, проекты законов об отмене смертной казни, гражданских правах) и пр. Конец манифеста содержал неприкрытые угрозы: «Мы не допустим никакого без-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 325.

² ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 250, л. 51.

закона и всю силу государственной машины приведем слушников к подчинению нашей царской воле»¹.

Члены Государственной думы узнали о ее роспуске лишь из газет 9 июля. Многие из них направились сразу же к Таврическому дворцу, но нашли ворота запертыми, охраняемыми войсками и полицией; около здания бродили личности в штатском — шпики. На фонарном столбе перед воротами белел текст царского указа.

В находившемся поблизости клубе кадетской партии было принято решение: несогласные с роспуском члены Думы должны группами добираться до Выборга, находившегося на территории Финляндии², в трех часах езды по железной дороге.

Небольшой полусонный губернский город Выборг, со старинной крепостью, чистыми пустынными улочками, островерхими кирхами и домами, еще никогда не видел такого притока приезжих, внезапно нахлынувших из столицы.

В единственной гостинице города — «Бельведер», в маленьком зале, тесно заставленном собранными со всего здания стульями, вечером того же дня собралось 220—230 членов Думы и несколько десятков журналистов и просто любопытных лиц.

Муромцев поднялся из-за стола президиума и объявил: «Заседание Государственной думы продолжается». Пока выступали с горячими речами ораторы — кадеты, трудовики, меньшевики, по рядам ходил текст написанного карандашом воззвания «Народу от народных представителей». За полночь утомившиеся члены Думы решили прервать заседание до утра. Маленькая гостиница не смогла вместить всех, и некоторым, менее расторопным, российским парламентариям пришлось спать на узких жестких скамейках бульвара.

Невыспавшиеся, помятые собрались депутаты вновь в гостиничном зале. Доработали и приняли воззвание, призывавшее население «стоять» за Государственную думу и «до созыва народного представительства» (т. е. нового состава Думы) не давать «ни копейки в казну, ни единого солдата в армию» и не признавать займов государства. Воззвание подписали 232 члена Думы. Оно появилось в финских газетах и было передано за границу.

Перепуганный выборгский губернатор предупредил собравшихся, что если они не уберутся из города добром, то он будет вынужден «принять меры».

Утром 11 июля думцы стали разъезжаться. На Финляндском вокзале их встречали жандармы и полицейские. Вскоре начались репрессии против участников выборгского заседания Государственной думы: профессоров, адвокатов (присяжных пове-

¹ «Собрание узаконений и распоряжений, издаваемое при Правительствующем Сенате за 1905—1914 гг. Отделение первое». СПб., 1906, № 1033.

² В состав Российской империи Финляндия входила как «великое княжество», пользующееся автономией.

ренных) и земских деятелей изгоняли со службы, дворян — из «дворянских обществ», священников лишали сана; многие участники выборгского заседания были арестованы.

Выборгское воззвание не привело к каким-либо действиям в стране. Кадетское руководство Думы скомпрометировало себя в глазах народных масс заискиванием перед царским правительством, и воззвание было встречено равнодушно.

В условиях спада революции в начале 1907 г. правительство провело выборы во Вторую думу. «Для правительства,— писал впоследствии В. И. Ленин,— созыв Думы был вынужденной необходимостью. Надо было попытаться еще раз, при наивысших возможных репрессиях, созвать народное представительство ради соглашения с буржуазией. Опыт явно не удался. Военно-полевые суды и все прочие прелести столыпинской конституции чрезвычайно помогли революционной агитации в незатронутых дотоле массах и дали из глубины мужицких масс левую Думу»¹.

Действительно, Вторая дума оказалась даже левее Первой. Из 518 ее членов правые составляли 54 человека. Кадеты потеряли почти половину мест, зато значительно окрепли левые фракции: увеличилась трудовая фракция, появились эсеры, народные социалисты², число членов социал-демократической фракции возросло до 65 (в выборах и деятельности Думы приняли участие большевики).

Открытие заседаний Второй думы 20 февраля 1907 г. прошло буднично, без всяких торжеств. По поручению царя старенький вице-председатель Государственного совета И. Я. Голубев тихим голосом зачитал в начале первого заседания Думы царский указ о ее открытии и сухо поприветствовал собравшихся.

Бессарабский помещик-монархист Крупенский закричал: «Да здравствует государь император!» Но его поддержали лишь несколько правых членов³.

Дума приступила к избранию президиума. Всех кандидатов согласовали еще накануне созыва Думы на совещании руководителей фракций, состоявшемся на квартире члена кадетской партии князя Долгорукова.

Председателем Думы был избран Ф. А. Головин — председатель Московской земской управы. Как и Муромцев, он был видным деятелем кадетской партии, осторожным и умеренным руководителем думских прений. При открытии Думы Ф. А. Головин заявил, что оправдает оказанное ему доверие и будет

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 69.

² В 1906 г. выделились из правого крыла.

³ В письме к матери Николай II негодовал на такую «бестактность» Думы: «Конечно, ты уже знаешь, как открылась Дума и какую колоссальную глупость и неприличие сделала вся левая, не встав, когда кричали «ура» правые... Кажется, завтра или в субботу Столыпин будет читать свою речь, и тогда скоро станет ясно, пожелает ли Дума серьезно заняться своим делом» («Красный архив», 1932, № 1—2, стр. 182).

«проводить в жизнь конституционные начала в единении с монархом»¹. Пост секретаря Думы занял тоже кадет — крупный московский фабрикант М. В. Челноков.

На пятом заседании Думы (6 марта) выступил председатель Совета министров П. А. Столыпин, который «подготовил себя к министерской должности именно так, как только и могли готовиться царские губернаторы: истязанием крестьян, устройством погромов, умением прикрывать эту азиатскую «практику» — лоском и фразой, позой и жестами, подделанными под «европейские»². Он громким голосом зачитывал правительственную декларацию, призывал Думу «хранить исторические заветы России», т. е. самодержавие. «Государственной думе, — поучал он застывший в молчании зал, — не дано права выражать правительству неодобрения, порицания или недоверия». Обращаясь к левым фракциям Думы, он бросил: «Не запугаете!»³.

Несмотря на меньшее число мест, кадеты сохранили руководство и во Второй думе. И здесь их поддерживали автономисты, а нередко и мелкобуржуазные фракции (трудовики, народные социалисты, эсеры).

Основным вопросом Думы оставался аграрный (он обсуждался на 10 заседаниях, и по нему выступил 81 оратор), каждая фракция представила свой проект решения. Дума рассматривала и другие вопросы: о продовольственном бюджете на 1907 г., о призыве новобранцев, об отмене военно-полевых судов и др. В процессе их обсуждения кадеты проявляли еще большую уступчивость, призывали «беречь Думу», не давать правительству повода для ее роспуска. Кадеты внесли в свой аграрный проект ряд поправок, сделав его еще более умеренным, сняли с обсуждения вопрос о смертной казни и безработице, похоронили внесенный социал-демократической фракцией проект продовольственной помощи, сняли внесенный трудовиками проект закона о политической амнистии, добились одобрения царского бюджета.

Мелкобуржуазные фракции вели себя вяло и нерешительно, часто блокировались с кадетами в решении ряда вопросов: на их поведении отражалась общая усталость мелкой буржуазии от революции⁴.

В социал-демократической фракции преобладали меньшевики⁵, и она проявляла нерешительность, допускала ошибки.

¹ «Государственная дума. Стенографический отчет». Созыв 2. Сессия 1, СПб., 1907, столбец 8 (далее стб.).

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 327.

³ Там же, стр. 77. Эта речь вызвала восхищение царя, писавшего матери 29 марта: «Престиж правительства высоко поднялся благодаря речам Столыпина, а также Коковцова». «Красный архив», 1932, № 1—2, стр. 180.

⁴ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 211.

⁵ Из 55 членов социал-демократической фракции и 11 примкнувших к ней членов Думы большевиков было лишь 18 (15 большевиков и 3 примкнувших члена; см.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 233). В условиях спада

Меньшевики отвергли написанный В. И. Лениным политически острый проект воззвания «По поводу декларации Столыпина» и добились принятия своей примиренческой декларации, резко осужденной большевиками на V съезде партии.

По вопросу о земле социал-демократическая фракция заняла меньшевистскую позицию «муниципализации» земли (т. е. передачи частновладельческих — помещичьих и других — земель в руки буржуазно-помещичьих органов самоуправления). По-иному ставили этот вопрос большевики. В прениях по аграрному вопросу 5 апреля Г. А. Алексинский использовал (к сожалению, недостаточно) написанный В. И. Лениным «Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе»¹, где просто и понятно излагались основные положения аграрной программы большевиков: конфискация помещичьих, церковных, монастырских, удельных и кабинетских земель и их национализация; все это могло быть проведено лишь с уничтожением самодержавия и установлением демократической республики.

Вопреки закону о Государственной думе, одна из статей которого предупреждала членов, что они «не обязаны отчетами перед своими избирателями», депутаты рабочих, особенно большевики (пермский рабочий В. А. Чашин, иваново-вознесенский рабочий Н. А. Жиделев, сормовский рабочий И. Р. Романов, саратовский учитель В. М. Серов и др.), поддерживали постоянную связь с народом: вели переписку с избирателями, принимали их наказания, устраивали встречи и т. п.²

Социал-демократическая фракция более всех докучала царским министрам запросами: о нарушении депутатской неприкосновенности, карательных экспедициях, тюремных жестокостях, погромах и других. Несмотря на противодействие кадетского руководства, во Второй думе было внесено 38 запросов.

Председатель Думы кадет Головин во время прений четыре раза лишал социал-демократов слова, 78 раз делал замечания и прерывал выступления ораторов этой фракции.

Социал-демократическая фракция была особенно ненавистна правительству, и оно пыталось уже до мая возбудить против ее членов несколько уголовных дел, но наталкивалось на сопротивление думского большинства.

Особое беспокойство правительства вызывала активная связь с массами большевиков — членов Думы. Департамент полиции рассылал начальникам районных охранных отделений

революции и массовых репрессий, обрушившихся главным образом на большевиков, меньшевики прибегали к разным приемам, чтобы провести своих представителей в Думу. Значительная часть их кандидатов на выборах скрyla от избирателей свои меньшевистские взгляды и лишь в Думе объявила себя меньшевиками, что вызвало законные протесты избирателей.

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 127—160.

² См.: В. А. Чашин. В суровые годы. Свердловск. 1957; Н. Серова, Василий Серов. М., 1958.

4 апреля 1907 г. секретный циркуляр, в котором предлагал «обратить особое внимание» на деятельность именно большевистских членов Думы, потому что «меньшевистские группы по настроениям их в настоящий момент не представляют столь серьезной опасности, как большевики»¹.

Вся деятельность Думы была опутана сетью шпионажа. Департамент полиции выделил для надзора за Второй думой 62 агента, распределив их по различным помещениям Таврического дворца (для наблюдения за комнатами заседаний левых фракций — 4 агента, помещениями для публики — 8, буфетом — 3, стенографистками — 4, главным подъездом — 9, кулуарами — 4 агента и т. д.)².

Трусость кадетского руководства Думы, вялость их мелкобуржуазных фракций воодушевила правых, которые, несмотря на малочисленность, повели себя нагло. Член Думы бессарабский помещик-черносотенец В. Пуришкевич предложил Думе почтить вставанием городских, убитых в Москве во время уличных столкновений с революционерами. Удаляясь по требованию большинства с заседания Думы, он нахально улыбался.

На другом заседании правый член Думы киевский журналист В. Шульгин язвительно осведомился, обращаясь к левым депутатам: «А нет ли, господа, у кого-нибудь из вас бомбы в кармане?»³.

Реакционные черносотенные газеты вели систематическую травлю Думы. Газета «Московские ведомости» с 24 марта 1907 г. выходила с ежедневным большим черным аншлагом: «А прежде всего Дума должна быть распущена»⁴.

Правительство подыскивало повод для разгона Второй думы. Уже в первые дни ее деятельности Столыпин в интервью корреспонденту парижской газеты откровенно заявил, что Дума будет распущена, если станет придерживаться «несбыточных иллюзий».

В письме к матери 27 марта Николай II писал: «Отовсюду мне посылают телеграммы и адреса с просьбой распустить ее. Но это еще рано, нужно дать ей договориться до глупости и до гадости и тогда — хлопнуть». Особенно беспокоили царя «крайние речи по аграрному вопросу, рассылаемые по всей России, а также письма от имени депутатов, представляющие серьезную опасность для спокойствия деревни». Вызывало тревогу царя и то, что отдельные члены Думы вступили «в прямые сношения с рабочими»⁵.

¹ ЦГАОР, ф. 107, оп. 237, д. 110, т. 2, л. 28.

² ЦГАОР, ф. 102-И, оп. 237, д. 147, л. 20.

³ «Государственная дума. Стенографический отчет». Созыв 2, т. 1. СПб., 1907, стб. 1554.

⁴ Перефразировка известного изречения римского сенатора Катона, упорно настаивавшего на уничтожении Карфагена.

⁵ «Красный архив», 1924, стр. 110.

Практически подготовка нового, более реакционного избирательного закона началась накануне созыва Думы, когда стали известны результаты выборов, и продолжалась всю зиму и весну 1907 г. Каждую неделю Совет министров проводил по одному секретному заседанию, на котором тщательно обсуждались детали нового избирательного закона. Проект закона подготовила группа чиновников Министерства внутренних дел во главе с С. Е. Крыжановским, которого не без основания называли «головой» Столыпина.

На заседании один из министров, познакомившись с проектом закона, воскликнул: «Помилуйте, но это совсем бесстыжий проект!» Во время очередного доклада в Петергофе Столыпин рассказал об этом эпизоде царю, что вызвало веселое и благодушное настроение Николая II. «Я — за бесстыжий», — заявил он своему премьеру.

Поводом для разгона Второй думы послужила инсценировка раскрытия военного заговора, якобы подготовленного социал-демократической фракцией Думы с целью «ниспровержения государственного строя». Состряпать это грязное дело Столыпин поручил Департаменту полиции. Тайный агент Е. Шорникова (охранная кличка Казанская) спровоцировала группу солдат подать социал-демократической фракции Думы подготовленный ею текст «наказа». Один экземпляр этого «наказа» она передала солдатам, а машинописную копию с него — в Департамент полиции.

И вот вечером 5 мая 1907 г. на квартиру члена социал-демократической фракции И. П. Озоля, где собиралась фракция, явился семеро переодетых в гражданскую одежду солдат. Как всегда, в помещении было людно: здесь находились члены фракции, делегат V съезда партии самарский большевик А. А. Богданов, представители рабочих, корреспонденты... Набралось более 60 человек.

Через несколько минут после ухода солдат в помещение ворвались городовые и иные чины полиции. Несмотря на протесты членов Думы, начался обыск, продолжавшийся весь вечер и всю ночь. Тщательно искали пресловутый «наказ» как главную улику для обвинения. Прибывшие члены следствия и прокуратуры вынуждены были, так ничего и не обнаружив, окончить обыск и освободить всех задержанных. Хотя 7 мая Дума и осудила этот полицейский налет, 8 мая обыск помещения фракции повторился, но опять безрезультатно — «наказа» не нашли. Три недели Столыпин, Департамент полиции, петербургская охранка и прокуратура стряпали «дело», для чего воспользовались копией «наказа», переданного Шорниковой в Департамент полиции, а также письмами и приветствиями во фракцию рабочих и крестьян, Программой и Уставом РСДРП, изъятыми при обысках.

30 мая Столыпин доложил царю, что «все готово к предъявлению Государственной думе в пятницу требования об устране-

нии из своей среды 55 членов и к роспуску Думы в случае ее отказа в этом». Предполагалось, что сразу же будет арестовано 15 членов фракции.

В пятницу, 1 июня, перед открытием заседания к председателю Думы Головину явился чиновник с запиской от Столыпина, который настаивал на проведении закрытого заседания, так как ему необходимо «сделать Государственной думе заявление, не терпящее отлагательства»¹. Едва из зала заседания были удалены журналисты и публика, как на трибуне появился Столыпин. Громким голосом, в котором звучало злорадное торжество, он представил слово прокурору Петербургской судебной палаты П. Камышанскому. Прокурор предъявил 55 членам социал-демократической фракции обвинение в подготовке заговора, направленного к «ниспровержению государственного строя».

Под предлогом того, что вопрос этот «внеочередной» и «не стоял в повестке дня», Головин не допустил прений.

На следующий день в газетах появилось пространное заявление правительства о «заговоре»².

Кадетское руководство Думы всячески тормозило обсуждение дела. Для проверки обоснованности обвинения социал-демократической фракции была создана комиссия Думы из 22 членов во главе с кадетом А. А. Кизеветтером. Комиссия не торопилась, и ее председатель заявил, что, «по всей вероятности», комиссия закончит это дело только к понедельнику, т. е. к 4 июня.

Даже 2 июня под нажимом кадетского председателя Дума продолжала обсуждать второстепенный вопрос о реформе местного суда. Неоднократные предложения социал-демократов и трудовиков выступить, наконец, по волновавшему их вопросу о правительственном заговоре против Думы с разоблачением полицейской провокации отвергались под предлогом того, что делать это «нерационально», так как даст повод правительству разогнать Думу³.

Между тем телеграф разносил по всей стране шифрованную телеграмму Столыпина генерал-губернаторам, губернаторам и градоначальникам, предупреждавшую их, что «Государственная дума будет распущена 3 июня», и предлагал «принять все меры к поддержанию порядка»⁴.

53-е заседание Второй думы 2 июня окончилось в 6 часов вечера.

Часть наиболее осторожных членов социал-демократической фракции предпочла ночевать у знакомых. Тех, кто явился домой, встретили полицейские засады. Начались аресты.

3 июня правительство обнародовало манифест и указ о рос-

¹ «Красный архив», 1930, т. 6, стр. 30.

² «Правительственный вестник», 2 июня 1907 г.

³ См.: «Государственная дума. Стенографический отчет». Сост. 2. Сессия 1, стб. 1608.

⁴ ЦГАОР, ф. 111-И, оп. 5, ед. хр. 206, л. 275.

пуске Второй думы и назначило выборы в Третью думу. Одновременно был издан новый избирательный закон.

Первая дума действовала 72 дня, Вторая — недолго пережила ее: она работала всего 102 дня.

Разгром Второй думы и издание нового избирательного закона фактически означали государственный переворот, так как по «Основным законам Российской империи» этот закон мог быть принят только Думой¹.

Новый закон свел избирательные права широких народных масс населения до минимума: на $\frac{1}{3}$ возросло число выборщиков от помещиков, более чем наполовину уменьшилось число выборщиков от крестьян, сократили избирательные права мелкой городской буржуазии (ремесленников, лавочников) и сильно урезали представительство в Думе национальных окраин (по Польше и Кавказу в $2\frac{1}{5}$, а по Сибири в $1\frac{1}{2}$ раза; население же Средней Азии вообще было лишено права избирать членов Думы).

Помещики и буржуазия обеспечили себе по закону 3 июня более $\frac{3}{4}$ всех выборщиков².

«Правительство хотело опереться на помещиков и верхи буржуазии; на этом, как известно, построен весь закон 3-го июня 1907 г.»³, — писал В. И. Ленин.

Выборы в Третью думу проходили в сентябре — октябре 1907 г. в условиях жесточайшего террора и репрессий: по всей стране свирепствовали карательные отряды, действовали военные суды, тюрьмы были переполнены; к каждому шедшему на восток железнодорожному составу был прицеплен вагон с зарешеченными окнами — для ссыльных.

Особенно урезали избирательные права рабочих. Во всей России выделили только шесть наиболее промышленных губерний (Петербургскую, Московскую, Костромскую, Владимирскую, Харьковскую и Екатеринославскую), рабочие которых имели право избирать своих депутатов в Думу.

Печатание бюллетеней и агитационных листов стоило огромных усилий; устная агитация была почти невозможна. Охранные отделения посылали своих агентов на предвыборные собрания рабочих и крестьян. Так, в Перми на одном из собраний выборщиков члены президиума обнаружили под столом, накрытым скатертью, сыщика, забравшегося туда, чтобы подслушивать, о чем они будут говорить⁴.

Местные власти грубо попирали даже те незначительные права, которые предоставлял рабочим царский избирательный закон.

¹ «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного совета и Государственной думы и воспринять силу без утверждения государя императора» («Свод законов Российской империи», т. 1, ч. 1. 1906, стр. 86).

² См.: «Правда», 15 июля 1912 г.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 22, стр. 130.

⁴ См.: «Вперед», 3 ноября 1907 г.

В одном из крупнейших пролетарских центров страны — Иваново-Вознесенске 8 сентября рабочие избрали уполномоченных, почти все они были большевиками или сочувствующими им. В октябре 165 уполномоченных от рабочих всей губернии собрались в г. Владимир для избрания шести выборщиков. Но когда эти уполномоченные захотели устроить предвыборное собрание, то губернатор наотрез им отказал.

— Зачем вам собрание? — заявил он пришедшим к нему представителям рабочих. — Вы, наверное, все социал-демократы и, конечно, будете вести преступную агитацию? Нет, разрешить вам собрания я не могу.

— Но как быть, господин губернатор? — не унимались рабочие. — Нужно же нам ознакомиться друг с другом. Надо наметить кандидатов, чтобы знать, за кого голосовать.

— Это меня не касается. Как хотите, так и голосуйте, а разрешить собрания не могу. Идите к полицеймейстеру — как он захочет, так и будет...

Стуча кулаком, владимирский полицеймейстер грубо заорал на представителей рабочих: «Никаких законов не желаю знать... Я закон. Никаких собраний не разрешаю, и боже вас сохрани собраться тайно. Вы будете арестованы и жестоко поплатитесь, если нарушите мой запрет»¹.

Пришлось рабочим-уполномоченным устраивать предвыборное собрание нелегально в кустарнике, в окрестностях Владимира, под осенним дождем и пронизывающим ветром. Рабочие наметили кандидатов в выборщики — все шестеро были большевики.

Свои избирательные собрания помещики и буржуазия проводили в иных условиях: они снимали лучшие здания — «благородных собраний», купеческих клубов, театров, ресторанов — и здесь в спокойной обстановке обсуждали своих кандидатов.

На общем собрании всех 89 выборщиков Владимирской губернии рабочие-выборщики выдвинули от Владимирской губернии в Государственную думу рабочего-текстильщика большевика С. А. Воронина. Остальные члены Думы от этой губернии являлись представителями господствующих классов: протоиерей, настоятель Юрьевского собора А. Знаменский, местные помещики Л. Зубков и К. Черносвитов, городской голова и фабрикант Л. Павлов; от крестьян в Думу попал кулак Бурлаков. Ясно, чьи интересы могли защищать в Думе эти лица. Описанная картина типична для выборов по всей России.

На выборах в Третью думу большевики провели своих депутатов от крупнейших пролетарских центров. Петербургские рабочие послали в Думу большевика-путиловца Н. Г. Полетаева, московские — павлово-посадского рабочего большевика М. В. За-

¹ Цит. по кн.: Ф. Н. Самойлов. По следам минувшего. М., 1954. стр. 161—163.

харова, владимирские — большевика С. А. Воронина, костромские — рабочего-текстильщика большевика П. И. Суркова и т. д.

Меньшевистские депутаты прошли в Думу главным образом от так называемого второго городского съезда (мелкой буржуазии) непролетарских губерний: Тифлисской, Кутаисской, Забайкальской.

После четырехмесячного затишья Таврический дворец ожил. 1 ноября 1907 г. собралась Государственная дума третьего созыва.

Избирательный закон 3 июня 1907 г. и столыпинская реакция обеспечили откровенно реакционный состав Третьей Государственной думы. Из общего числа 442 членов Третьей думы правые и националисты разных оттенков составляли 147, октябристы — 154.

Лидерами правых в Третьей думе были бессарабский помещик и вождь черносотенных организаций России В. Пуришкевич, херсонский и курский помещик граф В. Дорер, курский помещик Н. Марков (Второй), архиепископы Евлогий и Митрофан¹.

Во главе октябристов стояли московский капиталист А. И. Гучков, екатеринославские помещики М. В. Родзянко и Я. Г. Гололобов, таврический помещик В. Э. Фальцфейн и другие. Кадеты и примыкавшие к ним фракции прогрессистов и национальной буржуазии окраин имели 108 членов. Их признанным лидером был известный историк, председатель ЦК партии кадетов П. Н. Миллюков.

Рабочих и крестьян в Третьей думе представляли самые небольшие фракции: социал-демократическая (19 членов) и трудовая (14 членов).

В том же Екатерининском зале Таврического дворца после торжественной церковной службы 1 ноября 1907 г. собрались члены Третьей думы.

Чувствуя себя хозяевами положения, правые черносотенные помещики с громкими титулами и фамилиями, поддержанные «батюшками с гвоздиками»² и темными волынскими крестьянами, громко потребовали исполнения царского гимна, который трижды прозвучал под сводами зала.

Все тот же вице-председатель Государственного совета И. Я. Голубев открыл заседание Думы. Он призвал Думу от имени царя на «предстоящие труды... для утверждения в дорогом отечестве порядка и спокойствия, для развития просвещения и благосостояния населения, для укрепления обновленного государственного строя и для увеличения величия нераздельного государства России»³. Царский чиновник призывал Думу укреп-

¹ В Третьей думе было 10 князей, 6 графов, 3 барона.

² Думский значок для депутатов из духовенства.

³ «Государственная дума. Стенографический отчет». Созыв 3. Сессия 1, ч. 1. СПб., 1908, стр. 2—3.

лять самодержавие, помещичье-буржуазное государство, режим столыпинской реакции. Думское большинство на этот раз поддержало бессарабского помещика Крупенского, провозгласившего здравицу Николаю II.

Председателем Думы был избран богатый смоленский помещик-октябрист Н. А. Хомяков. В президиум вошли в основном октябристы. Они сделали все возможное, чтобы не допустить представителей левых партий в состав комиссий и других органов Думы. Выступивший на втором заседании курский помещик-черносотенец Марков (Второй) потребовал, чтобы «антигосударственные элементы» были «устранены от верхов до низу в Государственной думе, до последнего швейцара, до последнего истопника...».

На почве общего стремления сохранить самодержавие, помещичье землевладение, господство дворян в системе управления и проводить репрессии против рабочих и крестьян в Третьей думе сложился блок черносотенцев и октябристов, составлявших $\frac{2}{3}$ Думы. Однако наряду с общими интересами между черносотенными помещиками и октябристами (крупные капиталисты, обуржуазившиеся помещики) существовали и некоторые противоречия. Октябристы признавали манифест 17 октября (отсюда название партии «Союз 17 октября»), настаивали на расширении прав земского и городского «самоуправления»; черносотенцы были против этого. Поэтому в ряде вопросов октябристы искали союза с сильно поправевшими кадетами. Так сложился второй октябристско-кадетский блок, составлявший немногим менее $\frac{3}{5}$ членов Думы.

Наличие этих блоков определило и характер Третьей думы, выразившей, по словам В. И. Ленина, «общенациональный союз политических *организаций* помещиков и крупной буржуазии»¹.

Опираясь на третьедумские политические блоки, правительство Столыпина укрепляло позиции самодержавия, осуществляло в интересах господствующих классов внутреннюю и внешнюю политику.

16 ноября 1907 г. с правительственной декларацией в Думе выступил П. А. Столыпин. Под бурные аплодисменты и крики «Браво!» правых и кадетского центра он заявил о том, что «разрушительное движение, созданное крайними левыми партиями», необходимо подавлять силой. «По пути искоренения преступных выступлений шло правительство до настоящего времени, — отметил царский премьер, — этим путем пойдет оно и впредь»². Столыпин призвал реакционную Думу сотрудничать с правительством в деле проведения важнейших реформ, и «прежде всего аграрной» реформы. «Не беспорядочная раздача земель, не успокоение бунта подачками — бунт погашается силой, а признание

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 411.

² «Государственная дума. Стенографический отчет». Созыв 3. Сессия 1, ч. 1. СПб., 1908, стб. 307.

неприкосновенности частной собственности и, как следствие, отсюда вытекающее, создание мелкой личной земельной собственности... реальное право выхода из общины и разрешение вопросов улучшенного землепользования — вот задачи, осуществление которых правительство считало и считает вопросами бытия русской державы»¹.

С замиранием и восторгом внимали помещики энергичной речи царского первого министра, произносимой громким металлическим голосом. И казалось им, что крестьянские захваты помещичьих земель, ночные пожары помещичьих имений времен революции ушли бесповоротно и навсегда, а они и их потомки будут вечно владеть огромными «родовыми» имениями, землями, лесами...

Опираясь разными конституционными и парламентскими оборотами, вроде «правовой уклад», «законодательные учреждения» и пр., Столыпин заверил черносотенно-октябристское большинство Думы, что «историческая самодержавная власть и свободная воля монарха являются драгоценнейшим достоянием русской государственности, так как единственно эта власть и эта воля, создав существующие установления и охраняя их, призвана, в минуты потрясений и опасности для государства, к спасению России и обращению ее на путь порядка и исторической правды». Бурными рукоплесканиями, криками «Браво!» встретили правые и центр заявление Столыпина о незыблемости самодержавия. Выступив сразу после Столыпина, А. И. Гучков от имени фракции октябристов и фракции умеренно правых предложил формулу перехода к очередным делам с одобрением декларации правительства.

Вскоре после начала заседаний Третьей думы царское правительство провело судебные процессы над социал-демократической фракцией Второй думы и членами Первой думы, подписавшими выборское воззвание.

Социал-демократическую фракцию Второй Государственной думы судили на двух процессах в Особом присутствии Сената² — 22 ноября — 1 декабря 1907 г. и 23—26 октября 1908 г. На основании царских законов, подтасовки и фальсификации фактов и документов судьи обвинили 10 членов социал-демократов в подготовке «ниспровержения государственного строя», они получили по 5 лет каторги каждый и последующую пожизненную ссылку, еще 10 — по 4 года каторги и ссылки и 11 были осуждены к ссылке³.

Совсем по-иному отнеслось царское правительство к либеральным «выборжцам». 169 членов Первой думы, подписавших

¹ «Государственная дума. Стенографический отчет». Созыв 3. Сессия 1, ч. 1. СПб., 1908, стб. 307.

² Высший суд по политическим делам в царской России.

³ Один член фракции (порвавший с ней еще в Думе Коншин) был оправдан; 12 членам фракции удалось избежать ареста и царского суда.

выборгское воззвание, судила Петербургская судебная палата 12—18 декабря 1907 г. Внешне обстановка «сурового» суда была соблюдена: «выборжцам» предъявили обвинение по двум статьям «Уголовного уложения»: ст. 51 («подстрекательство») и ст. 129, п. 3, ч. 1 («возбуждение к неповиновению и противодействию законам»). Но все это являлось только ширмой. Правительство не придавало большого значения этому процессу и ставило задачу лишь поугатать и без того напуганных несколькими месяцами предварительного заключения либеральных думских парламентариев.

Подсудимые стремились обелить свои действия; их пытались оправдать 26 лучших адвокатов. Муромцев доказывал «законность» действий Первой думы. Тверской земец, член ЦК кадетской партии И. Петрункевич, произнесший на первом заседании Думы горячую речь в защиту политической амнистии, теперь перед судейским столом уныло оправдывался, заявляя, что составление воззвания было продиктовано желанием предупредить «новую смуту, новые беспорядки и, может быть, пролитие крови...». «Уговора распространять воззвание у нас не было», — твердил он, с надеждой поглядывая на бесстрастные лица судей.

Перетрусившим «выборжцам» царское правительство вынесло мягкий приговор: все они (кроме двух оправданных) осуждались на трехмесячное тюремное заключение. Многие из них пробыли гораздо дольше в предварительном заключении и поэтому сразу же из зала суда поехали домой.

Кровно заинтересованный в жестокой расправе с представителями рабочего класса в Думе — социал-демократической фракцией, Столыпин не желал ссориться с крупнейшей буржуазной партией — кадетской, думские члены которой были инициаторами выборгского заседания и воззвания.

Попеременно опираясь на сложившиеся в Третьей думе политические блоки, Столыпин балансировал, укреплял позиции самодержавия, осуществлял в интересах помещиков и буржуазии реакционную внутреннюю и внешнюю политику. Особенно ратовали за контакты со Столыпиным октябристы, которых современники называли «партией последнего правительственного распоряжения».

Реакционный состав Третьей думы обеспечил ее «работоспособность» и тесное сотрудничество с царским представительством. Она действовала пять лет (с 1 ноября 1907 по 9 июня 1912 г.), собираясь на ежегодные сессии примерно одинаковой длительности (7—8 месяцев). В процессе деятельности Думы возникло более 30 комиссий, изменялся и президиум: ушедшего в отставку Н. А. Хомякова в марте 1910 г. сменил А. И. Гучков, а с марта 1911 г. и до конца деятельности Третьей думы ее председателем был М. В. Родзянко.

Третья дума одобрила и утвердила многочисленные законопроекты царского правительства. На 611 заседаниях Третья дума

рассмотрела 2570 законов, из которых утвердила 2200, направленных на усиление администрации, полиции, жандармерии, предусматривающих увеличение ассигнований на строительство тюрем и т. д.¹ Дума ассигновала 10 декабря 1 млн. руб. «на воспомоществование жертвам революции», т. е. для вознаграждения жандармов и полицейских карателей и вешателей и других палачей народных масс. Предложение, выдвинутое графом А. Бобринским от имени 177 членов черносотенно-октябристского блока, встретило поддержку большинства Думы. «Стреляйте в упор»,—грубо посоветовал на будущее жандармам и полицейским черносотенец Марков (Второй). Гучков назвал палачей революции «истинными героями». Не возражали против проекта и кадеты.

Этот «законодательный почин» Думы «с чувством глубочайшего удовлетворения» приветствовал товарищ министра внутренних дел (Столыпина) А. Макаров. «Министерство,— сказал он,— видит в этом почине, прежде всего, авторитетное осуждение революции. (Возгласы: «Браво!»), рукоплескания справа и центра.) Этого осуждения мы добивались давно... Слава богу, милостивые государи, кровавый туман рассеивается, и сквозь него я вижу, что уже блестит светлый луч — великодушное предложение, которое мы сегодня обсуждаем»².

Лишь социал-демократическая фракция выступила против этого законопроекта.

Дума одобрила и все аграрные мероприятия Столыпина, направленные на «землеустройство», образование значительного слоя кулаков, переселенческую политику, расширение деятельности Крестьянского банка, внешнюю политику царизма по укреплению Антанты и подготовке к войне.

Ежегодно Дума утверждала бюджеты государства, в том числе военные (с 1907 по 1912 г. военный бюджет России увеличился на 51 %).

Малочисленной группе представителей рабочих и крестьян было тяжело выступать в этой черносотенной Думе.

Социал-демократическая фракция использовала думскую трибуну для разоблачения антинародной политики царизма и господствующих классов, для выдвижения политических требований социал-демократии. В предлагаемых большевиками-думцами формулах «перехода к очередным делам» давалось пра-

¹ Характерны названия этих принятых Думой, а затем и Государственным советом законов: «Об усилении кредита на тюремно-строительные надобности», «Об отпуске средств на выдачу пособий членам общей полиции и корпусов жандармов», «О распределении между казной и казачьими войсками расходов по тюремной части в области Кубанской и Терской», «О порядке отопления и освещения мест заключения», «Об учреждении тюрем в городах Мерве и Красноярске, Закаспийской области и Актюбинске, Тургайской области», «Об учреждении в городе С.-Петербурге женской тюрьмы» и т. п.

² «Государственная дума. Стенографический отчет». Созыв 3. Сессия 1, ч. 1, стб. 1803.

вильное отношение большевиков к внутренней политике царизма, аграрному и национальному вопросу, рабочему законодательству, царскому бюджету и многим другим вопросам. В качестве примера такого выступления можно привести формулу перехода к очередным делам, внесенную депутатом-большевиком Н. Г. Полетаевым от имени социал-демократической фракции по правительственному заявлению в Третьей думе Столыпина. «Господа члены Государственной думы. За краткостью времени,— сказал Полетаев,— я ограничусь только предложением от имени социал-демократической группы следующего перехода к очередным делам: «Выслушав декларацию правительства и констатируя, что правительство по-прежнему ведет политику исключительно в защиту интересов крепостников-помещиков и хищнических слоев буржуазии, фактически восстанавливая самодержавие и безграниченность, усиливая административно-полицейский произвол, подрывая основы материального и культурного существования страны, ожесточенно борясь против жизненно необходимых требований рабочего класса и широких масс малоземельного крестьянства, и продолжает истребительную войну с освободительным движением народа, Государственная дума переходит к очередным делам»¹.

Одной из форм работы Думы по-прежнему были думские запросы о произволе в отдельных звеньях государственного аппарата России; 45% их исходило от социал-демократической фракции². Правда, реакционное большинство Думы объявляло их «несрочными» и хоронило в различных комиссиях³. На срочные запросы отвечали министры и другие чиновники царского правительства.

Всю страну всколыхнули события весны 1912 г. на далекой Лене. На золотых приисках «Ленского золотопромышленного товарищества» («Лензото»), акционерами которого являлись крупные русские и иностранные капиталисты, царская родня (мать, великие князья) и министры, вспыхнула руководимая большевиками забастовка, вызванная нещадной эксплуатацией и крайне тяжелыми условиями труда и жизни.

Отклонив весьма умеренные требования забастовавших рабочих, «Лензото» вместе с царскими властями решило расправиться с бастующими. 4 апреля 1912 г. по приказу жандармского ротмистра Трещенкова мирное рабочее шествие на Надеждинский прииск было расстреляно войсками⁴; убито 270 рабочих и ранено 259.

¹ «Государственная дума. Стенографический отчет». Созыв 3. Сессия 1, ч. 1, заседание 9, стб. 509.

² См.: Ф. И. Калининчев. Государственная дума в России. Сб. документов и материалов. М., 1957, стр. 413, 476.

³ Так был похоронен, например, запрос о деле социал-демократической фракции Второй Государственной думы.

⁴ Рота солдат прибыла из Киренска, за 700 км от приисков.

Ленский расстрел, явившийся, по выражению В. И. Ленина, «точнейшим отражением *всего* режима 3-июньской монархии»¹, всколыхнул всю страну, послужил сигналом к массовым митингам, демонстрациям, забастовкам.

Волна революционного подъема докатилась и до стен Таврического дворца. 9 апреля 1912 г. социал-демократическая фракция Думы внесла запрос правительству о ленских событиях. Вокруг этого запроса развернулись горячие прения. В ответ на предложение Гучкова о необходимости «всестороннего и беспристрастного» расследования выступивший от социал-демократической фракции Г. С. Кузнецов сказал: «Для нас, рабочих, не нужно никакого вашего расследования, для нас причина совершенно ясна: мы знаем, кто является главным виновником массового убийства рабочих на Ленских приисках... рабочих и до 3 июня расстреливали: вспомните 9 января. Они шли с петицией к царю просить о том, чтобы получить от царя ответ и удовлетворение на ходатайство в их нуждах, они получили расстрел (справа шум и голоса: «Царя не касайтесь!»)².

Несмотря на вмешательство председателя Думы октябриста Родзянко, шум и свистки справа, С. Г. Кузнецов окончил свою речь под рукоплескания слева следующими словами: «Подводя итоги деятельности Государственной думы, рабочий класс должен не на словах, а на деле не только смести Третью Государственную думу, но и весь современный режим»³.

После выступления нескольких ораторов разных фракций на запрос отвечал министр внутренних дел А. Макаров. «С войсками не шутят,— заявил он.— Войско руководится в своих действиях исключительно принятой присягой, требованиями своих уставов и железной дисциплиной, сковывающей войско. (Голос справа: «Браво, верно!») Когда потерявшая рассудок, под влиянием злостных агитаторов, толпа набрасывается на войско, тогда войску ничего другого не остается делать, как стрелять. (Голос справа: «Верно!») Так было и так будет впредь»⁴. Конец этой последней, ставшей знаменитой фразы Макарова потонул в шуме. Кузнецов крикнул с места: «Пока вы у власти!» «Кровопийцы!» — кричали слева. Справа бурно аплодировали. Маленький злобный Пуришкевич от возбуждения даже пытался взобраться на кресло; огромный широкоплечий Марков (Второй), приподнявшись, свирепо оглядывал кресла левых партий. Председатель Думы Родзянко тщетно пытался своим колокольчиком остановить разбушевавшиеся страсти. Несколько минут в зале стоял невыносимый шум...

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 341.

² «Государственная дума. Стенографический отчет». Созыв 3, Сессия 5, ч. 3, стб. 825.

³ Там же.

⁴ Там же, стб. 826.

Через два месяца после этого бурного заседания, 9 июня 1912 г., Третья дума, ввиду истечения полномочий ее членов, окончила свою деятельность. Созыв новой, Четвертой думы был назначен на 15 ноября.

Вопрос о составе Государственной думы четвертого созыва, выборы в которую будут проходить в условиях нового революционного подъема, беспокоил правительство. Готовиться к выборам царское правительство начало заранее до окончания деятельности Третьей думы. В начале 1912 г. министр внутренних дел А. Макаров разослал специальный циркуляр, предписывающий губернаторам принять экстренные меры для обеспечения избрания лиц, «вполне соответствующих видам правительства». Департамент полиции усилил субсидии черносотенцам. В предвыборную кампанию активно включилось духовенство. Страницы губернских церковных газет «епархиальных ведомостей» были заполнены воззваниями к избирателям. Широко применялись грубые административные и полицейские приемы устранения неудобных избирателей, уполномоченных и выборщиков: аресты, запрещения предвыборных собраний (особенно рабочих), прямые подлоги и подтасовки списков. В Петербурге перед съездом уполномоченных рабочей курии избирательная комиссия признала недействительными выборы уполномоченных почти половины фабрик и заводов (в том числе Путиловского, Невского судостроительного, Семеновского, Ижорского и других крупных промышленных предприятий). Только мощная забастовка протеста петербургских рабочих вынудила правительство назначить новые выборы уполномоченных. Подделкой стало включение в списки избирателей «мертвых душ» по спискам черносотенцев и правых (в Вологде, Варшаве, Киеве, Одессе и др.).

Во время выборов в Четвертую думу большевики выступали с самостоятельными лозунгами своей программы-минимум: демократическая республика, 8-часовой рабочий день, конфискация всех помещичьих земель. Меньшевики же блокировались на выборах нередко с либералами.

Комбинации правительства принесли известные результаты. Из 442 членов Четвертой думы правительственный лагерь (правые, черносотенцы, националисты, октябристы) получил 283 места. Их лидерами были В. Пуришкевич и Марков (Второй), октябрист М. В. Родзянко, националист В. В. Шульгин.

Фракции либерального лагеря (кадеты, прогрессисты, национальная буржуазия окраин) насчитывали 128 членов; их руководителями были кадеты — историк П. Н. Миллюков, земский деятель Ф. Родичев, врач и земский деятель А. Шингарев; лидерами прогрессистов были капиталист А. Коновалов и адвокат В. Маклаков.

Таким образом, и в этой Думе сложилось необходимое правительство большинства, позволяющее создавать видимость парламентарных порядков в России.

Мелкую крестьянскую буржуазию представляла небольшая фракция трудящихся (10 человек), лидером которой был адвокат А. Керенский, примыкавший часто в своих действиях к либералам.

Социал-демократическая фракция Четвертой думы состояла из 14 членов: 6 большевиков и 8 меньшевиков. Большевистскую шестерку представляли 4 металлиста и 2 текстильщика из пролетарских губерний страны: А. Е. Бадаев (Петербургская губ.), Ф. Н. Самойлов (Владимирская), Г. И. Петровский (Екатеринославская), М. К. Муранов (Харьковская), Н. Р. Шагов (Костромская) и Р. М. Маллиновский¹ (Московская).

Меньшевистскую восьмерку избрали мелкобуржуазные городские (вторые) съезды непролетарских губерний². Шесть губерний, избравших большевиков, насчитывали более 1 млн. рабочих, 8 губерний, выдвинувших меньшевиков, лишь 214 тыс. рабочих³.

Первоначально большевики и меньшевики действовали в составе единой социал-демократической фракции, внутри которой происходила острая борьба. Меньшевики не признавали большевистской программы-минимум и вслед за кадетами выдвигали лозунг «полновластной Думы». В октябре 1913 г. большевики создали самостоятельную социал-демократическую рабочую фракцию.

В день открытия заседания Четвертой думы, 15 ноября 1912 г., в столице Российской империи было неспокойно, проходила однодневная забастовка протеста рабочих против жестокого приговора революционным матросам Черноморского флота⁴. На петербургских улицах, и в особенности в районе Таврического дворца, ходили группами рабочие и студенты. Попытки их организовать, в форме демонстрации, направиться к Таврическому дворцу, чтобы приветствовать своих делегатов, пресекались полицией. В столице шли обыски и аресты.

А в это время в Таврическом дворце проходила традиционная процедура открытия заседаний Государственной думы. После молебна Думу открыл все тот же статс-секретарь Голубев.

Последний председатель Третьей думы октябрист, крупный помещик и камергер М. В. Родзянко оказался для царя наиболее подходящей фигурой и на пост председателя Четвертой думы. С точки зрения думского помещичье-буржуазного большинства он имел массу неоченимых достоинств: зычный голос, огромный

¹ Последний оказался провокатором, см. гл. III.

² Избирательный закон 3 июня 1907 г. разделил единую городскую курию на два городских съезда: в первом избирали представители крупной и средней буржуазии, богатые чиновники, а во втором — мелкая буржуазия; права избирателей второго городского съезда были сильно урезаны.

³ Трое из рабочих депутатов-меньшевиков не являлись рабочими: Чхендзе был журналистом, Скобелев — инженером, Чхенкели — адвокатом.

⁴ Военно-морской суд в Севастополе по делу о подготовке вооруженного восстания в Черноморском флоте приговорил 17 матросов к смертной казни и 106 — к каторге.

рост, представительную фигуру, репутацию преданного сторонника самодержавия, умел ладить с министрами и уже в Третьей думе зарекомендовал себя противником левых депутатов — бесцеремонно прерывал их выступления предостережениями и напоминаниями, а нередко и вообще лишал слова.

На заседании 5 декабря 1912 г. с правительственной декларацией выступил председатель Совета министров В. Н. Коковцов. Его политическая программа мало чем отличалась от столыпинской. Он пообещал Думе такие «крупные» преобразования, как расширение земского самоуправления, упрощение паспортной системы, введение более строгого закона о печати, поддержку церковноприходских школ и т. п.

Как и Третья дума, Четвертая обсуждала законопроекты, чаще всего предложенные правительством, рассматривала и утверждала государственные росписи доходов и расходов, обсуждала запросы членов о незаконных действиях властей. В процессе деятельности Четвертой думы было создано 36 постоянных и временных комиссий.

В числе комиссий Четвертой думы существовала и рабочая: в ней заседали московский фабрикант и домовладелец Коновалов, рязанский помещик Миляков, пермский кулак Перевозчиков, инженер Марков (Третий) и другие представители правящих классов. От социал-демократической фракции — Р. Малиновский. Такая «рабочая» комиссия. разумеется, ничего не могла, да и не хотела дать рабочим.

Малочисленная социал-демократическая фракция сделала большинство запросов, связанных с наиболее вопиющими злоупотреблениями царской администрации и суда. Первый запрос последовал 14 декабря 1912 г. и был вызван тем, что царская администрация в столице отказалась регистрировать союз металлистов и некоторые другие профсоюзы, что явилось нарушением закона 2 марта 1906 г. В поддержку этого запроса выступил депутат-большевик А. Е. Бадаев. Большевики Шагов и Самойлов выступили с речами против локаутов на текстильных фабриках.

Залитый светом многочисленных люстр большой зал Таврического дворца был переполнен. В ложе правительства восседали министры, собрались корреспонденты газет. С переполненных хоров, отведенных для публики, на рабочего-депутата Бадаева с любопытством наводили лорнеты жены сановников. Внимательно слушала речь своего депутата небольшая группа рабочих, которым удалось получить входные билеты. На председательском месте тучный Родзянко насторожился, готовясь при случае прервать речь Бадаева. Почти все выступление депутата-большевика сопровождалось непрерывными предупреждениями председателя, шумом и смехом — справа и аплодисментами — слева. После упоминания о расстреле бастующих рабочих Бадаева лишили слова. Запрос же был провален думским реакционным большинством.

Несмотря на тяжелую обстановку, члены Думы — большевики часто выступали с думской трибуны; они разоблачали антинародную сущность самодержавия, вскрывали политику господствующих классов, разъясняли в черносотенно-октябристской Думе программные положения большевистской партии — единственной защитницы народных масс.

Депутаты-большевики внесли в Думу ряд законопроектов: о 8-часовом рабочем дне, социальном страховании рабочих и служащих и др. Тексты некоторых законопроектов (о национальном равноправии, о равноправии национальностей и защите прав национальных меньшинств) были написаны В. И. Лениным. На заседании Думы 4 июня 1913 г. при обсуждении доклада бюджетной комиссии по смете расходов Министерства народного просвещения на 1913 г., снова выступил А. Е. Бадаев; проект его речи «К вопросу о политике Министерства народного просвещения» подготовил В. И. Ленин. Бадаеву не удалось произнести речь полностью. За выражение: «Не заслуживает ли это правительство того, чтобы народ его выгнал?» — Родзянко лишил Бадаева слова.

В ответ на привлечение одного из членов Думы к суду за его выступление с думской трибуны¹ социал-демократы и трудовики предложили 22 апреля 1914 г. отложить обсуждение бюджета до тех пор, пока не будет принят закон о свободе депутатского слова; когда же думское большинство отвергло это предложение, то было решено устроить обструкцию: не дать говорить министру финансов Барку. Неожиданно вместо Барка выступил председатель Совета министров И. Л. Горемыкин.

«Господа, члены Государственной думы!» — прошамкал Горемыкин, но больше ничего сказать не сумел: в зале слева начался шум, стук топотрами, крики. Попытки Родзянко приостановить обструкцию не удались, и тогда председатель Думы, извинившись перед Горемыкиным, предложил исключить с 15 предстоящих заседаний принимавших участие в обструкции социал-демократов и трудовиков.

Согласно думским порядкам, каждому члену Думы перед его исключением давалось слово «для объяснения». Часть исключенных депутатов отказалась покинуть зал заседаний. Угодливый Родзянко нашел выход: впервые в истории Государственной думы в зал заседаний был введен воинский отряд. Солдаты выстроились вдоль барьера, а начальник охраны подходил к исключенному и предлагал ему удалиться. И тогда с заявлением «Подчиняюсь насилью!» депутат покидал зал. За этой процедурой наблюдали из министерской ложи члены правительства.

Только после изгнания депутатов обеих социал-демократических фракций и фракции трудовиков Горемыкин смог высту-

¹ В речи по поводу законопроекта о реформе Сената он упомянул о премиях республиканской формы правления.

пить, и черносотенно-октябристская Дума приступила к обсуждению бюджета ¹.

Петербургские, а вслед за ними и московские рабочие ответили на исключение с заседаний Думы своих депутатов мощной забастовкой протеста.

Первая революция вынудила самодержавие пойти на уступки: созвать подобие парламента в виде Государственной думы и Государственного совета. Но это был парламент самодержавного государства. Несмотря на провозглашенные царскими законами «законодательные права» этих представительных органов, они были, по выражению В. И. Ленина, лишь прикрывающими самодержавие «лжеконституционными формами» ². Государственный переворот 3 июня и созыв Третьей думы открыто закрепили «союз царизма с черносотенными помещиками и верхами торгово-промышленной буржуазии» ³. Выражая интересы широких народных масс, немногочисленная социал-демократическая фракция использовала думскую трибуну для разоблачения политики самодержавия, для политического воспитания трудящихся.

Итог деятельности черносотенно-октябристской, «черной» Третьей думы подвела Пражская Всероссийская конференция РСДРП в январе 1912 г. В составленной В. И. Лениным резолюции «О современном моменте и задачах партии» отмечалось, что «широкие массы населения за время пятилетнего существования Третьей думы все более убеждаются в ее нежелании, неспособности и бессилии сделать что-либо для улучшения положения широких масс народа и в антинародном характере главенствующих в ней партий» ⁴.

Несмотря на то что в период мировой войны Государственная дума оказалась в руках буржуазии, ее сотрудничество с самодержавием продолжалось, а «критика» правительства с думской трибуны чаще всего была направлена на то, чтобы убедить это правительство вести более гибкую политику, чтобы предотвратить революцию. «Правительство думает, что мы делаем революцию,— говорил на заседании «Прогрессивного блока» в ноябре 1916 г. октябрист С. Шидловский,— а мы ее предупреждаем» ⁵.

¹ См.: А. Бадаев. Большевики в Государственной думе. Воспоминания, изд. 8. М., 1954, стр. 244—250.

² «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 1, изд. 8. М., 1970, стр. 249.

³ Там же.

⁴ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 1, изд. 8. М., 1970, стр. 329.

⁵ «Красный архив», 1933, т. 1, стр. 125.

Легкий утренний ветерок шелестел бумагами на письменном столе. Из открытого окна кабинета начальника Генерального штаба была видна Дворцовая площадь с редкими прохожими и полицейскими да голубое небо, предвещавшее хороший летний день. Было утро 17 июля (30 июля н. ст.) 1914 г. В кабинете находились трое: полный, представительный, усатый генерал — военный министр В. А. Сухомлинов, сухощавый, подтянутый генерал — начальник Генерального штаба Н. Н. Янушкевич и штатский, невысокого роста, лысоватый, с коротко подстриженными усиками — министр иностранных дел С. Д. Сазонов. Янушкевич взволнованно крутил ручку телефона, Сухомлинов сидел в ожидании в кресле, Сазонов беспокойно вышагивал по комнате. Настроение у всех было тревожное и нервное.

Месяц назад, 15 июня, в г. Сараево на территории Боснии, входившей в состав Австро-Венгрии, сербский националист Гаврило Принцип несколькими выстрелами убил наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его жену.

К этому времени противоречия империалистических государств и их блоков достигли вершины. Для агрессивного германского империализма «сараевский выстрел» явился хорошим пово-

дом к развязыванию войны за захват новых колоний, источников сырья, за сферы влияния. Подстрекаемое из Берлина австрийское правительство предъявило Сербии ультиматум с неприемлемыми условиями. 15 июля Австро-Венгрия объявила войну Сербии.

16 июля 1914 г. Николай II утвердил указ о всеобщей мобилизации, но к вечеру того же дня прибывший на Центральный телеграф адъютант военного министра Сухомлинова передал указание последнего задержать телеграмму о всеобщей мобилизации. Николай II неожиданно распорядился начать лишь частичную мобилизацию в четырех военных округах (Киевском, Одесском, Московском и Казанском), о чем и пришлось оповестить командующих округами к 11 часам вечера.

Изменение решения Николая II было вызвано тем, что в 9 час. 29 мин. вечера он получил телеграмму от германского императора (кайзера) Вильгельма II. Подталкивая Австро-Венгрию на развязывание военного конфликта с Сербией, хитрый Вильгельм II лицемерно разыгрывал в глазах Николая II роль «посредника», желавшего якобы только мирного разрешения конфликта. В телеграмме своему кузену (двоюродному брату) Ники Вилли грозно предупреждал, что «военные приготовления со стороны России... ускорили бы катастрофу» и «повредили бы» его «позиции посредника»¹. Германский кайзер и на этот раз провел своего кузена. Ввиду огромной территории и слабой сети железных дорог срок мобилизации России был в два раза большим, чем Германии. Добиваясь оттяжки всеобщей мобилизации в России, Вильгельм II рассчитывал на ослабление России к началу мировой войны в результате незащищенности ее границ. Перепуганный этими угрозами Николай II заколебался.

И вот утром на следующий день, 17 июля, Янушкевич, Сухомлинов и Сазонов пытались по телефону убедить Николая II не отменять решения всеобщей мобилизации. Царь отвечал сухо, решительно отклонял их предложения и, наконец, заявил, что вообще прекращает разговор. Очень неохотно он согласился принять в 3 часа дня Сазонова, предупредив: «У меня сегодня нет ни одной минуты свободного времени»².

Сазонову все-таки удалось переубедить царя, разъяснить ему, что нежелание вести подготовительные мероприятия «из-за страха дать повод к войне» приведет к тому, что Россия будет застигнута войной врасплох. После долгих уговоров Николай II, наконец, сдался. Обрадованный Сазонов поспешил удалиться из царского кабинета и, спустившись на нижний этаж дворца, связался по телефону с Янушкевичем. Он передал «высочайшее повеление» о всеобщей мобилизации и, опасаясь, как бы царь опять не отменил своего решения, сказал: «Теперь вы можете сломать

¹ «Переписка Вильгельма II и Николая II». М., 1923, стр. 171.

² «Красный архив», 1923, т. 4, стр. 29.

телефон» — и посоветовал Янушкевичу «исчезнуть на весь день». Начальник Генерального штаба бодро ответил: «Мой телефон испорчен»¹.

В 6 часов вечера 17 июля в обширном зале Центрального телеграфа одновременно застучали все аппараты, оповещая военные и гражданские власти России о всеобщей мобилизации, а утром 18 июля на улицах российских городов висели уже афиши о мобилизации.

19 июля (1 августа) Германия объявила войну России, через день она вступила в войну с Францией, на следующий день Англия объявила войну Германии. 24 июля войну России объявила Австро-Венгрия. Война приобрела общеевропейский характер, а вскоре превратилась в мировую империалистическую войну, втянувшую 33 государства с населением 1,5 млрд. человек.

Утром 20 июля Николай II назначил верховным главнокомандующим своего дядю — вел. кн. Николая Николаевича, начальником штаба — бездарного генерала Н. Н. Янушкевича. Начал формироваться обширный военный аппарат Ставки Верховного главнокомандующего (с местопребыванием первоначально в г. Барановичи) и фронтов (вначале Северо-Западного и Юго-Западного).

Распушенные в июне Государственная дума и Государственный совет были созваны на одноподневные заседания 26 июля.

Заседание Государственной думы прошло под знаком доверия царскому правительству. С поддержкой правительства выступили представители всех фракций, кроме социал-демократических. Большевики и меньшевики огласили общую декларацию, осуждавшую войну и противопоставлявшую ей международную солидарность трудящихся. «Не может быть единения народа с властью, — говорилось в декларации, — когда народная масса, на которую ложится все бремя войны, бесправна, когда рабочая и крестьянская печать задушена, когда рабочие организации разгромлены, когда тюрьмы переполнены борцами за свободу и счастье народа и когда мы только что пережили расстрел петербургских рабочих войсками и полицией. Не может быть единения с властью и тех многочисленных народностей России, которые подвергаются национальным преследованиям и живут в атмосфере насилия и угнетения»². Не желая принимать участие в утверждении военного бюджета, обе социал-демократические фракции покинули зал заседаний. Оставшиеся члены Думы полностью одобрили военный бюджет. Заседание окончилось исполнением царского гимна и здравицей. Оживление царило и в кулуарах Думы. Верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич обнимал Родзянко, приговаривая: «Ну, спасибо, Ро-

¹ «Красный архив», 1923, т. 4, стр. 31.

² «Государственная дума. Стенографический отчет заседания Государственной думы, созданной на основании высочайшего указа Правительствующему Сенату от 20 июля 1914 г.». СПб., 1914, стр. 19—20.

дзянко, теперь я тебе друг по гроб! Все для тебя сделаю. Скажи, что надо».

А пока представители буржуазии и помещиков демонстрировали свое единение с царем, в стране шла мобилизация. По повесткам, разосланным уездными воинскими начальниками, в уездные и городские воинские присутствия прибывали в сопровождении родственников призывники.

Они проходили несложную медицинскую комиссию, и здесь же их формировали в маршевые роты. Плач, крики матерей, жен и детей у зданий воинских присутствий сливались с хриплыми звуками гармошек. Маршевые роты направлялись к пунктам формирования воинских частей, а оттуда шли эшелоны — поезда с грузовыми вагонами («40 человек, 8 лошадей») на фронт, где у западных границ уже шли ожесточенные бои. Полностью русская армия была отмобилизована лишь на 41-й день, но под давлением союзников (главным образом Франции) она была вынуждена перейти в наступление на Западном фронте уже на 15-й день.

Вопреки хвастливым заявлениям военного министра Сухомлинова о полной готовности к войне¹, уже в первые месяцы русская армия стала испытывать недостаток в артиллерии, винтовках и боеприпасах, однако в начале войны русская армия добилась успеха. Ей удалось овладеть обширной австро-венгерской провинцией с украинским населением — Галицией, вторгнуться в пределы Восточной Пруссии. Но вскоре сказалась технико-экономическая отсталость России, неспособность царизма к ведению победоносной войны. На фронте стал остро ощущаться недостаток в боеприпасах, винтовках и артиллерии (особенно тяжелой). Начальник штаба Ставки Янушкевич писал в ноябре 1914 г. военному министру Сухомлинову о том, что из-за отсутствия артиллерии и патронов потери во многих частях достигают 30—60% личного состава. В первой половине октября 1914 г. армии не хватало 870 тыс. винтовок. «Чем меньше патронов,— писал Сухомлинову Янушкевич в декабре 1914 г.,— тем больше потери». В некоторых полках осталось всего 7—10 офицеров, солдаты без сапог, без полушубков, лишь в телогрейках. На все это Сухомлинов отвечал лишь неопределенными обещаниями. Он предполагал, что война будет скоро окончена. 27 июля 1914 г. записал в дневнике: «Немецкий волк будет, по-видимому, скоро затравлен: все против него». А на следующий день во время заседания Совета министров, к великому удивлению своих коллег, предложил позаботиться о ...приведении в порядок русских курортов, для того чтобы после войны «из России никто не ездил на воды за границу».

¹ 27 февраля 1914 г., т. е. за четыре с половиной месяца до начала войны, в петербургской газете «Биржевые ведомости» была опубликована статья «Мы готовы», написанная по указанию Сухомлинова.

Недостаток вооружения в армии он объяснял как раз этими предположениями о быстром окончании войны. «Русская армия,— признавался Сухомлинов впоследствии,— была обеспечена всего лишь едва на 6 месяцев»¹. Приспособленные к подавлению народа и к борьбе с революционным движением в стране, царский правительственный аппарат и военная бюрократия оказались неспособными к военно-хозяйственной деятельности. Правительство решительно отклоняло предложения представителей буржуазии передать ей полностью дело снабжения армии. В начале войны царь «милостливо» разрешил буржуазии и помещикам создать две общероссийские организации — Всероссийский земский союз и Всероссийский городской союз, ограничив их деятельность лишь военно-санитарным делом: созданием госпиталей, лазаретов, санитарных пунктов, укомплектованием их персоналом и снабжением медикаментами.

Передав верховное командование дяде, Николай II часто выезжал в Ставку, где заслушивал доклады главнокомандующего и членов его штаба. Иногда он даже решался на осмотр позиций: 31 октября 1914 г. Николай II по пути из Ставки побывал в Ивановгороде, где проходила линия фронта. «Видеть все это,— восторженно записал в своем дневнике царь,— было захватывающе — рядом с окопами в поле и в лесу были разбросаны могилы наших героев с крестами и надписями на них... Впечатления всего виданного за оба дня самые сильные и глубокие»².

Жестокостью и равнодушием к судьбам солдат веет от этих строк самодержавного правителя России. Ему было безразлично, что где-нибудь в орловской или тамбовской деревне, на рабочей окраине Москвы или Петрограда каждого такого покоившегося под крестом солдата, погибшего в первые месяцы войны, оплакивает семья, жена, родители, дети.

С началом войны с Германией великие князья романовской фамилии оказались весьма в щекотливом положении. В предвоенные годы многие из них поддерживали оживленное общение со своими немецкими родственниками, делали взаимные визиты, вели переписку. Денежные средства многих Романовых хранились в немецких банках. Теперь все изменилось. Родственники оказались по ту сторону фронта, а многие из них служили в армии неприятеля, например родной брат царицы — вел. герцог Эрнест Людвиг Гессенский командовал одним из армейских корпусов. Денежные вклады в немецких банках оказались замороженными.

Все это побуждало Романовых хотя бы внешне демонстрировать свой «патриотизм», проявлять какую-то ревность на военной и военно-административной службе, что вносило дополнительную дезорганизацию в сложное дело ведения войны, так

¹ В. А. Сухомлинов. Воспоминания. Берлин, 1924, стр. 317.

² ЦГАОР, ф. 601, л. 262, л. 49.

как занимавшие командные посты великие князья не подчинялись своим непосредственным начальникам.

Первый год войны вызвал на почве шовинистических настроений сплочение господствующих классов вокруг трона. Государственная дума после заседания 26 июля 1914 г. была созвана вновь на 3 дня только в начале 1915 г. (27—29 января), а потом не собиралась до лета.

Законы военного времени открывали широкий простор для неограниченной деятельности администрации, полиции, жандармерии и цензуры, упрощали судопроизводство. Относительно постоянным был и состав министров. Председателем Совета министров оставался И. Л. Горемыкин. Основные министерские посты занимали лица, назначенные еще до войны. Все они были реакционерами и черносотенцами, связанными с «объединенным дворянством».

С первых месяцев войны большевики развернули подпольную работу по организации масс на борьбу против империалистической войны. В столице и крупных пролетарских центрах появились прокламации с призывом против войны, произошли антивоенные демонстрации¹. Все это нарушало видимость «единения царя с народом» и «патриотического» подъема, о котором, захлебываясь, сообщали буржуазные газеты.

Еще в августе 1914 г. в Россию были отправлены тезисы В. И. Ленина «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне», которые легли в основу Манифеста ЦК РСДРП(б) «Война и российская социал-демократия», опубликованного 1 ноября 1914 г. Манифест призвал массы к борьбе за превращение империалистической войны в гражданскую, в революцию против господствующих классов. Буржуазно-шовинистическому лозунгу «защиты отечества» большевики противопоставляли лозунг поражения царского правительства, призывали народные массы к использованию кризиса, создаваемого войной, для свержения царизма.

Не имея возможности ликвидировать нелегальные организации большевиков, Департамент полиции искал повода, чтобы расправиться с большевистской фракцией Четвертой Государственной думы. Узнав от провокатора о предстоящем совещании членов думской фракции большевиков с представителями некоторых крупных местных организаций в Озерках под Петроградом, Департамент полиции решил действовать. На третий день совещания вечером 4 ноября жандармы и полиция ворвались в дом, где оно проходило. Всю ночь шел обыск, и утром 5 ноября арестованные участники совещания были препровождены в тюрьму, думскую пятерку вскоре освободили. Однако их вновь арестовали вечером того же дня по личному распоряжению Николая II, сде-

¹ См.: «Большевики в годы империалистической войны. 1914 -- февраль 1917 гг.». Сб. М., 1939, стр. 6--8.

ланному после доклада министра внутренних дел Маклакова¹. С благословения Николая II правительство стало готовить судебный процесс. Черносотенная пресса требовала беспощадной казни «врагов» родины. Либеральная пресса отмалчивалась. Председатель Государственной думы Родзянко лишь 30 ноября, т. е. через три с половиной недели после ареста думской большевистской пятерки, обратился с письмом к председателю Совета министров Горемыкину, «протестуя» против нарушения неприкосновенности членов Государственной думы, установленной ст. 15 «Учреждения Государственной думы» 20 февраля 1906 г.² Он упрашивал «принять соответствующие меры к ограждению впредь членов Государственной думы от незаконных действий чинов полиции»³. Но дальше этого Дума не пошла.

По призыву Петербургского комитета партии рабочие ряда фабрик и заводов, протестуя против ареста думской большевистской пятерки, выступили с забастовками протеста.

Два месяца длилось следствие. Правительство предполагало вначале передать дело в военный суд. На этом особенно настаивал министр юстиции И. Щегловитов. Озерки находились в местности, объявленной на военном положении. Кроме того, правительство предполагало предъявить думской пятерке большевиков обвинение в «предательстве» и «военной измене». Но в ходе следствия правительство вынуждено было отказаться от этой затеи. Верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич в письме к Горемыкину высказал мнение, что рассмотрение дела в военном суде «неминуемо должно было... вызвать брожение среди фабричных и иных оппозиционных элементов». Поэтому царский дядя советовал разбирать это дело в обычном гражданском суде⁴. Призрак революционного возмущения рабочих военной расправой с членами Думы — большевиками испугал и Николая II, и 28 декабря якобы «по необузданной своей милости» он указал изъять дело из военного суда и передать его гражданскому суду. Судебный процесс над пятью членами большевистской фракции Думы и другими лицами, арестованными в Озерках, состоялся 10—13 февраля 1915 г. в особом присутствии Петроградской судебной палаты с участием сословных представителей. Суд предъявил девяти лицам обвинение по I ч. ст. 102 Уголовного уложения (принадлежность к «противозаконному сообществу»), что вело к тяжелому наказанию — ссылке на вечное поселение в Сибирь и до 8 лет каторги⁵.

¹ См.: А. Бадаев. Большевики в Государственной думе. Воспоминания, изд. 8. М., 1954, стр. 385—386.

² ЗПСЗ. т. XXVI, № 27424.

³ А. Бадаев. Указ. соч., стр. 390.

⁴ Там же, стр. 402.

⁵ Хозяйка дома в Озерках Гаврилова и представители партийной организации Петрограда Н. Антипов и И. Козлов обвинялись лишь по II ч. ст. 136 Уголовного уложения («недонесение»).

Члены большевистской фракции Четвертой Государственной думы в ссылке (Г. И. Петровский, М. К. Муранов, А. Е. Бадаев, Ф. Н. Самойлов, Н. Р. Шагов). Сибирь. 1917 г.

Наступил первый день суда. «Нас,— вспоминал впоследствии Ф. Н. Самойлов — депутат от рабочих Владимирской губернии,— выстроили в обычном порядке, и через несколько минут мы вошли в большой судебный зал... Места для публики, для представителей печати в зале и на хорах были густо заполнены. Защита уже на своих местах, обвинитель тоже. На местах сзади судей сидели граф Витте, наш следователь по особо важным делам и какие-то неизвестные нам лица. Судей еще не было. На местах для публики было много членов Государственной думы. Я узнал кадетов Милюкова и Родичева, прогрессиста Ефремова, меньшевиков Скобелева и Чхенкели и многих других...»¹

Потянулись дни судебного процесса: допрос свидетелей, ознакомление суда с вещественными доказательствами (партийными материалами, изъятыми при аресте), резкая речь обвинителя — прокурора Петроградской судебной палаты Ненарокомова (с предъявлением клеветнических обвинений, вроде «протягивание руки врагам», «хотели нанести нашей доблестной армии удар в спину» и т. п.), выступления защитников, вопросы суда. Наконец, председатель суда Крашенинников огласил приговор: на вечное поселение в Сибирь были осуждены члены Государст-

¹ Ф. Н. Самойлов. По следам минувшего, изд. 3. М., 1954, стр. 314.

венной думы — большевики Г. И. Петровский, А. Е. Бадаев, М. К. Муранов, Ф. Н. Самойлов и Н. Р. Шагов, а также 4 других лица, арестованные в Озерках. Два человека приговорены к краткосрочному заключению в крепости и один «оправдан за недоказанностью»¹.

В статье «Что доказал суд над РСДР фракцией?», опубликованной вскоре после процесса в газете «Социал-Демократ», В. И. Ленин подверг глубокому анализу ход и итоги этого процесса². «Расправа с «внутренними врагами» проведена быстро,— писал он,— и на поверхности общественной жизни опять не видно и не слышно ничего, кроме бешеного воя тьмы буржуазных шовинистов да подпевания ему горсток социал-шовинистов»³.

Длительный перерыв в заседаниях «законодательных» палат Государственной думы и Государственного совета, интенсивная деятельность самого правительства, более суровые военные порядки в стране, позволявшие жандармерии, охране, полиции беспрепятственно подавлять всякие антивоенные настроения, а военной цензуре запрещать любой печатный орган,— все это создавало видимость возвращения царской России к порядкам, существовавшим до первой русской революции. На самом деле это было не так. Продолжалось разложение самодержавной монархии и ее государственного аппарата.

Большое влияние на государственные дела оказывал Григорий Распутин. Из Тобольска, куда он возвратился еще до войны, Распутин посылал царской семье ободряющие телеграммы. 19 июля в Петербург на имя фрейлины императрицы Анны Вырубовой пришла его телеграмма, адресованная царской семье. «Милыя дорогия не отчаивайтесь»; в другой телеграмме, высланной в тот же день, Распутин посетовал, что «очень трудно друг друга не видеть»⁴.

Вскоре он появился в Петербурге и стал частым и желанным гостем царской семьи, перебравшейся с начала войны в более спокойную резиденцию — Александровский дворец в Царском Селе.

При императрице Александре Федоровне и Распутине в начале войны сложился кружок лиц, оказывавших большое влияние на политику государства. В этот кружок входили нервная, упрямая и самовлюбленная дочь управляющего личной канцелярией царя А. С. Танеева, 30-летняя фрейлина императрицы Анна Вырубова; бывший командир лейб-гвардии гусарского полка, а с 1913 г. дворцовый комендант генерал-майор Владимир Воейков (ловкий казнокрад и мошенник, рекламирующий на всю Россию простую артезианскую воду из своего имения «Кувака» как мине-

¹ «Право», 1915, стр. 643—647; № 11, стр. 172.

² См.: «Социал-Демократ», 29 марта 1915 г.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 168.

⁴ «Переписка Николая и Александры Романовых», т. III. М., 1925, стр. 494.

ральную, обладающую якобы необыкновенно целебными свойствами); явные авантюристы — редактор черносотенного журнала «Голос России», чиновник Синода князь Михаил Андронников; крещеный бурят Петр Бадмаев — «доктор тибетской медицины», лечащий никому не ведомыми травами и порошками придворных и членов царской семьи; темные биржевые и банковские дельцы — директор правления Русско-французского банка Дмитрий (Митька) Рубинштейн; банкир Игнатий Манус; бывший агент Департамента полиции, прозванный за свои необычайные приключения «российским Рокамболом» Иван Манасевич-Мануилов; личный секретарь Распутина А. Симанович. В распутинский кружок входили и светские дамы: графиня Игнатьева, помещицы мать и дочь Головины, сестра А. Вырубовой — Александра Пистелькорс и др.

Поселившийся в столице Распутин устроил в своей квартире (Гороховая ул., д. 64) нечто вроде личной канцелярии. «Кого здесь не было, — вспоминала впоследствии одна из поклонниц Распутина. — И студенты, и курсистки — за пособиями, и священники, и светские дамы, и какие-то старухи, и военные аристократических полков, и монахи. Он принимал просителей, вызывая их в кабинет». Иногда вместо Распутина принимала А. Вырубова¹. За определенную сумму чиновник мог получить здесь рекомендательную записку к соответствующему министру на предмет повышения по службе, фабрикант — выгодный военный заказ, светская дама — отсрочку или освобождение по призыву в армию сына или мужа...

К весне 1915 г., сосредоточив на Восточном фронте до половины своих вооруженных сил, Германия и Австро-Венгрия подготовили в начале мая прорыв фронта у местечка Горлица (восточнее Перемышля). Здесь они имели не только численный перевес в людской силе, но и колоссальное преимущество в вооружении (артиллерии — в 6 раз, тяжелой — в 25 раз).

Под ураганным артиллерийским, пулеметным и ружейным огнем противника плохо вооруженные русские войска, нередко не отвечая на этот огонь из-за отсутствия боеприпасов, отходили на восток, теряя орудия, обозы, тысячи пленных. Вместе с армией по пыльным дорогам под палящим солнцем днем, при свете зарева пожаров ночью в центральные губернии уходили миллионы беженцев.

За летние и осенние месяцы 1915 г. русская армия была вынуждена оставить Галицию, Польшу, Литву, часть Белоруссии и Прибалтики. Лишь к зиме 1915 г. фронт закрепился на линии Рига — Двинск — Барановичи — Пинск — Дубно. Русская армия потеряла до 4 млн. человек убитыми, ранеными, пленными.

С начала 1915 г. по стране поползли слухи об «измене» в верхах. В шпионаже в пользу Германии был обвинен находящийся

¹ См.: «Русское прошлое», 1923, № 4, стр. 108.

на службе в армии жандармский полковник Мясоедов. Этот беспринципный, корыстолюбивый и жестокий жандармский чин еще до войны обвинялся в связях с немецкой разведкой, и, хотя эти сведения не подтвердились, репутация Мясоедова была сильно испорчена.

В феврале 1915 г. Мясоедова арестовали. Выдвигая против него обвинения, Ставка стремилась скомпрометировать покровительствовавшего ему военного министра Сухомлинова, которого ненавидели и верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич, и помощник Сухомлинова генерал А. А. Поливанов. Мясоедов был препровожден в Варшаву, где особый военно-полевой суд признал его без каких-либо серьезных доказательств виновным в шпионаже и мародерстве и присудил к казни. Приговор был приведен в исполнение 19 марта 1915 г.

Среди арестованных по делу Мясоедова лиц было немало друзей семьи Сухомлиновых. Стоустая молва причислила к шпионам Сухомлинова и его жену. Печать требовала суда над изменниками.

Для верховного главнокомандующего вел. кн. Николая Николаевича и его генералов, для думских деятелей — октябристов и кадетов, для интриговавшего против Сухомлинова председателя Центрального военно-промышленного комитета Гучкова обвинение Сухомлинова в «измене» стало чуть ли не единственным оправданием тяжких поражений русской армии весной и летом 1915 г.

Николай II вначале решительно противился удалению Сухомлинова, но под давлением общественного мнения был вынужден 11 июня 1915 г. обратиться из Ставки с письмом к Сухомлинову, где сообщил своему военному министру, что «интересы России и армии» требуют его ухода. Подчеркивая вынужденный характер этого совета, царь благодарил Сухомлинова за службу. «Беспристрастная история, — успокаивал он, — вынесет свой приговор, более снисходительный, нежели осуждение современников»; а через день Николай II, принимая Сухомлинова в Царском Селе с прошением об отставке, даже расцеловал его, пообещав: «С вами, Владимир Александрович, я не прощаюсь, а говорю: до свидания».

Военным министром стал близкий к думским кругам генерал А. А. Поливанов. Вслед за Сухомлиновым Николай II вынужден был отстранить министра внутренних дел Н. Маклакова, обер-прокурора В. Саблера и министра юстиции И. Щегловитова, заменив их менее реакционными лицами.

После длительного перерыва в годовщину войны, 19 июля 1915 г., была созвана Государственная дума. Пустующий Таврический дворец вновь ожил. Заполнялись зал заседаний, ложи правительства и печати, галерея для публики. За столом на возвышении восседали члены октябристского президиума во главе с Родзянко; заняли ложу члены правительства.

Были пусты лишь места большевиков. По решению царского суда еще в феврале 1915 г. их сослали в Туруханский край. Председатель Совета министров Горемыкин заверил Думу в том, что правительство собирается действовать «в полном единомыслии с законодательными учреждениями...» «Да не будет в России,— призывал он,— на время военных действий никаких партий, кроме одной — партии войны до конца... никаких программ, кроме одной — победить»¹. Его слабый голос хорошо слышался в притихшем в ожидании зале. Выступившие за Горемыкиным министры (Поливанов, Григорович, Сазонов, Барк) тоже заверяли, обещали, успокаивали.

В выступлениях членов Думы проскальзывали ноты недовольства политикой правительства. «Патриотический подъем,— как сказал в своей речи Милюков,— сменился патриотической тревогой»². Думцы «верноподданнически», но высказывают свое недовольство: тут и поражения армии, и плохое снабжение ее, и безответственные действия отдельных министров, «которым место на скамье подсудимых», измена и вообще «расхождения между обществом и правительством». Милюков от имени фракции кадетов предложил царю назначить министров, пользующихся «доверием» Думы, другая буржуазная фракция — прогрессистов предложила формировать состав правительства, «ответственного перед Думой». С каждым заседанием Думы атмосфера накалялась.

На одном из заседаний левые депутаты робко подняли вопрос о судьбе большевистской фракции Думы. Председатель думской комиссии «личного состава» «златоуст» кадет Василий Маклаков (брат министра внутренних дел — черносотенца Николая Маклакова) дал «разъяснения». Осуждение пяти членов социал-демократов, сказал он, конечно, «крупная политическая бестактность», но ставить вопрос на обсуждение сейчас «бесполезно», так как «приговор, вошедший в силу, для законодательных палат все-таки обязателен», а «колебать независимость судебного приговора, вошедшего в законную силу, есть посягательство на основы государственного порядка»³. Судьба большевиков — депутатов рабочих в Думе — кадета Маклакова не волновала.

К середине августа в Государственной думе и Государственном совете возник так называемый «Прогрессивный блок», в который вошло $\frac{2}{3}$ состава Думы (все фракции, кроме правых и левых) и значительная часть членов Государственного совета (кроме правых). «Прогрессивный блок» ставил своей задачей убедить царя и его министров «встать на новый путь». Блок предлагал царю полное обновление состава министров, создание

¹ «Государственная дума. Стенографический отчет». Созыв 4. Сессия 4. 1915, стб. 10.

² Там же, стб. 92.

³ Там же, стб. 737—738.

правительства, «сильного доверием общества»¹. Программа блока предусматривала и некоторые другие реформы: изменение бюрократических приемов управления, мероприятия в области национальной политики (отмена ограничений для евреев, автономия Польши), свободу вероисповеданий, пересмотр земского положения, ослабление цензурного гнета и пр. Программа включила даже «меры для поддержания социального мира»: уравнивание в правах с другими сословиями крестьян, восстановление прав профсоюзов и рабочей печати, прекращение преследования рабочих представителей в больничных кассах и т. д. «Дайте нам это как оружие, чтобы вести за собой массы», — объяснил истинный смысл «социальной» программы блока при ее обсуждении один из его членов — националист Савенко.

По поручению блока П. Н. Крупенский 24 августа передал эту программу правительству.

Для руководства деятельностью блока избрали бюро в составе 35 человек под председательством члена Государственного совета А. Н. Меллер-Закомельского; в состав бюро вошли П. Н. Милоков, А. Н. Шингарев, В. В. Шульгин и др.

Неспособность самодержавия и царской бюрократии вести войну, а также стремление буржуазии принимать большее участие в организации военного хозяйства подтолкнули буржуазию на создание военно-промышленных комитетов, целью которых являлась координация работ всей промышленности, снабжение ее металлами, топливом и сырьем, забота о пополнении рабочей силы на предприятиях, распределение правительственных заказов. Первым председателем Центрального военно-промышленного комитета стал угольный король Донбасса Н. Авдаков, а после его смерти — А. Гучков; товарищем председателя — московский фабрикант А. Коновалов. Московский областной военно-промышленный комитет возглавлял банкир и текстильный фабрикант П. Рябушинский, Киевский — сахарозаводчик и банкир М. Терещенко, Харьковский — угольный капиталист фон Дитмар и т. д.

Царское правительство было вынуждено закрепить образование военно-промышленных комитетов законом 27 августа 1915 г.

Поражения русской армии весной и летом 1915 г. усилили германофильские настроения при царском дворе. По совету Распутина царица уговорила Николая II назначить себя верховным главнокомандующим. 23 августа Николай II появился в Ставке

¹ На квартире крупного московского фабриканта П. Рябушинского 13 августа был составлен даже список членов правительства во главе с М. Родзянко. Большинство портфелей (9 из 12) получали лидеры думских буржуазных фракций (министр иностранных дел — Милоков, финансов — Шингарев, путей сообщения — Некрасов и др.) и капиталисты (Гучков — министр внутренних дел, Коновалов — министр торговли и промышленности). Три министерских портфеля «Прогрессивный блок» предоставлял либеральным царским министрам (Поливанов — военный министр, Кривошеин — земледелия и землеустройства, гр. Игнатъев — народного просвещения).

(с лета 1915 г. она находилась в Могилеве) и на следующий день подписал рескрипт и приказ по армии о принятии верховного командования. «Господи,— взывал он в своем дневнике,— помоги и вразуми меня!»¹. Никакие призывы к божьей помощи не могли улучшить руководства армией. При всех своих недостатках вел. кн. Николай Николаевич был профессиональным военным, чего нельзя было сказать о Николае II, который, как известно, в юности проходил лишь военную стажировку в двух гвардейских полках и едва выслужил чин полковника. Не помогло и назначение нового начальника штаба Ставки: вместо легкомысленного Янушкевича был назначен М. В. Алексеев, способный, но недостаточно самостоятельный в решениях генерал.

Смена верховного командования вызвала недовольство даже в правительстве. Восемь министров обратились к царю с письмом, умоляя его изменить свое решение.

Царь и верхи бюрократии отрицательно относились к «Прогрессивному блоку». Горемыкин добился у царя указа о перерыве в работе Думы и вечером 2 сентября вручил его Родзянко. Члены Думы на заседании 3 сентября стоя выслушали царский указ, крикнули верноподданническое «ура!» и разошлись.

Рост стачечного движения, принимавшего острополитический характер, парализовал деятельность буржуазной оппозиции. «Возникшее среди рабочих движение...— доносил царю министр внутренних дел кн. Н. Б. Щербатов,— оказало отрезвляющее действие на общество»².

Оценивая обстановку в России осенью 1915 г., В. И. Ленин указывал на наличие в стране революционной ситуации. Он отмечал следующую последовательность событий: «Поражение армий царской монархии— рост стачечного и революционного движения в пролетариате— брожение в широких массах— либерально-октябристский блок для соглашения с царем на программе реформ и мобилизации промышленности для победы над Германией»³. Разгон Думы в ответ на образование «Прогрессивного блока» Ленин расценивал как «одно из самых рельефных проявлений революционного кризиса в России»⁴.

Взяв в свои руки верховное руководство армией и распустив Думу, Николай II зачастил из Ставки в Царское Село. За 21 неделю пребывания на посту верховного главнокомандующего в 1915 г. Николай II находился в Ставке лишь 9 недель, а в Царском Селе около 7 недель; остальное время он провел в разъездах, инспектированиях и смотрах формирующихся в тылу частей⁵.

¹ ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 263, л. 72.

² Цит. по кн.: В. П. Семенов. Политика Романовых накануне революции. М.— Л., 1926, стр. 48.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 27, стр. 26.

⁴ Там же.

⁵ Подсчитано по дневнику Николая II (ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, дд. 261—264).

Да и за время пребывания в Ставке Николай II мало уделял внимания руководству армией. С утра он выслушивал доклады начальника штаба и других чинов Ставки, а затем шли занятия, далекие от военного руководства: прогулки в окрестностях Могилева, неизменная игра в домино и кости с чинами свиты, составление ответных писем к «Аликс», прием прибывших в Ставку министров. В начале октября 1915 г. Николай II вернулся в Ставку с наследником — 11-летним мальчиком; в середине октября на недолгое время в Могилев приезжала царица с дочерьми.

Вскоре Николай II с наследником посетили позиции на Юго-Западном фронте, что в условиях стабилизации и фронтового затишья никакой опасности не представляло. Тем не менее холуйствующие генералы использовали это как предлог для награждения Николая II высшим военным отличием России — орденом Георгия Победоносца. Инициатором выступил командующий фронтом генерал Н. И. Иванов, знавший, что Николай II не раз намекал об этом генералу Алексееву.

Заседание кавалерской думы фронта 21 октября отмечало, что присутствие царя на позициях показало «пример истинной воинской доблести и самопожертвования», постановило просить Николая II «возложить на себя» орден Георгия 4-й степени. 11-летний наследник Алексей тоже был награжден серебряной медалью 4-й степени на Георгиевской ленте¹.

С середины 1915 г. влияние Распутина на царскую политику необычайно возросло.

При очередном приезде в Царское Село Николай II спешил встретиться с «нашим Другом» и проводил с ним целые вечера. Распутин почти постоянно упоминался в переписке Александры Федоровны и Николая II. Засыпая мужа ворохом писем, царица после самых нежных обращений давала ему советы по вопросам управления, назначения и увольнения должностных лиц и даже по военным операциям. Эти советы исходили от Распутина, а подчас от самой императрицы. Она писала: «Птичка моя — необходимо разогнать Думу», «Мое солнышко, выгони этих министров», «Сазонов — дурак», «все министры — настоящие дураки», «министры — мерзавцы», «в Думе все дураки», «в Ставке — сплошные идиоты», «дипломатов наших надо повесить» и т. п. Как видно, в выражениях и в оценке своих ближайших слуг — министров — императрица не стеснялась. И всегда она советует царю во всем слушаться Распутина: «Надо всегда делать то, что он говорит. Его слова имеют всегда глубокое значение»; «Этот человек, посланный нам богом»; «Думай больше о Друге перед всякой трудной минутой» и т. п. Николай II чаще всего соглашался с советами и предложениями Распутина и императрицы.

В 1916 г. царская Россия вступала в условиях глубокой хозяйственной разрухи, нарастания недовольства народных масс

¹ См.: М. Лемке. 250 дней в царской Ставке. Пг., 1920, стр. 187—188.

и антивоенных настроений в тылу и на фронте. С целью предотвращения революции придворная камарилья Распутина и Александры Федоровны толкает Николая II на установление военно-политической диктатуры в стране, на ограничение буржуазных общественных организаций, на путь заключения сепаратного мира. Престарелый председатель Совета министров И. Л. Горемыкин больше не соответствовал интересам распутинской группы, был слишком нерешителен и апатичен. На этот пост претендовал один из ставленников Распутина — министр внутренних дел А. Хвостов, но Распутин наотрез отказался поддерживать притязания своего легкомысленного собутыльника «Алешки»¹: «Так не годится. Надо над тобой старшего посадить. А ты оставайся «внутренним»². Член распутинского кружка, авантюрист И. Ф. Манасевич-Мануилов, только что освобожденный Распутиным от суда по обвинению в шантаже и вымогательстве денег, указал на кандидатуру Бориса Штюрмера, циничного чиновника-черносотенца, занимавшего ранее ряд важных постов, но затем из-за грязных денежных дел отовсюду отставленного, кроме Государственного совета. На квартире у распутинского друга и ставленника петербургского митрополита Питирима состоялась встреча с кандидатом на пост премьера. Высокий, затянутый в камергерский шитый золотом мундир, Штюрмер почтительно выслушал наставления Распутина и заверил его в своей преданности. Распутин обещал переговорить с «папашкой», т. е. с Николаем II. И вот 7 января 1916 г. в Ставку полетело письмо императрицы. «Милый,— писала она,— не знаю, но я все-таки подумала бы о Штюрмере. У него голова вполне свежа». Она отвергла Хвостова («слишком молод») и приводела последний аргумент: Штюрмер «высоко ставит Григория, что очень важно»³. Николай II согласился, высказав лишь замечание о немецкой фамилии Штюрмера, на что последовал незамедлительный ответ последнего, что он согласен на замену своей фамилии на русскую. Николай II отверг такую «жертву» 68-летнего чиновника.

20 января 1916 г. Штюрмер вступил на пост председателя Совета министров и, являясь послушным исполнителем воли Распутина и императрицы, приступил к подготовке реакционных мероприятий. Однажды он попытался в чем-то проявить самостоятельность, но получил жестокий нагоняй от Распутина. Новый начальник канцелярии председателя Совета министров И. Ф. Манасевич-Мануилов со страхом прислушивался к тому, как в соседней комнате (дело происходило на квартире Питирима) Распутин распекал Штюрмера. «Ты не смеешь,— кричал он,—

¹ Так Распутин обычно именовал А. Хвостова.

² Т. е. министром внутренних дел («Падение царского режима», т. I. Л., 1925, стр. 73).

³ «Переписка Николая и Александры Романовых», т. IV. М.—Л., 1926, стр. 29.

идти против желания мамыши!» Штюмер что-то бормотал в оправдание. «Смотри,— заключил Распутин,— чтобы я от тебя не отошел, тогда тебе крышка!» После отъезда Штюмера Распутин сказал Манасевичу: «Он, старикашка, должен ходить на веревочке, а если это не так будет, то ему шея будет сломана»¹.

9 февраля 1916 г. была созвана Государственная дума, прервавшая свою работу еще в сентябре 1915 г. Чтобы ослабить оппозиционные настроения «Прогрессивного блока», царь, по совету Распутина, решил внешне продемонстрировать «единение» с Думой. Перед началом заседания кто-то шепнул Родзянко, что к Таврическому дворцу подъехал царь и направляется со свитой к входу. Грузный предсатель, неестественно широко расставляя ноги, рысью понесся вниз к вестибюлю, за ним, не поспевая, побежали другие члены президиума и старейшины фракции. Через несколько минут в Екатерининском зале появился царь в походной куртке в сопровождении брата Михаила — командира «дикой» дивизии. Наскоро отслужили молебен, Николай II произнес приветственное слово. В ответной речи Родзянко, приветствуя царя, восторженно сказал, что «свершилось великое историческое событие — государь посетил Думу»². Николай II прошел в зал заседаний, постоял некоторое время, поглядел на кричавших «ура!» членов Думы и уехал. Маневр вполне удался, и речи думских ораторов во время этой сессии носили весьма сдержанный характер.

Штюмер приступил к проведению мероприятий «нового курса», который начал с некоторой замены в правительстве. Первым довольно неожиданно для общественности был снят с поста министра внутренних дел ставленник Распутина А. Хвостов. Недовольный своим покровителем за противодействие в назначении председателем Совета министров и желая, по-видимому, поднять свой престиж в глазах Думы и буржуазной общественности, Хвостов замыслил ряд враждебных актов против Распутина, за что и был 3 марта 1916 г. снят с министерского поста. Министром внутренних дел стал по совместительству тот же Штюмер.

Через две недели был смещен близкий к буржуазной общественности и к Государственной думе военный министр генерал А. А. Поливанов; его заменил скромный интендантский генерал Д. С. Шуваев.

8 марта 1916 г. последовал указ об отставке Сухомлинова «с мундиром и пенсией»³. Эта попытка окончательно реабилитировать сильно скомпрометировавшего себя бывшего военного министра вызвала взрыв негодования в армии, в Государственной

¹ «Падение царского режима», т. II. Л., 1925, стр. 48—49.

² Цит. по кн.: В. П. Семенов. Монархия перед крушением (1914—1917 гг.). М.—Л., 1927, стр. 113.

³ Почетная форма отставки чиновников, имевших большие заслуги перед государством.

думе, во всей стране, откровенное недовольство высказали и союзники.

20 апреля, т. е. через 10 месяцев после отстранения Сухомлинова с поста военного министра, Николай II был вынужден дать распоряжение о судебном деле против него. Сухомлинова арестовали и заключили в Трубецкой бастион Петропавловской крепости. Собранные следствием материалы давали возможность выдвинуть против Сухомлинова самые тяжкие обвинения в государственной измене, шпионаже, превышении власти, бездействии и мошенничестве.

Связанная с придворными кругами жена Сухомлинова развернула бурную деятельность по облегчению участи супруга. За Сухомлинова хлопотали Распутин, Вырубова, царица.

В результате этого мрачный крепостной каземат, где томились и умирали в прошлом поколения революционеров, превратился в номер приличной гостиницы: здесь появились мебель, белье, книги. Сухомлинов получил право на длительные прогулки, на частые встречи с женой. Комендант крепости, генерал Никитин, старый знакомый и сослуживец Сухомлинова, знавший о высоком покровительстве узнику со стороны царя и царицы, нередко заглядывал в эту единственную уютную камеру крепости.

Через царицу Распутин посоветовал Николаю II прекратить заседания Думы и «велеть им разъехаться по деревням и следить за ходом полевых работ»¹. 20 июня заседания Думы прекратились.

По рекомендации Распутина и царицы покорный Штюмер получил диктаторские полномочия. 28 июня он возглавил новое учреждение «Особое совещание министров для объединения всех мероприятий по снабжению армии и флота и организации тыла». Особое совещание не столько руководило снабжением армии, сколько ограничивало деятельность буржуазных организаций, запрещало всякие съезды, закрывало собрания и т. п. Для предотвращения забастовок подготавливалось введение военных порядков на фабриках и заводах; разрабатывались меры по дальнейшему ущемлению печати.

Планам придворной камарильи по заключению сепаратного мира мешал министр иностранных дел С. Д. Сазонов, сторонник союзников и продолжения войны². Опасаясь противодействия союзных правительств Англии и Франции, царское правительство долго не решалось его сменить. К лету Распутин стал твердить в своем окружении: «Надоел мне этот Сазонов, надоел...» По ходатайству царицы, Распутина и Штюмера Николай II 7 июля, наконец, оставил Сазонова, официально «по состоянию здоровья», «пошатнувшегося под влиянием непосильного труда».

¹ «Переписка Николая и Александры Романовых», т. IV, стр. 300.

² См.: М. Палеолог. Царская Россия накануне революции. М.—Пг., 1923, стр. 163—164.

Пост министра иностранных дел достался тому же Штюмеру. Правда, его освободили от обязанностей министра внутренних дел. И этот пост занял А. А. Хвостов — дядя опального «Алешки» Хвостова, бывший до этого министром юстиции. Распутинская клика смотрела на А. А. Хвостова как на временную фигуру и подыскивала полностью преданного человека. Николай II, царица и Распутин перетасовывали и меняли министров с поразительной быстротой, что было характерным признаком разложения правительственного аппарата. За два с половиной года с начала войны и до Февральской революции в России сменилось четыре председателя Совета министров, шесть министров внутренних дел, три министра юстиции, четыре министра земледелия, три министра путей сообщения, четыре военных министра, три министра иностранных дел и т. д.

Черносотенец В. Пуришкевич в одной из речей в Государственной думе (12 февраля 1916 г.) назвал эту частую смену министров и перебрасывание их из одного министерства в другое «министерской чехардой».

Николай II и в 1916 г. делил свое время между верховным командованием в Ставке и семейным очагом в Царском Селе. За 14 месяцев (1916 г. и начало 1917 г.) Николай II пробыл в Ставке лишь 7 месяцев, а более 4 месяцев в Царском Селе¹. Стиль «военного руководства» царя всеми армиями и фронтами не изменился. Вот одна лишь, но типичная, повседневная запись в дневнике «верховного главнокомандующего» Николая II: «26 апреля. Вторник. Дивный день. Утром погулял до чая. Доклад был продолжительный. Днем сделал отличную прогулку по Днестру ниже монастыря. Много погреб в двойке. После чая и вечером читал и писал»². Летом в Ставке довольно долго гостила императрица с дочерьми.

Распутинская клика подыскивала подходящую кандидатуру на пост министра внутренних дел, более энергичного и молодого, чем Штюмер. И такой кандидат нашелся. Летом 1916 г., чтобы рассеять подозрения союзников в отношении Штюмера и замыслов придворной камарильи, правительство направило в Англию и Францию русскую «парламентскую делегацию» (из членов Государственной думы и Государственного совета) во главе с товарищем председателя Думы октябристом А. Д. Протопоповым. Крупный суконный фабрикант, банкир и богатый помещик, представительный и холерный барин, Протопопов произвел самое благоприятное впечатление на союзников³. Однако на обратном пути в Стокгольме в гостинице Протопопов встретился с советни-

¹ Подсчитано по дневнику Николая II (ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, дд. 263—265).

² ЦГАОР, ф. 601, оп. 1, д. 264, л. 63.

³ А. Д. Протопопов был председателем союза суконных фабрикантов России и владельцем крупнейшей в России Румянцево-Сильвестровской суконной фабрики и 7000 десятин земли (Д. З а с л а в с к и й. Последний временщик Протопопов. Л., 1927, стр. 19).

ком германского посольства Варбургом, что послужило впоследствии основанием для обвинения Протопопова в германофильстве. Вскоре после возвращения в Россию Протопопова вызвали в Ставку к царю. Николай II остался очень доволен двухчасовым докладом Протопопова, пригласил его к обеду, а на следующий день в письме к Александре Федоровне выразил свое полное удовлетворение: «Вчера я видел человека, который мне очень понравился — Протопопов, товарищ председателя Государственной думы. Он ездил за границу с другими членами Думы и рассказывал мне много интересного»¹.

16 сентября 1916 г. по рекомендации Распутина Николай II назначил Протопопова управляющим Министерством внутренних дел².

Протопопов быстро вошел в распутинский кружок, стал получать указания непосредственно от Распутина и царицы, отеснив Штюрмера от руководства в правительстве; он пользовался большим доверием Распутина и лично получил от него кличку — Калинин. «Сердце Калинина простое,— писал Распутин А. Вырубовой в Ставку³,— что скажет Калинин, то пусть и будет, а вы его еще раз кашей покормите. Моя порука этот самый Калинин, а вам разум пусть войдет...»⁴ Так в иносказательной форме Распутин поучал царя и царицу.

Административно-полицейский гнет в стране особенно возрос к осени 1916 г. Протопопов давал указания об усилении репрессий за забастовки и крестьянские волнения, настаивал на «обуздании» печати. Товарищ министра внутренних дел Курлов распорядился на случай волнений в городах вооружить полицию пулеметами.

Одновременно Министерство внутренних дел содействовало освобождению осужденных ранее за темные финансовые дела и подозреваемых в шпионаже банкиров Рубинштейна, Гопнера и др. В числе прочих освободили из крепости и Сухомлинова.

1 ноября 1916 г. возобновились заседания Государственной думы. С думской трибуны Родзянко объявил о том, что Протопопов отказался от думской должности товарища председателя Государственной думы. «Пусть уйдет из Думы совсем!» — закричали в зале. Еще летом 1916 г. Родзянко в своих устных и письменных докладах царю умолял его «успокоить общественное мнение». Во вступительном слове при открытии заседаний Думы он пытался это сделать сам. «Обязанностью Думы,— заявил он,— должна быть спокойная и тщательная оценка положения и

¹ «Переписка Николая и Александры Романовых». т. IV, стр. 381.

² Министром он был утвержден лишь 20 декабря 1916 г. («Падение царского режима», т. IV. Л., 1926, стр. 64).

³ В случае отсутствия в Царском Селе царя и царицы Распутин передавал им свои поучения и указания в форме телеграмм к Вырубовой.

⁴ «За кулисами царизма. Архив тибетского врача Бадмаева». Л., 1925, стр. 45; «Былое», 1917, № 5—6, стр. 230.

немедленное устранение того (голоса слева: «Не того, а кого»), чего быть не должно и что мешает стране достигнуть единой намеченной цели»¹.

Однако тон думских выступлений был беспокойным. И вот на трибуну при общем шуме и волнении зала поднимается один из вождей «Прогрессивного блока» — кадет П. Н. Миллюков. «С тяжелым чувством я вхожу сегодня на эту трибуну», — начал он свое выступление. Его речь была направлена против «темных сил» в стране. В очень осторожной форме он говорил о предательстве при дворе, намекал на саму царицу и ее окружение. Сообщая факт неумелой и продажной политики правительства, Миллюков обращался с вопросом к затихшему залу: «Что это — глупость или измена?»² Речь Миллюкова задавала тон. Впоследствии Миллюков самодовольно заявил, что 1 ноября 1916 г. стало «началом русской революции»³. Но думские оппозиционеры и не думали о революции, они боялись ее. Выступивший от имени «Прогрессивного блока» Шидловский заявил, что правительство «в настоящем составе» не способно справиться с революцией и «должно уступить место» лицам, готовым в своей деятельности «опираться на большинство Государственной думы и провести в жизнь ее программу»⁴.

Сразу же после речи Миллюкова Штюмер собрал заседание Совета министров, чтобы привлечь его к ответственности за оскорбление. Но к ноябрю 1916 г. репутация самого Штюмера в глазах придворной камарильи расценивалась невысоко, считалось, что он не оправдал возлагаемых на него надежд. 10 ноября Штюмер получил отставку с поста председателя Совета министров. Не посоветовавшись с Распутиным и царицей, Николай II назначил на этот пост А. Ф. Трепова, представителя полицейской династии Треповых, родного брата «диктатора» 1905 г. Д. Ф. Трепова; за А. Треповым был сохранен и пост министра путей сообщения.

Это назначение вызвало раздражение и Распутина, и Протопопова; между последним и Треповым возникла открытая борьба за влияние в Совете министров. Трепов даже пытался отстранить... Распутина! Он предложил ему через придворного генерала Мосолова 200 тыс. руб., чтобы тот не вмешивался в политику и не мешал Трепову. Распутин стал убеждать царицу, что «нельзя держать Трепова... он негож, фамилия эта несчастливая»⁵.

¹ «Государственная дума. Стенографический отчет». Созыв 4. Сессия 5, 1916, стб. 1—3.

² Там же, стб. 35—48.

³ П. Н. Миллюков. История второй русской революции, т. I, вып. 1. София, 1921, стр. 34.

⁴ «Государственная дума. Стенографический отчет». Созыв 4. Сессия 5, стб. 134.

⁵ «Падение царского режима», т. II. Л., 1925, стр. 60—61.

Глубокий хозяйственный и политический кризис, переживаемый Россией в 1916 г., вызвал среди господствующих верхов тревогу и опасения. Страх перед возможностью революции породил в их среде два заговора — буржуазии и думского оппозиционного блока, а также придворных черносотенных кругов. По поводу первого не раз писал В. И. Ленин. «Но если поражения в начале войны,— отмечал он,— играли роль отрицательного фактора, ускорившего взрыв, то *связь* англо-французского финансового капитала, англо-французского империализма с октябристско-кадетским капиталом России явилась фактором, ускорившим этот кризис путем прямо-таки *организации заговора* против Николая Романова»¹. Здесь же В. И. Ленин называл и непосредственных участников заговора — «частью генералитета и офицерского состава армии и петербургского гарнизона»².

Вдохновителями первого заговора явились императрица Александра Федоровна и Распутин. Опираясь на придворные и черносотенные круги России, они рассчитывали на то, что заключение сепаратного мира с Германией и Австро-Венгрией (а осторожное прощупывание такой возможности шло и с той и с другой стороны с 1915 г.) поможет справиться с революционным движением, подавить оппозицию буржуазии и упрочить позиции самодержавия.

Для этого нужно было, как подсказывали черносотенцы, ввести в стране военное положение, назначить министров и генералов только из особо преданных лиц, провести военизацию заводов, запретить многие газеты и журналы, назначить правительственных чиновников в земской и городской союзы и военно-промышленные комитеты и т. п.

В проведении этой программы большое место отводилось министру внутренних дел Протопопову, который заявил: «Я спасу Россию. Я чувствую, что я призван вытащить Россию из беды, спасти»³. Заговорщики толкали царя на реализацию этой программы. «Я глубоко убеждена, что близятся великие и прекрасные дни твоего царствования и существования России,— писала Александра Федоровна царю за два с половиной месяца до свержения самодержавия.— Только сохрани бодрость духа. Покажи всем, что ты властелин, и твоя воля будет исполнена». Несколькими днями спустя она приказывала: «Будь Петром Первым, Иваном Грозным, Павлом, сокруши их всех»⁴. Придворно-черносотенные круги были недовольны нерешительностью царя, и Распутин все чаще говорил окружающим, что царь «негож», что «папаша ничего не понимает — что право, что лево».

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 15.

² Там же, стр. 16.

³ «Былое», 1923, кн. 21, стр. 238.

⁴ «Переписка Николая и Александры Романовых», т. V. М.—Л., 1927, стр. 154, 188.

Другой заговор созрел в среде буржуазии и думского оппозиционного блока. За время войны буржуазия России «чрезвычайно быстро организовалась политически, забирая в свои руки и местное самоуправление, и народное образование, и съезды разных видов, и Думу, и военно-промышленные комитеты и т. д. Этот новый класс «почти совсем» был уже у власти к 1917 году»¹. Буржуазия настороженно относилась к планам придворной камарильи, которая стремилась возвратить Россию к формам правления XIX в.

Заговорщики из думского «Прогрессивного блока» поддерживали некоторые видные генералы, командующие фронтами, — Н. В. Рузский, А. А. Брусилов, командир конного корпуса Крымов, послы союзников — французский М. Палеолог и английский Д. Бьюкенен, которые проявляли необыкновенную активность, пытаясь объединить и сплотить различные оппозиционные группировки. Опасаясь, что открытый государственный переворот может вызвать революцию, заговорщики остановились на варианте дворцового переворота: предполагалось во время переезда Николая II из Ставки в Царское Село или обратно с помощью небольшой воинской части арестовать царя, вынудить его отречься от престола в пользу брата Михаила, близкого к буржуазным кругам и готового к выполнению программы «Прогрессивного блока» и продолжению войны до победного конца. В заговор были посвящены даже некоторые члены императорской фамилии, недовольные политикой Николая II и считавшие, что императрица и Распутин ведут монархию к гибели.

В условиях глубокого кризиса экономики и государственного строя и придворно-черносотенные круги, и буржуазная оппозиция боялись предпринять что-либо решительное, ограничивались устными и письменными планами, разговорами на частных квартирах и в салонах, иногда думскими выступлениями. Несмотря на некоторые противоречия и расхождения во взглядах на внутреннее состояние России, ее правительственного аппарата и ведение войны, царизм и буржуазия были тесно связаны между собой, нуждались друг в друге и смертельно боялись революции. Этот страх фактически парализовал усилия обеих группировок. Известную растерянность вносили в оба лагеря и разлад, отсутствие единства внутри каждого из них.

Правительство Николая II накануне второй революции в России отличалось «дикой растерянностью... полной потерей головы»². Одна из групп заговорщиков решила путем убийства Распутина обезглавить придворную камарилью, наивно полагая, что после этого удастся найти общий язык буржуазно-думской оппозиции с царем.

В день роспуска Государственной думы в обширнейшем Екатерининском зале Таврического дворца беседовали стройный

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 18.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, стр. 152.

молодой депутат-националист В. В. Шульгин и невысокий человек в пенсне В. М. Пуришкевич.

— «Послушайте, Шульгин. Вы уезжаете, но я хочу, чтобы вы знали... Запомните 16 декабря». Умное лицо Шульгина изобразило удивление: — «Зачем?»

— «Увидите», — загадочно промолвил Пуришкевич, и, видимо, тяготясь от расправившей его тайны, добавил важно: «16-го мы его убьем!»

— «Кого?» — «Гришку!» Шульгин стал возражать. Лицо Пуришкевича исказила гримаса: «Вы белоручка, Шульгин. Монархия гибнет, а с ней мы все, а с нами Россия... Убью его как собаку...»

И вот наступило 16 декабря. Вечером во дворце Юсуповых на Мойке собралось несколько человек: хозяин дома князь Юсупов, женатый на племяннице царя Ирине Александровне, гусарский офицер вел. кн. Дмитрий Павлович, Пуришкевич, армейский капитан Сухотин и военный врач Станислав Лазоверт. После небольшого совещания в 12-м часу ночи Юсупов в сопровождении Сухотина и Лазоверта направился на квартиру Распутина. Юсупову удалось уговорить падкого на кутежи Распутина поехать в свой дом. Зная слабость Распутина к молодым красивым женщинам, он добавил: «Моя жена хочет познакомиться с тобой». В подтверждение своего дружеского расположения Юсупов даже облобызал Распутина. Мощная машина Юсупова быстро доставила Распутина в особняк на Мойке. Там уже его ждал накрытый стол с любимым распутинским вином мадерой и с пирожными. Из верхних комнат дворца слышалась громкая музыка граммофона. Распутин занял место за столом, выпил отравленное цианистым калием вино, съел несколько отравленных пирожных, но чувствовал себя прекрасно. И только время от времени осведомлялся: «Когда же придет сверху молодая хозяйка — красавица великая княгиня Ирина Александровна?» Заговорщики растерялись. Юсупов решил действовать: он выстрелил в Распутина. Огромный бородач в шелковой рубашке, бархатных штанах и блестящих сапогах бросился на хилого Юсупова и стал его душить, но затем, обессилив, упал на пол.

Казалось, что все кончено. Заговорщики вышли в соседнюю комнату, чтобы решить, что же делать дальше. Каково же было их удивление, когда, вернувшись, обнаружили комнату пустой. Распутин исчез. Выбежали во двор и увидели, что Распутин ползет по снегу, оставляя за собой кровавый след. Двумя выстрелами в упор Пуришкевич прикончил Распутина. Прибежавшему на выстрелы полицейскому Юсупов любезно пояснил, что он во дворе убил «взбесившуюся собаку». Труп Распутина захищнули в мешок, и управляемая Лазовертом машина (в нее сели Дмитрий Павлович и Сухотин) помчалась по заснеженным проспектам и набережным в холодную зимнюю петербургскую ночь. Про-

езжая у Елагина моста через Малую Невку, заговорщики увидели прорубь. В нее и бросили мешок с трупом¹. Над Петроградом брезжил рассвет.

На следующий день, 17 декабря, Александра Федоровна в срочной телеграмме сообщила Николаю II, что «наш Друг исчез с прошлой ночи»; в тот же день в Ставку были направлены еще две телеграммы, 18 декабря — еще три². Царь, только 4 декабря покинувший Царское Село, оставил все фронтовые дела и 18 декабря поспешно выехал из Ставки.

За участие в убийстве Распутина Николай II выслал Ф. Юсупова из Петрограда в одно из его имений, а вел. кн. Дмитрий Павлович после домашнего ареста был выслан в русский экспедиционный корпус генерала Баратова в Персию.

Убийство Распутина укрепило позиции Протопопова, оставшегося теперь единственным советником царя и царицы. Настаивавший ранее на удалении Протопопова председатель Совета министров А. Ф. Трепов сам получил отставку 27 декабря 1916 г., пробыв на этом месте всего 48 дней. Пост председателя Совета министров получил князь Н. Д. Голицын, бывший ранее членом Главного управления Красного креста и председателем Комитета по оказанию помощи русским военнопленным. Впоследствии он сам признавался, что у него не было никакой политической программы. Таков последний председатель Совета министров царского самодержавия.

После похорон Распутина Николай II долго находился в Царском Селе и отбыл в Ставку лишь 22 февраля. А вслед Александра Федоровна направила письмо, в котором писала: «Кажется, дела поправляются, только, дорогой, будь тверд, покажи властную руку, вот что надо русским. Покажи порой свой кулак. Они сами просят этого — сколь многие недавно говорили мне: «Нам нужен кнут». Это странно, но такова славянская натура — величайшая твердость, жестокость даже и горячая любовь»³. Так писала за неделю до отречения российскому императору Николаю II его жена, немецкая принцесса.

Россия уже жила грядущей революцией, и ее дыхание ощущали многие. Более двух с половиной лет продолжалась война, унося с каждым днем все новые и новые людские жертвы, обрекая на огромные лишения широкие народные массы. В стране разрасталась хозяйственная разруха, ширились бедствия и нищета народных масс. В городах у булочных и продовольственных лавок еще с ночи выстраивались очереди: назревал голод.

Новый, 1917 г. начался с грозных революционных предзнаменований. В Петрограде 9 января под руководством столичного комитета большевиков началась политическая стачка, в которой

¹ См.: Ф. Ф. Юсупов. Конец Распутина. Воспоминания. Париж, 1927; «Вопросы истории», 1965, № 3, стр. 211—227.

² См.: «Переписка Николая и Александры Романовых», т. V, стр. 205—207.

³ Там же, стр. 208.

приняло участие до 300 тыс. питерских рабочих¹. Волна стачек прокатилась по всей стране. Нарастало брожение в деревне, революционные настроения волновали и армию.

Забастовки, начавшиеся под руководством большевиков 13—14 февраля, не затухали вплоть до революции. Они показали, что руководство рабочим классом находится в руках большевиков.

Незадолго до начала революции, во второй половине февраля 1917 г., Петербургский комитет большевиков выпустил обращение «Ко всем рабочим и работницам Петрограда», призывая их совместно с крестьянами мобилизовать силы на борьбу за свержение царизма, за создание Временного революционного правительства².

По призыву большевиков 23 февраля (8 марта), в Международный женский день, на фабриках и заводах проводились многочисленные собрания. С требованиями «Хлеба!», «Долой войну!», «Долой самодержавие!» работницы и рабочие вышли на улицы. На многих предприятиях, особенно в рабочем Выборгском районе столицы, начались забастовки. По официальным данным, в этот день на 50 предприятиях забастовало до 90 тыс. рабочих. Стачка превратилась в мощную политическую демонстрацию. Только к концу дня конным городским удалось восстановить порядок, но ненадолго.

На следующий день, 24 февраля, в столице уже бастовало 200 тыс. рабочих. С пением «Марсельезы», «Варшавянки», «Смело, товарищи, в ногу», с криками «Долой царя!», «Долой войну!», «Хлеба и мира!» с рабочих окраин устремлялись в центр мощные потоки людей и, несмотря на препятствия патрулей, конных городских, жандармов и цепи солдат, сливались вместе, заполняя главную магистраль города — Невский проспект. К вечеру командующий войсками Петроградского военного округа генерал Хабалов собрал у себя на квартире совещание, на котором присутствовали градоначальник Балк, начальник охраны генерал Глобачев, городской голова Лелянов и другие должностные лица. Собравшиеся наметили меры по борьбе с «беспорядками»: было принято решение вызвать дополнительные войска, провести в ночь на 25 февраля аресты и обыски.

Утром 25 февраля в городе появились листки с «объявлением». Генерал Хабалов предлагал рабочим не позднее вторника, 28 февраля, приступить к работе, угрожая в случае отказа отправить всех военнообязанных рабочих призыва 1917—1919 гг. в армию. Но было уже поздно. Всеобщая политическая стачка охватила весь Петроград, остановились все фабрики и заводы, городской транспорт. Многотысячные потоки демонстрантов заполнили проспекты и площади. У Казанского собора и на Знаменской площади шли непрерывные митинги. Именно здесь казаки Пер-

¹ См.: И. И. Минаев. История Великого Октября, т. 1, М., 1967, стр. 479.

² См.: «Листовки петербургских большевиков», т. II. М.—Л., 1939, стр. 248.

вого донского полка дали залп по разгонявшим рабочих конным городовым, а командир городских был зарублен казаком.

Первые известия о революционных событиях в Петрограде Николай II получил только 25 февраля. Хабалов в 4 час. 40 мин. направил в Ставку длиннейшую телеграмму, рассказывая о событиях предшествующих дней, перечисляя воинские части, которые принимали участие в «подавлении беспорядков». Министр внутренних дел Протопопов был далек от мысли, что в России началась революция. Когда позвонивший ему по телефону вечером 25 февраля товарищ обер-прокурора Синода Н. Д. Жевахов высказал эту догадку, то Протопопов поспешил его успокоить: «Если революция и будет в России, то не раньше, как через 50 лет»¹.

Одновременно в Ставку к царю поступило очередное письмо от Александры Федоровны. «Это — хулиганское движение,— писала царица,— мальчишки и девчонки бегают и кричат, что у них нет хлеба,— просто для того, чтобы создать возбуждение,— и рабочие, которые мешают другим работать. Если бы погода была очень холодная, они все, вероятно, сидели бы по домам»².

Около 9 час. вечера Хабалов получил телеграмму царя: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай»³. Не прошло и часа, как Хабалов собрал начальников участков, командиров запасных частей и предложил им принять «решительные действия», т. е. стрелять в народ. В ночь на 26 февраля по городу прошли массовые аресты: охранке удалось арестовать и 5 членов Петербургского комитета большевиков. Руководство массами перешло к Выборгскому районному комитету большевиков.

В 12 час. ночи на квартире председателя Совета министров кн. Голицына собрались министры. На заседании царила полная растерянность. Протопопов настаивал на роспуске Государственной думы, но оказался в меньшинстве. Испуганные министры даже приняли решение просить председателя и членов Государственной думы «употребить свой престиж для успокоения толпы»⁴. Министры разошлись лишь в 4 часа утра.

В воскресенье, 26 февраля, войска и полиция заняли свои посты: на колокольнях церквей, крышах и чердаках были установлены пулеметы. По проспектам гарцевали конные городовые. Хабалов издал приказ: после трехкратного предупреждения стрелять в толпу боевыми патронами.

В полдень 26 февраля, когда тысячи рабочих и работниц направлялись к центру, их встретила полиция, а затем и войска.

¹ «Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода Н. Жевахова», т. I. Мюнхен, 1923, стр. 373.

² «Переписка Николая и Александры Романовых», т. V, стр. 217—218.

³ «Красный архив», 1927, т. 2, стр. 4.

⁴ Цит. по кн.: А. Блок. Собр. соч., т. 6. М.—Л., 1962, стр. 230.

В ряде пунктов города войска стреляли в народ, засевшие на крышах полицейские поливали улицы из пулеметов. Рабочие стали громить полицейские участки, разоружали городских. Политическая стачка по призыву большевиков переросла в вооруженное восстание. Большевистские агитаторы проникли в солдатские казармы. В солдатских массах произошел перелом. Первая рота запасного батальона гвардейского Павловского полка разбила цейхгауз, забрала винтовки и патроны и двинулась на Невский проспект, стреляя по пути в городских. В ночь на 27 февраля восстал гвардейский Волынский полк.

Еще утром 26 февраля Родзянко пространной телеграммой сообщал царю о событиях: «Положение серьезное. В столице анархия. Правительство парализовано. Транспорт... пришел в полное расстройство. Растет общественное недовольство. На улицах происходит беспорядочная стрельба. Части войск стреляют друг в друга. Необходимо немедленно поручить лицу, пользующемуся доверием страны, составить новое правительство. Медлить нельзя»¹.

Николай II принял эту тревожную телеграмму довольно равнодушно: в этот день он присутствовал на обеде, затем направился в длительную прогулку по Бобруйскому шоссе, принял сенатора, а вечером играл в домино с придворными. В ночь на 27 февраля царь подписал указ (датированный 25 февраля) о перерыве заседаний Государственной думы и Государственного совета.

Морозная ночь опустилась на столицу Российской империи; плотно зашторены окна и заперты двери роскошных особняков, в безмолвии застыли громады дворцов и зданий министерств. Но город не спал. В рабочих кварталах на Выборгской стороне, Васильевском острове, за Нарвской заставой кипит жизнь. На улицах, фабричных дворах рабочие формируют отряды, распределяют оружие. Рабочий Питер готовится к боям. Не спят и во многих солдатских полках. Днем по приказу командиров некоторые части стреляли в народ. Сейчас солдаты решали вопрос: что же делать завтра?

С утра 27 февраля восстание охватило весь город. Революционные рабочие и солдаты захватили арсенал с 40 тыс. винтовок, политическую тюрьму «Кресты», военную пересыльную и женскую тюрьмы, запылало разгромленное здание окружного суда. Солдаты стали переходить на сторону революции. Власть оказалась парализованной.

На Гороховой улице в Петербургском охранном отделении 24 и 25 февраля продолжалась обычная работа царского органа политического сыска: велась, как всегда, переписка, отдавались приказы об обысках и арестах, принимались донесения филеров. Но в эту будничную деятельность врывались сводки-телефоно-

¹ «Известия революционной недели», 27 февраля 1917 г.

граммы и сообщения тайных сотрудников о событиях на улицах города. 25 февраля телефонограмм из полицейских участков стало меньше, 26 февраля их поступило только шесть, так как многие полицейские участки прекратили свое существование. 27 февраля в охранку пришло лишь два донесения о восстании солдат, а вечером того же дня охранка была разгромлена¹.

На улицах Петрограда распространялась листовка-манифест ЦК большевиков о свержении самодержавия: «Граждане! Твердыни царизма пали... Столица в руках восставшего народа...

По всей России поднимается красное знамя восстания! По всей России берите в свои руки дело свободы, свергайте царских холопов, зовите солдат на борьбу.

По всей России, по городам и селам создавайте правительство революционного народа»².

В кабинете председателя Думы в 11 час. 27 февраля собрались думские старейшины (главы фракций) и после длительных споров приняли решение:

«Императорскому указу о роспуске подчиниться — считать Государственную думу нефункционирующей, но членам Думы не разъезжаться и немедленно собираться на частное совещание». Совещание это было намечено на 2 часа 30 мин.

В промежутке между этими заседаниями Родзянко выслал царю вторую телеграмму, в которой верноподданически информировал о выполнении указа о перерыве в заседании Думы и рисовал мрачную картину развития революции: «Правительство совершенно бессильно подавить беспорядок. На войска гарнизона надежды нет. Запасные батальоны гвардейских полков охвачены бунтом. Убивают офицеров». Родзянко призывал царя образумиться и назначить новое правительство, создать вновь Думу и Государственный совет. Он призывал царя к действиям: «Государь, не медлите. Если движение перебросится в армию, восторжествует немец и крушение России, а с ней и династии неминуемо... час, решающий судьбу вашу и родины, настал. Завтра может быть уже поздно»³. Царь принял это послание Родзянко так же равнодушно, как и предыдущее. «Опять этот толстяк Родзянко, — посмеиваясь, говорил он министру двора Фредериксу, — мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать»⁴.

В половине третьего 27 февраля собралось «частное совещание» членов Государственной думы. Внешнюю обстановку этого заседания, страх перед революцией и растерянность соб-

¹ См.: «Былое», 1918, № 11, стр. 158—176.

² «Революционное движение в России после свержения самодержавия». М., 1957, стр. 3—4.

³ «Красный архив», 1927, т. 2, стр. 6—7.

⁴ Цит. по кн.: А. Блок. Собр. соч., т. 6, стр. 232.

равшихся впоследствии хорошо изобразил В. В. Шульгин. Чтобы подчеркнуть неофициальный характер встречи, члены Думы собрались не в Большом зале заседаний, а в так называемом Полуциркульном. «Он едва вместил нас: вся Дума была налицо. За столом сидели Родзянко и старейшины. Кругом сидели и стояли, столпившись, стеснившись, остальные... Встревоженные, взволнованные, как-то душевно припавшиеся друг к другу... Даже люди, много лет враждовавшие, почувствовали вдруг, что есть нечто, что всем одинаково опасно, грозно, отвратительно... Это нечто была улица... уличная толпа... Ее приближавшееся дыхание уже чувствовалось... С улицы шествовала та, о которой очень многие, наверное, подумали, ощутили ее бессознательно... По улице, окруженная многотысячной толпой, шла смерть»¹. Так выглядела революция в глазах представителей господствующего класса.

На заседании столкнулось несколько точек зрения по вопросу о власти: одни предлагали установить военную диктатуру во главе с генералом, другие рекомендовали передать власть Совету старейшин Думы, третьи советовали объявить Думу учредительным собранием, четвертые требовали создать особый комитет Государственной думы. С некоторыми поправками была принята последняя точка зрения. Совет старейшин избрал Временный комитет Государственной думы из 12 лиц во главе с М. В. Родзянко. Большинство членов этого комитета входили ранее в бюро «Прогрессивного блока». Временный комитет поставил задачу не допустить перехода власти к народу. Сразу же после заседания Родзянко с некоторыми думскими лидерами направился на квартиру к брату царя вел. кн. Михаилу, где был и председатель Совета министров кн. Н. Д. Голицын. Родзянко стал угваривать Михаила согласиться стать «диктатором» Петрограда. Голицын сообщил, что еще вечером он выслал царю телеграмму с просьбой распустить Совет министров и составить новый кабинет во главе с кн. Львовым или Родзянко. Совещание окончилось безрезультатно: участники решили ждать царского ответа. Он последовал в двенадцатом часу ночи.

Николай II отнесся холодно к предложениям Голицына. «Относительно перемен в личном составе,— заявил он,— при данных обстоятельствах считаю их недопустимыми». Здесь же он общал, что назначил «главного начальника для Петрограда»².

Что же происходило в это время в Петрограде?

Если большевики руководили массами на улицах Петрограда, то меньшевики предпочли иные действия. С утра 27 февраля они устремились к Таврическому дворцу, и к середине дня инициативная группа меньшевиков и эсеров из 14 человек объявила себя Временным исполнительным комитетом Совета рабочих

¹ В. В. Шульгин. Дни. М., 1927, стр. 132.

² «Красный архив», 1927, т. 2, стр. 13.

депутатов. Этот комитет обратился к «войскам и заводам» с воззванием, предлагая им избрать депутатов в Совет по одному от 1000 рабочих и по одному от роты или казачьей сотни. Если учесть, что гарнизон Петрограда и окрестностей насчитывал 466 тыс. человек, а рабочих было 380 тыс., то в Совете, избранном 27 февраля, преобладали нерабочие депутаты. Из 250 депутатов, собравшихся на первый пленум Совета вечером 27 февраля в одной из комнат обширнейшего Таврического дворца, рабочих насчитывалось всего 40—45 человек. Большевики были представлены лишь 38 депутатами (среди них В. Д. Бонч-Бруевич, К. Е. Ворошилов, М. И. Калинин, Н. И. Подвойский). Предложение большевиков объявить Совет «высшим органом государственной власти» было отвергнуто меньшевистско-эсеровским большинством. Совет занялся частными вопросами. Лишь к концу пленума, в ночь на 28 февраля был избран Исполнительный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов во главе с меньшевиком Н. Чхеидзе.

После получения царского ответа в ночь на 28 февраля члены Временного комитета Государственной думы поняли, что сговор с царем не состоялся, и если не заявить о взятии власти, то ее возьмут те, кто уже полностью овладел Петроградом, — рабочие и солдаты. Поэтому около полуночи Родзянко подписал сообщение о взятии власти Временным комитетом Государственной думы. У меньшевистско-эсеровских руководителей Совета это сообщение не вызвало удивления. Наоборот, они встретили его с удовлетворением, так как считали, что в буржуазной революции союзником пролетариата является буржуазия, которой и будет принадлежать власть при «контроле» со стороны «демократии», т. е. меньшевистско-эсеровского руководства Совета.

Эсеры и меньшевики боялись развития революции и старались поскорее прекратить революционную борьбу народа.

О всех событиях дня 27 февраля в Ставке знали по телеграммам Родзянко, кн. Голицына, генерала Хабалова и военного министра генерала Беляева. Николай II изрек: «Надо надеяться, что эти безобразия будут скоро прекращены»¹. В очередном письме к Александре Федоровне он даже высказал абсурдную догадку: «Беспорядки в войсках происходят от роты выздоравливающих, как я слышал»².

Царское окружение в Ставке оказалось более прозорливым, и полученные телеграммы вызвали среди него уныние и страх. «Все будем висеть на фонарях, — пророчествовал в толпе перепуганных придворных вечно пьяный флаг-капитан Нилов, — у нас будет такая революция, какой еще нигде не было»³.

¹ Цит. по кн.: П. Е. Щеголев. Последний рейс Николая Второго. М.—Л., 1928, стр. 19

² «Переписка Николая и Александры Романовых», т. V, стр. 225.

³ Цит. по кн.: П. Е. Щеголев. Указ. соч., стр. 18.

Вечером 27 февраля на экстренном совещании в Ставке дальновидный начальник штаба верховного главнокомандующего генерал Алексеев умолял Николая II согласиться на предложение Родзянко, министр двора Фредерикс дипломатично отмалчивался, и лишь дворцовый комендант Воейков горячо убеждал царя не уступать, а немедленно выехать в Царское Село. Царь удовлетворенно кивал головой: он уже принял решение. Глубокой ночью числящегося при Ставке бывшего командующего Юго-Западным фронтом генерала Н. И. Иванова разбудил адъютант Николая II, и около 3 час. ночи царь предложил этому находившемуся не у дел преданному генералу возглавить карательную экспедицию в Петроград.

Вскоре после ухода Иванова, в 5 час. утра 28 февраля, от платформы станции Могилев медленно отошли два литерных поезда (царский и свитский) и, быстро набирая скорость, устремились на восток. Так начался последний рейс Николая II. Окольным путем через Вязьму, Ржев, Лихославль царь решил пробраться в Царское Село, поближе к мятежной столице. Из Вязьмы он послал ободряющую телеграмму Александру Федоровне, успокаивая ее сообщением, что в Петроград «много войск послано с фронта». Из Лихославля поезд повернул к Бологому на Николаевскую (ныне Октябрьскую) железную дорогу, чтобы свернуть от ст. Тосно на Царское Село. Но литерные царские поезда так и не прибыли на станцию назначения. 1 марта Николай II записал в дневнике: «Ночью повернули с М. Вишеры назад, т. к. Любань и Тосно оказались занятыми восставшими. Поехали на Валдай, Дно и Псков, где остановились на ночь... Гатчина и Луга тоже оказались занятыми. Стыд и позор! Доехать до Царского не удалось»¹. Николай II прибыл в Псков 1 марта в восьмом часу вечера. Здесь находился штаб Северного фронта, опираясь на войска которого царь рассчитывал действовать против Петрограда. Еще по пути в Псков он послал телеграмму Родзянко, приглашая его прибыть в Псков для переговоров о формировании нового правительства. И тот незамедлительно сообщил, что выезжает для доклада «о положении дел и необходимых мерах для спасения России». Вскоре после прибытия царя в Псков он получил новую телеграмму от Родзянко: «Чрезвычайные обстоятельства не позволили мне выехать, о чем доношу вашему величеству»².

Что же произошло за это время в столице? К концу дня 27 февраля стало ясно, что революция в столице победила — правительственный аппарат оказался парализованным. К вечеру в Марининском дворце собралось последнее заседание Совета министров. Растерянные министры постановили исключить из состава правительства Протопопова. Председатель Совета министров

¹ «Красный архив», 1927, т. I, стр. 136.

² Цит. по кн.: П. Е. Щеголев. Указ. соч., стр. 45—46.

кн. Н. Д. Голицын весьма учтиво уговаривал Протопопова уйти в отставку или сказаться больным, так как одна фамилия этого царского министра «раздражает толпу», а его самоустранение якобы «внесет успокоение». «Ну, что же, я подчиняюсь», — проворчал Протопопов, согласившись на время «заболеть»¹. Голицын послал Николаю II телеграмму, в которой сообщал об устранении Протопопова, и умолял согласиться на «общественный кабинет». Долго не расходились министры, дожидаясь ответа царя, но, так и не дождавшись, разошлись в полночь. Замешкавшихся двух министров чуть было не захватили ворвавшиеся в Мариинский дворец отряды солдат и вооруженных рабочих. Царский Совет министров прекратил существование.

Уже с 27 февраля начались аресты наиболее ненавистных слуг царского режима. К вечеру был задержан председатель Государственного совета, бывший министр юстиции И. Г. Щегловитов и под конвоем доставлен в Таврический дворец. 28 февраля арестовали многих министров, генералов, деятелей охранки и жандармерии, крупных чинов бюрократии.

Их препровождали в так называемый Министерский павильон-пристройку к Таврическому дворцу, соединенную с главным зданием коридором; здесь в прошлом собирались приехавшие на заседание Думы министры. Никогда еще стены этого павильона не видели такого большого скопления важных сановников империи: одни из них сидели в креслах, другие дремали на диванах, третьи нервно расхаживали взад и вперед. Жандармский генерал Комиссаров беззаботно разлегся на стульях. 1 марта на грузовике доставили бывшего председателя Совета министров И. Л. Горемыкина.

Не могли найти лишь Протопопова, который исчез, и кем-то был пущен слух, что ему удалось бежать в Царское Село. В действительности же Протопопов был в Петрограде. После заседания Совета министров он решил укрыться не в доме министерства или на квартире (они были к этому времени разгромлены восставшим народом), а в каком-нибудь ведомстве. Увидев здание Государственного контроля, Протопопов в нем и обосновался, устроившись на диване в кабинете помощника государственного контролера. Протопопов скрывался здесь двое суток и лишь вечером 4 марта явился к Таврическому дворцу и объявил первому попавшемуся студенту: «Я Протопопов». Пока студент разыскивал начальника караула, чтобы «сдать» еще недавно всесильного фаворита царской семьи, Протопопова окружила толпа солдат и рабочих. Угрожающий шум голосов вдруг разрезал истерический крик: «Не смей прикасаться к этому человеку!» Землесто-бледный, худощавый мужчина с мешками под глазами, расталкивая толпу, устремился к перепуганному насмерть

¹ «Падение царского режима», т. II. Л., 1925, стр. 267—268; «Красный архив», 1925, т. 3, стр. 179.

Протопопову. Это был член Временного комитета Думы и товарищ председателя Петроградского Совета А. Ф. Керенский. Он грозно приказал нескольким вооруженным солдатам «взять» из расступившейся толпы «этого человека», и, возглавляя конвой, провел Протопопова через переполненные народом коридоры дворца в Екатерининский зал. Когда за ними захлопнулись двери Министерского павильона, Керенский устало упал в кресло и любезно предложил Протопопову: «Садитесь, Александр Дмитриевич».

Министерский павильон превратился в островок, на котором укрылись от бури народного гнева верные слуги низверженного режима. Керенский, посетив павильон, пояснил: «Господа! Никто из вас не должен считать себя арестованным... народный гнев против слуг прежнего режима столь велик, что каждый из вас, оставаясь на своей квартире, рисковал своей жизнью...»¹

Пользуясь поддержкой меньшевистско-эсеровского руководства Петроградского Совета, Временный комитет Думы делал все, чтобы овладеть создавшимся положением. В ночь на 28 февраля Временный комитет обратился к населению России с воззванием, в котором заявлял, что берет в свои руки инициативу «восстановления государственного и общественного порядка» и создания правительства. В министерства, градоначальства и другие правительственные учреждения были назначены из членов Государственной думы комиссары. Офицеры во главе с членом Государственной думы полковником Б. Энгельгардтом захватили руководство в Военной комиссии Совета и стали действовать от имени Временного комитета Государственной думы, призывая солдат «сохранять порядок» и слушаться офицеров. Эти действия вызвали возмущение революционных солдат. Группа солдатских депутатов выработала текст знаменитого приказа № 1, и руководство Петроградского Совета было вынуждено его утвердить. Приказ № 1 вводил демократические порядки в войсках, устанавливал равноправие солдат, отменял титулование офицеров («ваше благородие», «ваше превосходительство» и т. п.). Был в приказе даже пункт о выборности командного состава, но во время печатания приказа в типографии меньшевик Соколов самовольно вычеркнул этот пункт. Временный комитет остался без войск. Революционные войска Петроградского гарнизона оказались в подчинении Совета.

28 февраля стал днем появления как пролетарской, так и буржуазной милиции. Если первая формировалась в рабочих районах на фабриках и заводах, то буржуазная милиция была создана при Петроградской думе из буржуазной молодежи.

И все-таки, несмотря на все попытки Временного комитета овладеть положением, реальная власть в столице, а также ее вок-

¹ «Вспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода Н. Д. Жевахова», т. 1, стр. 386.

залы, почта, телеграф, типографии находились в руках Петроградского Совета. Когда Родзянко 1 марта собрался выехать для переговоров с Николаем II, то Петроградский Совет заявил, что может отпустить его лишь в сопровождении делегации от Совета и батальона революционных солдат. Вzbешенный такими условиями председатель Временного комитета был вынужден подчиниться, выслав царю в Псков телеграмму о невозможности выехать из-за «чрезвычайных обстоятельств».

Вопреки этой реальной расстановке сил, меньшевистско-эсеровское руководство Петроградского Совета все-таки настаивало на формировании буржуазного правительства. Еще 28 февраля пленум Совета принял решение о переговорах с Временным думским комитетом по этому вопросу, а вечером неполный состав исполкома избрал специальную комиссию из 5 человек (4 меньшевика и 1 эсер) во главе с Н. Чхеидзе для ведения переговоров. Комиссия сразу же направилась в другое крыло Таврического дворца, где Временный комитет совещался с кандидатами в члены предполагаемого правительства, и предложила обсудить условия, при которых Совет сможет обеспечить правительству поддержку. Почти без прений были приняты 8 условий: политическая амнистия; дарование буржуазных свобод; отмена сословных, вероисповедных и национальных ограничений; подготовка к созыву Учредительного собрания; замена полиции народной милицией, подчиненной органам самоуправления; демократизация выборов в эти органы самоуправления; невывод революционных войск из Петрограда; демократизация армии «при сохранении строгой воинской дисциплины в строю и несении воинской службы»¹. Острые прения возникли в основном по двум пунктам, против которых возражали члены Временного комитета: им удалось вычеркнуть требование о выборности офицеров и снять туманный пункт, в котором Совет очень робко хотел подчеркнуть республиканскую форму правления в России.

Временный комитет и будущих министров правительства вполне устроило то, что меньшевики и эсеры не выдвинули самых острых требований, разрешения которых ждали широкие народные массы: мира, земли, восьмичасового рабочего дня.

С принятием этих условий Петроградского Совета вопрос об образовании Временного правительства был фактически решен, и список членов его вместе с декларацией появился 2 марта в официальном органе Временного комитета — «Известиях революционной недели».

Формируя правительство, руководители Временного комитета Государственной думы рассчитывали на сохранение монархии. Но уже к 1 марта стало ясно, что сохранить Николая II даже как конституционного монарха невозможно. Народные массы остро ненавидели человека, 23-летнее правление которого при-

¹ И. И. Милиц. История Великого Октября, т. 1. М., 1967, стр. 597.

несло им так много бедствий и страданий. Поэтому члены Временного думского комитета и сформированного в ночь на 2 марта правительства попытались сохранить монархию иным путем: добиться отречения Николая II в пользу сына, 14-летнего Алексея, при назначении регентом царского брата Михаила.

«Разрешите мне действовать и дайте поезд, и я через несколько часов привезу текст отречения императора»,— говорил на заседании Временного комитета А. И. Гучков.

1 марта около 8 час. вечера к станции Псков подошел роскошный царский поезд с плотно зашторенными окнами вагонов. На полутемной платформе его встречали главнокомандующий Северным фронтом генерал Рузский, его ближайший помощник генерал-квартирмейстер фронта Данилов да несколько железнодорожных служащих. Соскочивший на дебаркадер флигель-адъютант пригласил Рузского и Данилова пройти в вагон к министру двора Фредериксу, а тот провел их к Николаю II. На состоявшейся в салон-вагоне беседе осведомленный о событиях в столице Рузский деликатно настаивал на необходимости образования правительства, ответственного перед Государственной думой. Но Николай II хладнокровно возражал, считая, что это принесет «вред родине». И лишь после того, как Рузский обрисовал положение в столице, напомнил содержание телеграмм из Москвы, Кронштадта, Петрограда, Николай II вынужден был в 2 часа ночи подписать манифест о создании ответственного перед Думой правительства во главе с Родзянко. Генералу Иванову, обосновавшемуся со своим штабом карательного отряда в Вырице (недалеко от Гатчины), была послана телеграмма с предложением «приостановить движение на Петроград»; последнее, впрочем, оказалось актом бесполезным: Иванов тщетно пытался собрать войсковые части для экспедиционного корпуса, но успел заручиться поддержкой лишь одного полка. Ни о каком «движении на Петроград» он пока и не думал.

Ночью Рузского по прямому проводу вызвал из Петрограда Родзянко; их разговор продолжался в течение нескольких часов. Объяснив причины отказа выехать в Псков, Родзянко отклонил предложение формировать правительство, пояснив, что оно уже сформировано. «Я сам вишу на волоске,— жаловался он Рузскому.— Анархия достигла таких размеров, что я вынужден был сегодня ночью назначить Временное правительство. Время упущено, возврата нет». Родзянко от лица нового правительства советовал склонить Николая II на отречение в пользу Алексея при регентстве Михаила Александровича, заверяя Рузского, что это якобы и является «грозными требованиями народа» и внесет успокоение «в несколько дней»¹.

Рузский срочно информировал об этом начальника штаба Ставки генерала Алексева, который согласился, что «выбора

¹ «Архив русской революции», т. XIX. Берлин, 1922, стр. 206.

нет и отречение государя должно состояться», и от себя послал текст телеграммы всем главнокомандующим фронтами, запрашивая их по этому вопросу и предложив телеграфировать свое мнение к царю в Псков.

С утра 2 марта Рузский поспешил в царский вагон и доложил Николаю II о своем ночном разговоре с Родзянко, предложил прочитать запись разговора. Николай II после ознакомления помолчал, а затем неохотно промолвил, что он-то «готов» отречься, хотя и опасается, что «народ этого не поймет». Тогда Рузский ознакомил Николая II с текстом только что полученных телеграмм от главнокомандующих фронтами и командующего Балтийским флотом на запрос Алексеева. Все главнокомандующие, включая и вел. кн. Николая Николаевича, верноподданнически, но твердо рекомендовали Николаю II отречься от престола в пользу наследника при регентстве вел. кн. Михаила. Алексей даже предложил готовую форму отречения. Николай II вынужден был согласиться. Царь набросал текст ответа Алексееву и Родзянко об отречении на предложенных условиях.

Едва Рузский покинул царский вагон, как ему вручили только что полученную телеграмму о приезде в Псков вечером А. И. Гучкова и В. В. Шульгина. Рузский поспешил вернуться и доложить об этом царю. Решив пока не отправлять телеграммы Алексееву и Родзянко, стали ждать приезда «депутатов законодательных палат». Эта весть возродила у Николая II даже какие-то надежды, что еще не все потеряно. Особенно обнадеживал царя приезд Шульгина.

Около 10 час. вечера к концу длинной платформы псковского вокзала подошел поезд с единственным вагоном-салонем. Опасаясь, что Гучкова и Шульгина перехватит Рузский и «уговорит их», царь выслал на вокзал флигель-адъютанта полковника Мордвинова, который сразу же повел прибывших по железнодорожным путям к царскому поезду.

«Что же происходит в Петрограде?» — осведомился царский придворный. «В Петрограде творится что-то невообразимое, — признался Шульгин. — Мы находимся всецело в их руках, и нас, наверно, арестуют, когда мы вернемся». В зеленоватом салоне вагона-столовой за небольшим столом, придвинутым к стене, разместились Николай II, Гучков и Шульгин, генерал Рузский и Фредерикс.

Тихим голосом Гучков доложил царю обстановку в столице, заключив свое выступление все тем же советом — отречься от престола. Царь ответил, что он уже принял решение об отречении в пользу сына. Но теперь он отрекся и за себя и за сына в пользу брата Михаила. Царь отклонил составленный ими еще в поезде проект манифеста об отречении, заявив, что составил свой текст.

Николай II прошел в свой вагон. Вернувшись через час, он передал текст манифеста, перепечатанный на нескольких теле-

графных бланках; это был текст неотправленной телеграммы Алексею в Ставку. Констатируя «внутренние народные волнения», Николай II объяснял отречение стремлением «облегчить... тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы». Признав «за благо... сложить с себя верховную власть», Николай II отрекался в пользу брата Михаила, которому предлагал «править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях»¹... Гучков глухим голосом прочитал текст вслух, Шульгин внес две-три небольшие поправки. Гучков попросил, на всякий случай, подписать два экземпляра акта отречения. «Мы, — признался он, — опасаемся, что при бурных обстоятельствах Петрограда акт, который мы привезем, будет утрачен»². Николай II согласился с ним и, кроме того, набросал два указа Сенату: один — о назначении верховным главнокомандующим вел. кн. Николая Николаевича, другой — о назначении председателем Совета министров кн. Г. Е. Львова.

Все три документа (манифест об отречении и указы о назначении Львова и Николая Николаевича) царь утвердил одновременно почти в полночь 2 марта, но датированы они были различно: указы — часом дня, а манифест — тремя часами дня, чтобы создать видимость о том, что Николай II принял свое решение самостоятельно до приезда Гучкова и Шульгина. Таким образом, в течение одних суток Николай II подписал три совершенно различных акта: в 2 часа ночи на 2 марта — манифест о даровании «ответственного министерства», в 3 часа дня 2 марта — акт об отречении в пользу сына и, наконец, в 23 часа 48 мин. того же дня — отречение в пользу брата Михаила.

Гучков и Шульгин перешли в вагон Рузского и ожидали, когда текст отречения будет изготовлен окончательно.

Первый экземпляр отречения, написанный на листках небольшого формата, остался у генерала Рузского, а второй — на листе большого формата вручен под расписку Гучкову и Шульгину.

Впопыхах взволнованные действующие лица сцены отречения не обратили внимания на довольно нелепую форму самого манифеста, который начинался почему-то словом «Ставка», а в конце, за подписью Николая II и скрепой Фредерикса, имел адресат: «Начальнику штаба верховного главнокомандующего». В таком виде он был опубликован в «Собрании узаконений и распоряжений Временного правительства», вызывая недоумение у непосвященных современников. Причем здесь «Ставка» и «Начальник штаба верховного»? Ведь манифест предназначался стране. Как упоминалось выше, Алексеев прислал свой проект манифеста об отречении, но Николаю II он не понравился, и в царском поезде был составлен манифест об отречении в форме телеграммы

¹ «Вестник Временного правительства», 5 марта 1917 г.

² «Отречение Николая II». Воспоминания очевидцев, документы, изд. 2. Л., 1927, стр. 88—89.

в Ставку на имя начальника штаба генерала Алексеева, которую отослать не успели. Николай II и предложил Гучкову этот вариант, он был перепечатан на машинке, сохранив форму телеграммы в Ставку Алексееву. В ту же ночь Гучков и Шульгин выехали в Петроград, а бывший император — в Могилев, в Ставку.

Известие, что Николай II отрекся от престола в пользу своего брата и тем сохранил ненавистное правление «дома Романовых», было встречено взрывом народного возмущения. На вокзале, при возвращении в Петроград, железнодорожные служащие чуть было не арестовали Гучкова и Шульгина, пытавшихся провозгласить здравицу в честь «его императорского величества Михаила Второго».

Около полудня 3 марта на квартире отставного генерала Путьгина, где проживал вел. кн. Михаил в обстановке строгой секретности, тайно собрались члены Временного правительства и Временного комитета Думы. После зрелого размышления, трезво оценив обстановку, Михаил отказался от верховной власти¹.

А в это время литерный поезд бывшего российского императора мчался по заснеженным холодным просторам в Ставку. Видимо, для поддержания духа Николай Романов читал... о Юлии Цезаре. В 9-м часу вечера поезд прибыл в Могилев, а через час Алексей доложил ему последние вести — отречение Михаила. «Оказывается, Миша отрекся,— записал перед сном в дневнике Николай Романов.— Его манифест кончается четыреххвосткой² для выбора через 6 месяцев Учредительного собрания. Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость!»³

Народные массы России сбросили с головы «хозяина земли русской» — Николая Романова — императорскую корону, не позволили подхватить ее другому претенденту.

«Что Николай лишился места,
Мы знали все без манифеста,
Но все же, чтоб не было неясности,
Предать необходимо гласности
Для «кандидатов» всех ответ:
Что «места» также больше нет».

Так писал известный пролетарский поэт Демьян Бедный в стихотворении, помещенном через день после отречения Николая II в органе Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов — газете «Известия»⁴.

В условиях общего экономического кризиса, порожденного империалистической войной, народные массы свергли «хозяев земли русской», и «телега залитой кровью и грязью романовской монархии» смогла «прокинуться сразу»⁵.

¹ «Вестник Временного правительства», 5 марта 1917 г.

² Имеется в виду всеобщее, прямое, равное, тайное голосование.

³ «Красный архив», 1927, № 1, стр. 137.

⁴ «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов», 4 марта 1917 г.

⁵ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 31, стр. 13.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К началу XX в. Россия оказалась узловым пунктом всех противоречий империализма, страной, в которой монополистический капитализм среднего уровня развития переплетался с пережитками крепостничества в экономике, праве и государственном строе. Сохранение в условиях империализма феодального политического строя, абсолютной монархии и дворянского бюрократического аппарата, проводившего реакционную политику в интересах помещиков и буржуазии, давало основания В. И. Ленину писать «о военно-феодальном империализме» в России. Россия сделалась центром мирового революционного движения, что привело к первой буржуазно-демократической революции 1905—1907 гг.

Революция нанесла серьезный удар по самодержавию, но еще не смогла его сокрушить. Она вынудила самодержавие пойти на уступки, ускорила процесс его эволюции в сторону буржуазной монархии. Если освобождение крестьян в 1861 г. и буржуазные реформы 60—70-х годов были первым и робким «шагом по пути превращения феодальной монархии в буржуазную монархию»¹, то период после первой революции ознаменовался более решительным продвижением самодержавия в этом же направлении. Манифест 17 октября 1905 г., создание Государственной думы, новая аграрная (стольпинская) политика и, наконец, союз реак-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 20, стр. 165.

ционных помещиков с верхами буржуазии в форме «третьеиюньского блока» в Третьей Государственной думе — все это звенья одного процесса — приспособления самодержавия к новым историческим условиям, процесса, завершившегося вторым шагом на пути к буржуазной монархии. В. И. Ленин дал характеристику государственного строя России в резолюции «О современном моменте и задачах партии», принятой на V конференции РСДРП(б) в 1908 г. «Старое крепостническое самодержавие, — писал В. И. Ленин, — разлагается, делая еще шаг по пути превращения в буржуазную монархию, прикрывающую абсолютизм лжеконституционными формами»¹.

Самодержавие со времени первой революции действительно не могло уже существовать на старых началах, а вынуждено было прикрываться лжеконституционными формами. Изменилась самая важная статья «Основных законов Российской империи», в которой говорилось о том, что «император Российский есть монарх самодержавный и неограниченный». Из нее был исключен весьма конкретный термин «неограниченный» с сохранением понятия «самодержавная власть». Это одна из конкретных, указанных В. И. Лениным «лжеконституционных форм», поскольку понятия «неограниченный» и «самодержавный» являлись тождественными еще с XVIII в. Сам Николай II при обсуждении нового издания «Основных законов» на совещании высших чиновников государства в Царском Селе 9 апреля 1906 г. признал, что если эта статья «останется без изменения, то это вызовет волнения и нападки»². Все последующие законы подтверждали незыблемость самодержавия. Правда, статья 86 поясняла, что никакой закон не может последовать «без одобрения» Государственной думы и Государственного совета и «воспринять силу без утверждения государя императора», но практическое значение «законодательных» функций этих высших органов было невелико: царь мог в любое время распустить их и назначить новые выборы. Подавляющее большинство проектов законов, поступавших в эти палаты «парламента» России, выдвигалось по инициативе царских министров; законодательная же инициатива Думы и Совета была ничтожна³. Статья 87 «Основных законов Российской империи» открывала простор для утверждения в период отсутствия заседаний Государственной думы и Государственного совета законов в форме «чрезвычайных указов» после обсуждения их в Совете министров⁴. Мало напоминал «правительственный каби-

¹ «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. I, изд. 8. М., 1970, стр. 249.

² ЦГИА СССР, ф. 1544, оп. 1, д. 23, л. 464.

³ В самой «работоспособной» Третьей думе ее члены выдвинули менее 10% проектов законов («Обзор деятельности Государственной думы третьего созыва 1907—1912 гг.», ч. 2 СПб., 1912, стр. 24).

⁴ Только за первый год войны царское правительство провело по статье 87 «Основных законов» 335 законов (ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 11, д. 4, лл. 1—38).

нет» и Совет министров — все министры в Совет по-прежнему назначались царем из представителей высшей бюрократии.

Как и в XIX в., бюрократия принадлежала в своей основной массе к потомственному и личному дворянству, а самодержавие оставалось полупатриархальным, полукрепостническим¹.

Несмотря на то что буржуазия России имела в государственном аппарате сравнительно второстепенные позиции, ее роль в экономике уравнивала значение двух господствующих классов, и это равновесие помещиков и буржуазии и стало социальной базой абсолютизма. Союз реакционных помещиков и крупной буржуазии в Третьей думе и столыпинская аграрная политика явились попытками расширения социальной базы самодержавия.

Сохранение в условиях империализма самодержавия, дворянской бюрократии, помещичьего землевладения и других пережитков крепостничества влекло за собой разложение верхов. После первой революции особенно явственно обнаруживается, что самодержавие и весь его государственный аппарат прогнили сверху донизу. Авторитет самодержавия и самого Николая II даже в среде господствующих классов падает. С другой стороны, неразрешенные задачи буржуазной революции создавали условия для нового революционного подъема. Самодержавие только в войне видело средство отвлечь внимание от роста недовольства внутри страны и подавить растущее революционное движение.

Мировая война усилила политические позиции буржуазии и приблизила ее к власти, но брать эту власть она не хотела и боялась, считая, что самодержавная власть и возглавляемый ею государственный аппарат надежно охраняют интересы буржуазии и помещиков от народных масс. Война вызвала острый экономический и политический кризис, оказала влияние на революционную ситуацию, которая переросла в буржуазно-демократическую революцию, свергнувшую самодержавие в феврале 1917 г.

Пришедшая к власти буржуазия удерживала ее всего семь с половиной месяцев. В результате вооруженного восстания рабочих и крестьян, солдат и матросов во главе с большевистской партией и под руководством великого Ленина в России 25 октября (7 ноября) 1917 г. победила социалистическая революция. Она свергла строй эксплуатации и угнетения, вырвала страну из империалистической войны, образовала государство диктатуры пролетариата — главное орудие построения социализма.

История России в начале XX в. явилась эпохой кануна социалистической революции. Анализ ее событий показывает, что и свержение самодержавия, и социалистическая революция были не случайными явлениями, а имели свои исторические предпосылки, вытекающие из закономерного развития страны.

¹ См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 17, стр. 358.

КРАТКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- В. И. Ленин. Попятное направление в русской социал-демократии. Полн. собр. соч., т. 4.
В. И. Ленин. К деревенской бедноте. Полн. собр. соч., т. 7.
В. И. Ленин. Падение Порт-Артура. Полн. собр. соч., т. 9.
В. И. Ленин. Государственная дума и социал-демократическая тактика. Полн. собр. соч., т. 12.
В. И. Ленин. Близкий разгон Думы и вопросы тактики. Полн. собр. соч., т. 15.
В. И. Ленин. Третья Дума. Полн. собр. соч., т. 16.
В. И. Ленин. Как социалисты-революционеры подводят итоги революции и как революция подвела итоги социалистам-революционерам. Полн. собр. соч., т. 17.
В. И. Ленин. Столыпин и революция. Полн. собр. соч., т. 20.
В. И. Ленин. Духовенство на выборах и выборы с духовенством. Полн. собр. соч., т. 22.
В. И. Ленин. Письма из далека. Полн. собр. соч., т. 31.
«О современном моменте и задачах партии». Резолюция декабрьской конференции РСДРП в 1908 г. В кн.: «КПСС в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК». Изд. 8-е, т. 1. М., 1970, стр. 329—330.
«50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Тезисы ЦК КПСС. М., 1967.
«О 70-летию II съезда РСДРП». Постановление ЦК КПСС от 4 апреля 1973 г. М., 1973.

* * *

- «Революция 1905—1907 гг. в России». Документы и материалы, тт. 1—10. М., 1955—1957.
«Государственная дума в России». Сборник документов и материалов. М., 1957.
«Великая Октябрьская социалистическая революция». Документы и материалы, т. 1. М., 1957.
«Великая Октябрьская социалистическая революция». Хроника событий, т. 1. М., 1957.
С. Ю. Витте. Воспоминания, тт. 1—3. М., 1961,

* * *

- «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 1. М., 1964; т. 2. М., 1966.
«Краткая история рабочего движения в России». М., 1962.
И. И. Минц. История Великого Октября, тт. 1—3. М., 1967—1973.
Е. Д. Черменский. История СССР. Период империализма. Пособие для учителей. Изд. 3-е. М., 1974.
Н. П. Ерощкин. История государственных учреждений дореволюционной России. Учебник для студентов высших учебных заведений. Изд. 2-е. М., 1968.
П. А. Зайончковский. Российское самодержавие в конце XIX столетия. М., 1970.
П. А. Зайончковский. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX—XX столетий. М., 1973.
В. С. Дякин. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны. Л., 1967.
М. Касвинов. Двадцать три ступени вниз. «Звезда», 1972, № 8—9; 1973, № 7—10.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I. «ХОЗЯИН ЗЕМЛИ РУССКОЙ»	5
ГЛАВА II. ПАУТИНА	43
ГЛАВА III. РОССИЯ ПОД НАДЗОРОМ	64
ГЛАВА IV. В РОССИЙСКОМ ПАРЛАМЕНТЕ	86
ГЛАВА V. КРАХ	117
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	156
КРАТКИЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	159

Николай Петрович Ерошкин

САМОДЕРЖАВИЕ НАКАНУНЕ КРАХА

Редактор *М. Т. Студеникин*

Художник *В. М. Прокофьев*

Художественный редактор *Т. А. Алябьева*

Технический редактор *В. В. Новоселова*

Корректор *В. Ф. Малышева.*

Сдано в набор 28/VI 1973 г. Подписано к печати 25/X 1974 г. Формат 60×90^{1/16}. Бум. тип. № 2. Печ. л. 10,0. Уч.-изд. л. 10,89. Тираж 100 000 экз. А 11637. Зак. 286.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 129846, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Полиграфкомбинат им. Я. Коласа Государственного комитета Совета Министров БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Минск, Красная, 23,

Цена 30 коп.

